

Ангелы

Retraces its steps.

$\theta = \pi/2, y = -3$
 $\theta = \pi/2 \leq \theta \leq \pi$
 $\theta = \pi/2$

$\theta = \pi, y = 5$
 $\theta = \pi$

$\theta = \pi$

$\theta = \pi$

$\theta = \pi$

Дарина Грот

Дарина Грот

Ангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26532640

Аннотация

XXI век давно уже забыт. Люди изменились. Изменились мировоззрение и правила, ценности остались в прошлом. И казалось бы, история забыта. Но всегда есть кто-то, кто помнит и пытается помнить. Есть те, кому из поколения в поколение передавали истину, на которую нельзя закрыть глаза, которая должна жить и переходить дальше. Два брата. Два разных мира. Две противоположности. Они оба переполнены максимализмом и светлой памятью об историях из прошлых веков. Их жизнь бьет ключом, сердца горячие, а головы полны безумства. Они жаждут приключений, пока еще не понимая, что жизнь готовится столкнуть их с жестокой реальностью. Университет. Единственное учебное заведение в малочисленном городке. Место, которое молодежи запрещено игнорировать законом. Один не хочет, второму неважно, но они оба вынуждены поступать. И в итоге никто не жалеет. Первая любовь. Истинная дружба. Неукротимая ненависть. Им предстоит познать разочарование и научиться прощать. Оба полны уверенности, что ничего нового друг о друге они уже не смогут узнать. Но им открываются тайны, о существовании которых никто и не догадывался. Сумеют ли два брата начать верить друг другу?

Смогут ли они пройти сквозь тягостную учебу в университете, не лишившись последних светлых чувств? Как сложатся их жизни? Содержит нецензурную брань.

ПЕРВЫЙ КУРС

Ангелы

Ангелы

***

Меня зовут Гавриил. Да, знаю. Имя! У меня есть брат, которого зовут Люцифер. Наша мать назвала нас в честь ангелов господних, так как была верующей женщиной. Почему Люцифер? «Сын зари» был любимым ангелом Бога, может быть мой брат был любимым сыном нашей матери. Я и он – нас невозможно отличить, в двух каплях воды можно найти больше различий, чем между нами. Мой брат и я – близнецы.

Я родился позже него на несколько минут и, видимо, как более яркому и старшему мать решила дать ему страшное для современного мира имя – Люцифер.

Мне было 19 лет. Два года назад я перестал ненавидеть своего брата. Всю жизнь мне казалось, что ему больше дают, что его больше любят и все такое. Но потом мне стало наплевать, потому что все изменилось. Наша мать переходила железнодорожные пути. На платформе было очень много людей и все они видели, как она ступает на деревянную дорожку на рельсах. Они видели, как на нее несется скорый поезд, который явно не собирался останавливаться, и никто ничего не сказал, никто ее не окликнул. И вот, как только нашей

матери не стало, отношения с братом практически наладились... Почти. Отца мы никогда не видели и не знали, жив он вообще, или может тоже встретил своей поезд.

Мы жили в самом обычном городке, таких как он тысячи по всему миру. У нас был большой дом, можно сказать огромный для нас двоих. Двухэтажное, белое здание, окруженное яблонями и какими-то еще деревьями. Помощь соцобеспечения была мизерной. Иногда нам приходилось разгружать вагоны, лишь бы только подзаработать денег, которые утекали сквозь пальцы с неимоверной скоростью. К сожалению, задумка матери не сработала, мы с братом не были ангелами, нам, как и всем людям, хотелось кушать, пить, спать, в общем, делать то, что крылатым существам делать необязательно.

В июле мы сдали вступительные экзамены в один единственный университет в нашем городке.

Университет нашего городка – ушлое место, в котором должны, нет, обязаны учиться все люди из города. Такие университеты, как наш, есть в абсолютно каждом населенном пункте.

Если раньше кому-то школа казалась ужасным местом, то этот университет далеко от нее не ушел. Все здания одинакового цвета, размера, складывалось ощущение, что там даже преподаватели работают с одинаковыми лицами, в одинаковых одеждах и с одинаковыми претензиями. Все экзамены были фальсифицированы, я имею в виду вступительные, по-

тому что поступать умудрялись все, без исключения! И назывался этот университет ОГУ, что расшифровывается, как: «Обязательный городской университет». Не знаю почему, но в последние сто, может сто пятьдесят, двести лет, люди решились, что обучение в этом ВУЗе сделает каждого достойным к существованию среди людей и даст возможность получить уже профессиональное образование.

Как мне казалось, моему брату было совершенно все равно, на что потратить свою жизнь, на университет или на работу. Я хотел получить образование, но какое, пока не знал. Мы решили поступать. К тому же без диплома этого ВУЗа нам не светила ни одна нормальная работа, ни то чтобы в другом городе, а вообще, даже в нашем собственном. Ты можешь быть иммигрантом, нелегальным или легальным, но, только имея бумажку о высшем образовании в ОГУ, все двери будут открыты.

В отличие от моего брата, я не очень хотел тратить несколько лет на обучение там, где не считал нужным учиться, но права выбора демократия мне не предоставила.

Вообще мы с братом не очень похожи характерами, хоть наши лица идентичны, люди мы совершенно разные. По своей природе я был более спокойным, если нервничал, то молча, где-то у себя внутри.

Люцифер же, напротив, был очень вспыльчивым. Его характер – ядерная смесь качеств. Порой я удивлялся, гордился и ненавидел. Если ему что-то было надо, то договориться

с ним было невозможно. Он никогда не отступался от своей затеи или данного слова. Я не люблю спорить и ругаться, что-то кому-то доказывать. Всегда считал, что самое бесполезное, что может сделать человек, так это начать с пеной у рта доказывать свою правоту. Главное оставаться внутри правым, придерживаться своего мнения можно молча, не вступая в детские полемики.

Мой брат другого мнения. Люцифер перенял от своего имени исключительно плохие качества, напрочь забыв о хороших. Но ему же жить дальше, почему меня это должно было беспокоить?

Нам оставалось пройти последний совместный путь в этом университете и все. Наши с ним дорожки разбегутся в разные стороны, изредка пересекаясь только телефонными звонками. Честно говоря, я с нетерпением ожидал выпускного и чудесного расхождения. Чего таить, некая злость к нему до сих пор осталась. Всегда была зависть, ведь он постоянно приводил девчонок домой, причем совершенно разных, развлекался с ними. У него были друзья, я бы даже сказал, много друзей. И по сравнению с ним, я чувствовал себя отшельником. Стоит честно признаться, он умел притягивать к себе людей, в нем была та сраная изюминка, называемая «душой компании». Что касается меня, то я был скорее изгоем компании. Для меня это было привычным состоянием – находиться с людьми и в то же время полностью отсутствовать душой.

Иногда на улице мне на шею вешались его девушки. В голове созревал гадкий план использовать даму, она ведь все равно не заметит никакой разницы, ей это надо было всего лишь для очередной кривой галочки. А потом во мне появлялось чувство справедливости, и я ставил себя на место брата. То есть, мне бы совсем не понравилось, если бы Люцифер оказался в постели с моей девушкой, неважно любил бы я ее или нет.

Честно, иногда хотелось прикинуться им и так же ощутить жизненную легкость и непринужденность, обнять девчонку, выпить пива с другом и что-нибудь еще натворить. Но я только мечтал об этом. В результате я приходил к выводу, что было бы неплохо, если Люцифер останется собой, а я – собой.

***

Было начало сентября. Я впервые пришел в тот проклятый университет, и то, что я там увидел, повергло меня в шок, что, естественно, обрадовало моего шобутного брата. Нет, не мой шок, а то, что мы потом узнали.

Эти учебные здания, натканные по всему нашему шару, действительно являлись проводниками во взрослую жизнь, в такую, какой живут все люди во всем мире.

Мы с братом (к моему несчастью) оказались в одной группе, что заставило нас долгое время рассматривать вывешен-

ное на стенде расписание. Там были очень странные предметы, я даже не догадывался, что такое можно изучать, что такому вообще надо учиться оказывается. Я не слышал от взрослых ни одного рассказа об этом университете, о том, как они учились, что изучали. Не знаю, как насчет других городов, но в нашем студенческая жизнь оставалась между студентами и только. В жизни все люди пользовались только знаниями, полученными из этого заведения.

Пока брат тарашился на расписание, я разглядывал бегающих вокруг студентов старших курсов. Все они были какие-то одинаковые. Нет, они не были близнецами, выражения их лиц были одинаковыми. Такие независимые, можно сказать горделивые. На тот момент я не мог понять, от чего двадцатилетний щегол или пигалица могли так возгордиться. Мне просто было смешно смотреть на них. Проходящие мимо преподаватели напоминали павлинов. Их головы были высоко подняты, а сзади волочился раздутый, и очень заметный хвост пафоса.

Пока я рассматривал живую и не очень обстановку, Люцифер ткнул меня локтем в бок.

– Пошли! – скомандовал он и направился к дверям.

Я еще раз окинул взглядом помещение и улыбнулся. Как же я надеялся, что мне понравится это заведение! Мне уже нравилось расхаживать по огромному коридору первого этажа, украдкой разглядывая длинные и худые окна, слишком часто расположенные вдоль коридора и, конечно же, бегаю-

щие вокруг лица были неотразимы.

Вздохнув, я поплелся за братом. За первые пятнадцать минут проведенных в университете, я ощутил на себе столько различных взглядов и таинственных улыбок. Нет, дело не в том, что мы с братом невообразимые красавцы, хотя мы довольно-таки милы. Дело в том, что мы – близнецы. Достаточно нечастое явление, но то, как на нас смотрели, не имело к этому никого отношения. Те взгляды и улыбки несли в себе другой смысл, тогда я не мог понять, какой конкретно. Во мне, как и в каждом из нас, была не плохая доля тщеславия, и, естественно, изучающие взгляды мне были приятны.

– Послушай! – окликнул меня братец, идущий впереди. – У нас завтра первый учебный день... и может, попробуем забыть последний не учебный? Хорошенько отгуляем в баре?

Я остановился. Идея брата была совсем не плоха. Тогда я не знал, что значит учиться, как это тяжело, и поначалу хотел отказаться, но в последний момент в голову пришло одно четкое слово «давай». Ну «давай», так «давай», подумал я и кивнул брату.

До глубокой ночи мы пили пиво в баре у знакомого, в противном случае нас бы просто не пустили, и снова пришлось бы врать о возрасте, так как мы были для таких заведений малы, как считало государство. Соблюдать законы и конституцию – для чего мы уже взрослые, а если что еще и нарушить, можно было узнать, как выглядит решетчатое небо. При этом никого не будет беспокоить, что по закону мы даже

ни разу не побывали в баре, зато на решетку посмотрели. Во всем мире все делается для людей. Прежде чем достигнуть совершеннолетнего возраста, чтобы самому покупать сигареты, уже можно заработать рак легкого или туберкулез, потому что до «взрослого» возраста государство не оставило выбора как только собирать бычки на улице. Что же делать? Курить-то хочется!

Люц – так я называл своего брата, потому что стоило чуть громче назвать его полным именем на улице, и на «Люцифер» помимо него оборачивались всякие бабушки и начинали с ужасом в глазах отчаянно креститься, как будто действительно увидели дьявольское отродье. В публичных местах я старался не использовать магическое имя, заставляющее всех впадать в ужас. К моему великому удивлению, не все знали, кто такой на самом деле Люцифер. А подходить и каждому объяснять, что этот человек – не сын дьявола, ни сатана и ни черт, а мой брат, которого назвали в честь «сына зари», мне не хотелось! Народ всегда лучше знает, кто есть кто, для чего и зачем. Поэтому – Люц. Хотя вот девочкам нравились наши имена.

В том баре Люц мгновенно нашел женскую компанию и вовлек меня знакомство. В нем было столько харизмы, столько чертовой харизмы, что мне хотелось оторвать половину и выкинуть, чтобы ошеломленные пьяные дамы закрыли свои рты и перестали ловить ими мух. Порой мне приходили мысли о том, что я просто завидовал брату, а он, словно зная

об этом, любил косо смотреть на то, как я тускнею в его огромной тени. В такие моменты во мне бушевали две личности. Одна тщательно мне доказывала, что все это неважно, и, по сути, мне вообще должно быть наплевать на поведение брата. Вторая же, напротив, выказывала свое недовольство о том, как это так, мы же близнецы! Почему все лавры достаются только ему? Вторая часть мысленно провоцировала меня на какие-то действия, доказывающие всем, что я совсем не хуже своего брата. Но я все время отбрасывал эти затеи. Люцифер – человек на открытой ладони. Он всегда был открыт, если пытался что-то скрыть, то его выдавали действия, им все время что-то двигало. Я же больше был ментального склада. Все, что я мог бы сделать, обычно за пределы моего воображения не выходило. Я мог представить себе все, что угодно, брат же делал все, что угодно.

И вот я смотрел, как он веселился с девушками, как заводит новых друзей, и мне становилось тошно. Возникали всякого рода естественные желания стать единственным человеком с таким лицом. Но что я мог сделать? Мне оставалось наслаждаться и гордиться братом, в душе ненавидя, смотреть на его счастливую и беззаботную жизнь. Да мне просто бесило, что он умел каждый убогий день превратить в одну целую безоблачную жизнь, а я мог оставаться только ее тенью. Но я никогда не задавался вопросом, как брат относиться ко мне, мне на его отношение было наплевать. Я все время интересовался исключительно только своей жизнью.

Понаблюдав за братскими успехами и весельем, я незаметно вышел из бара и направился домой. По пути я хлестал пиво, не боясь появления патруля, и думал обо всем, что происходило в тот момент у меня в голове, обо всем, кроме университета. Мысли об учебе не хотели посещать мою голову, но там все время плавали картины, на которых четко прорисовывалась глупая война между мной и Люцифером за место в жизни, извечная борьба непонятно за что. Также я думал, что как полный кретин, собираюсь потратить пять лет в пустоту, так как учиться там, где «надо» – не хочется, а хочется там, где «хочется». Но я должен был закончить этот ВУЗ, то есть выкинуть 1826 дней в такую помойку, из которой ничего больше нельзя вернуть, так еще и рядом со своим «потрясающим» братцем. Мне так не хотелось этого.

Именно в тот момент я осознал, что было даже очень неплохо, что нашей матери не было с нами. Она бы жутко нервничала, гладила рубашки и пыталась сделать ненавистные проборы на наших головах. А потом, перед входной дверью она долго бы целовала Люцифера в лоб, повторяя все те же напутствия и наилучшие пожелания, совершенно забыв обо мне. Меня больше устраивало то, что до нас обоих нет никому дела.

Я вошел в дом, захлопнув за собой дверь, и поставил бутылку с недопитым пивом на комод. Мне не хотелось больше его пить. Вообще странное поведение: пока ошиваешься на улице можно выпить тонны желтого и пенного напитка,

но как только оказываешься дома, он напоминает мочу, которой, оказывается, уже достаточно нахлебался.

Я скосил глаза на бутылку на комодe и пошел наверх, в свою спальню.

Комната брата была рядом с моей, разделенная общей ванной комнатой. Размер помещений был одинаковый, но внутри всё по-разному. На этот раз выигрывал я. Комната брата была слишком загромождена различными прибрлудами типа пуфиков, буддийских ковриков, тяжелых темных штор, которые уменьшали визуальное пространство комнаты, письменный стол, невероятных размеров. Вот чего я не мог понять, так это зачем ему огромный стол, если он даже не знал в какой руке надо держать ручку? Но потом я все понял: на том огромном столе складывались такие же огромные кучи мусора, бумаги, пепельницы, которые не вытряхивались с рождения нашей бабушки, зажигалки и тому подобный хлам. Шикарный стол являлся не чем иным, как пристанищем для хлама, короче говоря – одна большая помойка, называемая – «творческий беспорядок». Ха! «Творческий беспорядок»! Я бы мог понять, если бы Люцифера звали Сальвадор, а его фамилия была бы Дали, тогда «творческий беспорядок» имел бы место быть. Но у девятнадцатилетнего парня это называется – помойка! Меня так удивляло, что он еще умудрялся водить в свою конуру девушек, бывало, что даже приличных, и видимо их никак не шокировали тарелки, мятые рубашки и валяющиеся по всей комна-

те носки, я даже не говорю об их чистоте. В Люцифере было что-то, что перекрывало вид на весь ужас в его комнате.

На моей же территории все выглядело совсем по-другому. Я приверженец чистоты и в моей комнате было крайне проблематично найти грязные носки, не мытую посуду с плесенью, вековые окурки в пепельнице... девушек и друзей. Возможно, успокаивая себя, я всегда говорил: «нет друзей и лишних людей в комнате – значит, нет пуфиков, бычков, тарелок и бардака на столе». Как обычно, старался объяснить себе, что жить так, как жил я – нормально. Что ж страшного в том, чтобы жить в чистоте? В юношеские годы все почему-то больше любят беспорядок, видимо потому, что в головах такой же бардак.

Я завалился на кровать и стал пристально изучать ночной потолок с бегающими по нему световыми шариками. На самом деле эта часть комнаты интересовала меня меньше всего. В тот момент я сам не понимал, что меня интересовало. Хоть и взгляд был устремлен вверх, мысли были словно на другой планете. И во время этих блужданий мозговая активность погрузилась в сон.

Мне снилась какая-то белиберда, никак не связанная с учебным годом. Как ни странно, ни я, ни брат не беспокоились, не нервничали и не ждали с предвкушением первого дня в университете.

Сквозь сон я слышал, как Люц вернулся среди ночи, не одни – женский, писклявый голос, как противный комари-

ный писк, блуждал по дому. Я хотел проснуться, но не мог. В моем сне в тот момент творился настоящий сюрреализм, перемешанный с жестокими гранями недалекого постимпрессионизма. Разве можно было оторваться от таких вопиющих картин из-за надоедливости комариного визга, в очередной раз принесенного в дом моим братом-донжуаном? Я не видел на то причин.

***

Утром, когда я чистил зубы, Люцифер ворвался в ванную комнату с видом обезумевшего старикашки и вытаращил на меня больные глаза. Я замер, прикусив зубную щетку и прищурился, не понимая, что творится с моим единственным родственником. Я догадывался, что ему будет плохо после удачной ночи, которой как таковой даже не было из-за спящего комара в его бардачной кровати, но я никак не думал, что он сойдет с ума.

– Мы проспали, да?! – взревел он, как медведь, окунув меня в утренний перегар вчерашних сливок.

Я закрыл один глаз, так как мне показалось, что слизистая не выдержит жгучей боли и демонстративно помахал рукой перед носом, слегка поморщившись.

– Нет! – буркнул я в ответ, вытащив щетку изо рта.

Брат усмехнулся и хлопнул меня по плечу. Затем он оперся руками на раковину и пристально посмотрел на наши от-

ражения в зеркале, периодически усмехаясь.

– Сейчас мне кажется, что мы не то что не близнецы, а что мы вообще не братья! И это в первый день-то! – улыбнулся Люц, оттягивая нижнее веко у глаза и рассматривая белок, покрытый красными кривыми линиями, как корни многолетнего дерева.

Я улыбнулся. Похмелье коснулось меня меньше, чем его, потому что я ушел раньше. Пьянка – как казино, лучше уйти раньше, чем пропить все деньги, мозги и лицо. Результат вчерашней игры был на лицо. Хотя мы с братом часто бывали в таком состоянии, как утреннее похмелье, но в то утро я был рад, что вчера не остался стоять. Люцифер был весь помятый, лицо, как мне показалось, слегка синего цвета, глаза красные, волосы, как колтуны у кошки. Честно, я злорадствовал в душе, первый учебный день и между нами можно было сделать несколько отличий, а это значит, что каждого из нас заметят, как индивидуальность и будут знать, кто из нас каким может быть.

Я взглянул через его плечо – на кровати нежилась симпатичная девушка. Ей явно вставать не хотелось, да и Люц не особо беспокоился о ее присутствии. Заметив мой взгляд, он захлопнул дверь и посмотрел на меня, как отец на маленького ребенка, смотрящего порнографию.

– Ты собираешься оставить ее здесь? – спросил я невозмутимо и снова засунул щетку в рот.

– А чего ты так переживаешь, братишка?! – усмехнулся

он, яростно натирая лицо мылом, как будто это поможет согнать явные признаки торжества. — Ты думаешь, что она вынесет твои глаженные носки?

— Нет! — обернулся я к нему.

Он всегда разговаривал со мной так, всегда пытался сюрморить в мой адрес. Я не знаю, какую цель он преследовал, но порой стиль его общения злил меня. Мне казалось, что он знает обо всех моих чувствах и мыслях, и старательно усмехается надо мной, прямо мне в лицо. Может я, конечно, утрирую — я мог только надеяться на это.

— Было бы лучше, если бы она вынесла твой бардак из комнаты! — ответил я.

Люцифер замер и посмотрел на мое отражение и вытащил щетку изо рта.

— Ты не похож на нашу мать, так что не к чему проявлять недовольства моим бардаком. У тебя есть своя комната, там и блюди свою чистоту! И вообще, мне нравится эта девушка! Может я влюбился? Может, после злосчастных пар в университете я захочу вернуться домой и увидеть ее, прижаться и все такое? Неужели ты не желаешь мне счастья? Братишка!

Я улыбнулся и выплюнул пасту в раковину. Мы оба знали, что девушка оказалась в доме из-за вчерашнего пьяного состояния брата, и в данный момент ему совсем не хотелось ничего выяснять с ней. Он просто, как обычно, хотел, чтобы она проснулась, оставила ему свой номер телефона на столе и исчезла из его жизни, не успев туда толком влиться.

– Кончено! Будь счастлив! – как копье, метнул я зубную щетку в подставку и вышел из ванны, захлопнув за собой дверь.

Почему-то странный диалог поднял мне настроение, и даже заставил улыбнуться.

Я быстро оделся, постарался сделать это как можно культурнее, и выскочил на улицу.

Солнечные лучи радостно распластались по всему горизонту. Птицы щебетали, несмотря на раннее утро. Осенью совсем не пахло, ветра не было, лазурное небо вызывало мерзкие чувства из-за приторности, но и в то же время приятные.

Я закурил сигарету и потупил взор, разглядывая ботинки. Первый учебный день и я решил его не удостаивать костюмом, обошелся и без пиджака. Около дома была припаркована старая машина, которая еле дышала, но выглядела как новая. Последний подарок матери.

Я ждал Люцифера и думал о том, что нас должно ожидать в тот день, какие люди, какое окружение. Это все, что я мог делать, думать и представлять, что случится.

– Не спи! – крикнул Люцифер и залез в машину.

Я затушил бычок и прыгнул на первое сиденье.

– А кто сказал, что ты поведешь? – усмехнулся я, пристегиваясь.

– Ты обратно, идет? – спросил Люцифер и завел машину.

– Идет! – согласился я и уставился прямо перед собой.

Люц включил какую-то музыку и выкатился на дорогу. Я отрешено смотрел краем глаза на довольного брата. Он практически пришел в себя, на нем почти не осталось следов вечеринки в баре. В тот момент мы выглядели, как близнецы. Мне было интересно, о чем он думал и думал ли вообще. Глядя на него, казалось, что он полностью беззаботен в жизни, ему на все наплевать. Он мягко плывет по течению общест-венности, ни с кем не сталкиваясь и не обращая никакого внимания. Люцифер жил в своеобразной форме буддизма – полный пофигизм ко всему, возможно даже к себе. Вот такому качеству я очень завидовал. Беззаботность увеличивает шанс долгожительства, у моего брата не было причин нервничать. Он довольно смотрел на вытянутый капот, на ямки, выпуклости и дырки на асфальте, и как ребенок, выруливая, старательно объезжал их.

В университет мы вошли ровно за пять минут до звонка. Аудитория была найдена без особого труда. Заглянув одним глазком в дверь, Люцифер махнул рукой и вошел в кабинет, я за ним.

Помещение было огромным, там сидело человека 60, проще говоря, две группы первого курса. Все были веселые, смеялись, знакомились, наслаждались тем, чего еще не понимали.

В тот момент я увидел ее.

Она сидела около окна и провожала нас взглядом. На губах застыла странная улыбка, такая легкая, еле заметная, но

я заметил ее. Люц, приподняв голову, шел вверх по проходу между партами к последнему ряду, я за ним и не мог оторвать взгляда от девушки у окна, хоть она уже давно не смотрела на нас. Но это было лучше, чем, если бы она смотрела на моего брата. Я даже не понял, что конкретно зацепило меня в ней: крашенные блондинистые волосы в каре по уши? Тонкая шея? Большие голубые глаза и чернящие брови? Видимо карандашом переусердствовала. Но что-то же в ней привлекло мое внимание, и к моему великому счастью, Люц прошел мимо, даже не заметив ее.

Брат шлепнулся на стул за пустой партой в последнем ряду, я сел рядом и глаза автоматически покосились в сторону девушки.

– Какой аншлаг! – буркнул он, усмехаясь и окидывая аудиторию хитрым взглядом.

– Ты о чем? – не понял я его восклицаний.

– Да ты посмотри на них! – воскликнул он так, что сидящие рядом люди обернулись. – Разодетые, как клоуны, девчонки в белых бантах, как первоклашки, ребята, как воробьи хорохорятся перед ними, пытаюсь склеить хоть какую-нибудь прямо в первый день. И ты в этих ужасных по сравнению с ними шмотках! Показательная фигня на один день, который совсем не радостный!

– Смотря с какой стороны посмотреть! – улыбнулся я. – Ты, между прочим, будешь первым, кто приведет отсюда девушку в дом, и если ты не надел пиджак – это не значит, что

в данный момент являешься какой-то индивидуальностью. Брат, нам с тобой вообще нельзя думать об этом, если в мире уже есть два человека с одинаковыми лицами, фигурами и другими мелочами, это говорит о том, что индивидуальности не существует, существует одаренность и неординарность.

– Ты, как всегда, лезешь очень глубоко. Гавр, ведь все лежит на поверхности, прямо перед твоим носом, но ты слишком занят капанием внутри, как червь-археолог, что не в состоянии увидеть элементарных вещей. Весь этот парад костюмов и белых бантов не существует, как и индивидуальность, это показательная виртуальность...

– Доброе утро! – в класс вошел мужчина лет 50-ти с большой папкой подмышкой и с лысиной на голове.

Меня позабавило его приветствие – он даже ни на кого не посмотрел, а прозвучавшие прилагательное с существительным были сказаны, как простая формальность, которой подчиняется все общество. Оно вообще любит формальности. Очень много людей почти потеряли свои жизни из-за таких вот мелочей, ведь высокоцивилизованные и образованные люди не могут, не должны забывать о формальностях, на них строится вся жизнь общества. Это я понял тогда, за той партой, глядя на полу-лысого профессора.

Тогда наша аудитория не была готова к таким формальностям и продолжала сидеть и улыбаться, постоянно переговариваясь друг с другом. Люцифер сидел, подперев голову рукой и циничным прищуром разглядывал профессора. И да-

же в тот момент я не мог понять, почему он ведет себя так, чем он недоволен и что его злило.

– Для начала я хочу, чтобы вы прекратили улыбаться, шептаться, вертеться, оглядываться и крутиться, на одном единственном стуле, который не вертится! – слегка повысив голос, сказал он.

На какое-то мгновение в аудитории наступила тишина, но это был такой короткий промежуток времени, что я даже не уверен, успел ли профессор заметить его. Когда снова появился шум, он усмехнулся и подошел к первым партам, за которыми из десяти человек только один реально хочет учиться и вступает в ряды изгоев для всей школы или университета. Остальные девять сидят там для преподавателя, не для себя, создавая видимость того самого изгоя, выпрашивая снисходительное отношение к себе и к будущему диплому. Работает как ни странно.

– Имя! – прикрикнул профессор на самого говорливого студента, сидящего где-то в третьем ряду.

Парень встал и у него никак не получалось не улыбаться.

– Серж! – чуть ли ни с поклоном ответил он.

Я усмехнулся и взглянул на своего брата-нарцисса. Ситуация забавляла его не меньше, чем меня. Наивная храбрость или смелость? Первое место, где подростки пытаются самоутвердиться за счет насмешки над человеком – учебное заведение, неважно какое. Вот и тот юноша стоял перед профессором и всем своим видом показывал, что в его душонке

нет никакого страха и взяться ему собственно не откуда. Все же понимают, что это всего лишь преподаватель, что он может сделать? На что способна эта «лысина» в очках?

Профессор посмотрел на список студентов и улыбнулся, найдя имя Серж и рядом стоящую фамилию.

– Мистер Сток, отныне Вы являетесь старостой группы 1А, надеюсь в полном составе сидящей здесь. Ваши обязанности я разъясню Вам после окончания пары. Я не спрашиваю, хотите ли Вы находиться на этой должности. Если вы не будет выполнять обязанности, я уверяю, лучше Вам от этого точно не будет – мой предмет очень тяжело сдать. К тому же, мне стоит проинформировать Вас, что он является профилирующим. Садитесь!

Уже давно перестав улыбаться, Серж с изумленным лицом и в то же время с недовольным, плюхнулся на стул. Тут две группы разразились таким гнилым смехом, что я уверен, даже дьявол так не умет смеяться. Серж самоутвердился, только не так, как было задумано.

– Если кому-то очень смешно, то у нас в университете имеется очень много вакансий, так сказать, например, в данный момент все еще отсутствует староста группы 2А. Есть желающие?

Примерно на этой ноте закончились желания самоутверждаться у этого профессора. В аудитории наступила долгожданная тишина.

– Какая херня! – шепнул мне Люцифер и развалился на

стуле, уставившись на исцарапанный стол.

Ему все это не нравилось, мягко говоря, не нравилось. В данный момент его свобода уже ограничивалась ненавистным университетом, а Люц этого очень не любил. Что касается меня, мне была безразлична почти удавшаяся церемония становления людей на нужные места и заучивания слова «субординация». Я не мог, как Люц ненавидеть то, в чем еще не успел до конца разобраться, чтобы потом с жуткой рожей не говорить «я передумал».

– Профессор Трокосто. Я буду преподавать замечательный предмет – Учение о Лжи. Как я уже сказал, это один из профилирующих предметов и я отношусь к нему очень серьезно, особенно к экзамену, который ждет вас во время зимней сессии. К вашему несчастью, моя рука не поднимется просто так даже неуд поставить, не говоря уже о более высоких баллах. Еще более к вашему несчастью, я являюсь куратором группы 1А, привет дорогой мистер Сток! Куратор группы 2А находится на больничном, так что я, как заместитель, имею все права и полномочия делать с 2А все, что захочу. Расскажу вам немного о структуре нашего учреждения: у каждой группы есть буквенное название, а именно группа А, группа В и группа С. Каждая группа делится на подгруппы, дополнительно обозначенные цифрами.

Как только он дошел до задних рядов, внезапно замолчал и выпучил на нас с братом свои и без того круглые глаза. Затем по его лицу поползла жуткая улыбка, от которой мне

захотелось дать ему по морде и уйти с лекции. Выражение лица моего ненаглядного братишки было совсем постное, он был явно в предсуйцидальном состоянии.

– Близнецы! – произнес он и уперся руками в нашу парту, переводя глаза то на брата, то на меня.

Я все больше и больше чувствовал себя неловко, и пропасть между задними партами и профессором стягивалась, приближая этого психопата к нам все ближе и ближе, тем самым зажимая нас в угол.

– Ну и что? – спросил, наконец, Люцифер, пристально глядя ему в глаза, стараясь не провоцировать профессора, дабы не занять вторую должность старосты.

– Имя? – спросил мистер Трокосто, прищурившись, разглядывая брата, подыскивая отличия на моем лице.

– Люцифер – ответил брат, ни капли не смутившись.

Профессор улыбнулся и расстроено покачал головой. Я мельком оглядел класс. Все расселись вполоборота и наблюдали за нами. Тут я понял, что никто не верит, что прозвучавшее имя является настоящим, и добродушные одногруппники готовились к сцене, после которой что-то должно было произойти.

– Ну что ж, мистер Люцифер, добро пожаловать на должность старосты группы 2А!

– За что?! – моментально вспыхнул Люц.

Я незаметно улыбнулся потому, что понял, что сами того не желая, мы начали самоутверждаться. Профессор был

неправ, что означало, ему придется извиниться, или, по крайней мере, сделать вид, что ничего страшного не произошло.

– За оригинальный юмор, мистер... – начал было профессор.

– Минуточку, профессор. Люцифер – мое настоящее имя, данное мне моей матерью девятнадцать лет назад. Я могу показать Вам документы. Это, во-первых. Во-вторых, я и мой брат числимся в 1А, я физически не могу стать старостой 2А, а у 1А уже есть староста. Я не вижу причины вваливать на меня ответственность за всю группу. Я же не виноват, что меня так мать назвала? Или виноват? Как Вы думаете, профессор?

Я смотрел на растерянное лицо преподавателя, на его многозначительную улыбку, смотрел и на разгорячившегося брата, на его карие глаза, которые все расширялись и расширялись от злости и несправедливости. Я мельком взглянул на блондинку. Она, как и все, заморожено наблюдала за возникшей ситуацией. Тут мне показалось, что она начинает восторгаться моим братом, что меня, несомненно, злило. Первое, что проскочило у меня в голове, что она такая же, как и все девчонки, раз обращает внимания на моего брата. Потом я решил, что пошла она к черту и отвернулся.

– И как же зовут Вас, мистер? – проигнорировав вопрос брата, спросил профессор, взглянув на меня.

– Гавриил, сэр! – быстро ответил я и не удержался, снова

взглянул на белое каре у окна, посмотреть, произвел ли я на нее хоть какое-то впечатление.

Девушка все так же заморожено смотрела, только уже на нас обоих. Такое ощущение, что она только в тот момент догадалась, что мы близнецы.

– Гавриил? – удивился профессор и снова посмотрел на брата. – Люцифер?

Затем он открыл списки студентов и мгновенно нашел наши имена, и, посмотрев на нас, заулыбался. Я, как ни старался, улыбку понять не смог, мне вообще показалось, что он просто-напросто чокнутый. И единственное, что меня растреивало на тот момент, так это, почему именно этот сумасшедший мужик стал нашим куратором, почему именно он ведет профилирующий предмет, название которого вообще не понятно. Точнее в названии Учение о Лжи нет ничего непонятного и сложного для восприятия, а вот присутствие самого предмета в расписании меня смутило. Все напоминало цирк, мельком я представил, что этот клоун скоро закончит свое выступление, и после него придет адекватный профессор с учебниками, например, по высшей математики, и начнет рисовать на доске свои убогие матрицы и доказывать теорию вероятности. Но этого так и не случилось.

За два часа лекции профессор не сказал ни слова о предмете. Это скорее была вступительная лекция, просто для знакомства друг с другом, куча рассказов об университете, о выдающихся профессорах, о поощрениях и о санкциях. Все

как обычно, все как везде, все те же слова формальности, от которых уши сворачиваются в трубочку и хочется смеяться над ними и их мерзостью.

Люцифер оказался превосходным художником. Всю лекцию он рисовал фантастические узоры, а я даже не подозревал о его скрытом таланте. Хотя за два часа меня самого поразила такая скука, что я чуть ли с ума не начал сходить. Но у меня была палочка-выручалочка, сидевшая у окна. Поэтому, как я порой заглядывался на ее пепельно-седые волосы, Люц заметил, куда устремлен мой взгляд.

– Ох, ты Боже мой! – прошептал он, слегка толкнув меня плечом. – Что я вижу! Мой брат наконец-то понял, что вокруг него существуют девушки! Влюбился или просто нравится?

– Отвали! – засмутился я и тут же отвел глаза в сторону. – О чем ты говоришь? Никто мне не нравится и ни в кого я не влюбился! Я смотрю в окно!

Брат снова улыбнулся и начертил очередную извилистую линию, идеально контрастирующую со всеми остальными линиями. Неловкость, кою я почувствовал, смутила меня больше, чем вопросы брата.

– Эх, Гавра, что же ты так стесняешься естества? Мы с тобой мужского пола и это абсолютно нормально, что нам нравятся девушки. Ты не должен этого стыдиться!

– Слушай! Отстань от меня! Я знаю свою принадлежность к полу! И я не хочу обсуждать это с тобой!

Люц снова улыбнулся и прекратил рисовать, пристально посмотрев на блондинку, а затем и вовсе перестал улыбаться, но глаз от девушки не отводил.

– Ну, раз она тебе безразлична, то тогда ты не будешь против, если ей займусь я! – брат перевел на меня победоносный взгляд.

Я перестал дышать и замер. После такого предложения мне захотелось треснуть ему по наглой морде, потом обзывать как-нибудь и уйти. Но ничего из этого я не мог сделать.

– Что у вас там? – спросил профессор Трокосто, прервав свой рассказ о целях обучения в университете. – Я давно уже за вами наблюдаю, уважаемые братья, и как я понял, вас совсем не интересует моя вступительная лекция.

– Напротив, сэр! – ответил я. – Мы очень заинтересованы в том, что Вы говорили и вполне можем повторить последнее предложение Вашей блестящей лекции о становлении университета. Вы желаете услышать?

– Нет... Гавриил... так ведь? – уточнил он и после моего кивка продолжил – Я желаю, чтобы Вы с братом прекратили шептаться и вертеться.

– Да, сэр! – ответил Люцифер и опустил глаза. – Ну, так как насчет моего предложения? – даже не шевеля губами, чтобы не привлекать к себе внимания, спросил Люц.

Я сидел и скрипел зубами. Он все время пытался выудить из меня правду, невзирая на пути, с помощью которых вытаскивал ее.

— Люц, оставь ее! — прошипел я. — Она нравится мне! Найди себе кого-нибудь другого!

— До чего же ты упертый, братец мой! — довольно улыбнулся он и спокойно продолжил рисовать.

Я снова посмотрел на блондинку и незаметно улыбнулся. Девушка краем глаза смотрела на меня и улыбалась. Я не знал ни ее имени, ни в какой она группе, ни есть ли у нее молодой человек. Я ничего не знал о ней. А незнание — одна из самых притягательных вещей, потому что нет определенности. Незнание предполагает догадки, построения фантазий и мечты. А что плохого в мечтах? Жаль, что еще существует любопытство, которое рано или поздно разрушит все мечты. Мне нравилось смотреть на нее, я пытался избежать рождения гнилого любопытства.

Когда прозвенел звонок, Люц сорвался с места, как ошпаренный. Он был не единственным, кто так поступил. Все студенты, утомившиеся двухчасовым рассказом, мгновенно проснулись. Я смеялся про себя. Когда спишь дома, в уютной кровати, приходится ставить много будильников, а проснуться по их звонку кажется невозможным. Но стоит прозвенеть еле слышному звонку в университете, как 60 человек моментально просыпается и начинает бегать. И как раз из-за толпы я не смог разглядеть, куда делась девочка с пепельными волосами.

Перерыв между первой и второй лекциями был около двадцати минут. За это время можно было успеть перекусить и

покурить. Есть мне не хотелось, а вот покурить я был совсем не против. Брата я также потерял из виду, но на это мне было совершенно наплевать. Я самостоятельно добрался до курилки и окинул быстрым взглядом толпу студентов.

Они смеялись, болтали и курили. На улице были все курсы, с первого по пятый, красивые девушки, формирующиеся ребята, как в биологической цепи: маленький и худенький первокурсник, а потом мускулистый пижон-пятикурсник.

В толпе кричащей молодежи я разглядел своего брата. Он, как обычно, уже любезничал с какой-то дамой. По-моему, я видел ее на первой лекции. «Чертов придурок», подумал я и отвернулся. Достав сигареты, я прикурил и взглянул на безоблачное небо.

– Привет! – лучезарный голос возник, как второе солнце.

Я еще даже не посмотрел на обладателя голоса, а уже знал, что то была она.

– Привет! – улыбнулся я и обернулся к ней.

Точно – она. На улице девушка выглядела более живой.

– Люцифер или Гавриил? – спросила она, прикуривая сигарету.

– А кого ты ищешь? – спроси я и, не удержавшись, скосил глаза в сторону брата.

– И ты станешь тем, кого я ищу? – девушка категорически отказывалась давать прямой ответ на вопрос.

Я улыбался, как дурак, ничего не мог поделать с собой. Ее голубые глаза так тщательно изучали меня, ища сходства и

различия с братом, чтобы в будущем не попасть впросак. Ее цвет волос просто ослеплял меня. Блондинка – общепринятое название светлого волоса у девушек. Но у нее он был почти белым, ни желтым, ни светло-желтым, а именно белым, как снег, на котором блестело солнце. Черт, я не мог соврать самому себе – она действительно нравилась мне.

– Люцифер! – улыбнулся я и протянул ей руку.

Но девушка продолжала улыбаться, а руку не протягивала.

– Очень приятно! А скажи, где я могу найти твоего брата? – спросила она, так и не дав мне руку.

– Ну, так значит, тебе все-таки нужен Гавриил? – я очень хотел узнать, к кому из нас у нее появилась симпатия.

Она кивнула. Тут я засмутился. Что мне делать дальше я не знал, потому что назвался не своим именем. Решил признаться и будь, что будет.

– Мне очень неудобно, что я соврал, но на самом деле меня зовут Гавриил!

– Значит, ты все-таки становишься тем, кем тебя хотят видеть? – спросила она, выпуская дым мне в лицо. – Ладно, расслабься! Я изначально знала, кто ты! Видимо, ты настолько обескуражен, что забыл: ты одет по-другому, ни как твой брат, я это заметила, когда вы только вошли в кабинет.

Я опустил голову и благоприятно понял, что меня надули в первые пять минут общения. Это не был мой первый опыт переговоров с дамами, я имею в виду, у меня были девуш-

ки, но я не настолько оперативен, как мой брат. Я все равно чувствовал себя смущено, особенно после лжи.

– Ну, так получается, что ты меня тоже надула! – усмехнулся я. – Как тебя зовут? Или это секрет какой-то?

– Нет! Просто за время пока мы курим с тобой, я узнала, что ты врун, и к тому же совсем не внимательный! Неужели ты не обратил внимания, когда профессор проводил перекличку?

– Нет! – удивился я. – А он проводил? Я не слышал своего имени!

– Конечно, ты не слышал! Он его и не называл! Тебя, твоего брата и Сержа он отметил еще до переклички. У нас осталось пять минут!

– Как тебя зовут? – уточнил я еще раз.

Мне показалось, что я становился похож на попугая, и это мне не нравилось.

– Роза! – улыбнулась она. – Роза Фреч.

– Ну, вот теперь и мне приятно! – сказал я, кинул бычок и пошел к расписанию.

Роза осталась в курилке, и я чувствовал на себе ее провожающий взгляд. Была ли она удивлена тем, что я ушел? Хотелось ли ей пойти за мной? Я не знал, мне просто захотелось уйти и все.

Следующая лекция была на втором этаже и имела название не менее странное, чем предыдущая лекция – О Разрушении. О каком разрушении? Что за разрушение? Меня сме-

шили все эти названия, я даже не хотел смотреть, что будет следующим, чтобы повеселить себя.

Я неспешно поднялся на второй этаж. Около нужного кабинета крутилась та же куча студентов с первой пары. Дверь была еще закрыта, хоть и до начала пары оставалось всего минута.

– Прогрессируешь, братец! – раздался потешный голос Люца сзади меня. – Я видел вас с той девчонкой! Рад за тебя!

Я ничего не ответил, только с ужасом подумал, что мне еще пять лет сидеть за одной партой с этим остолопом, которого я ненавидел. Внезапно я понял, что могу избежать хотя бы «одной парты» из этого списка.

Среди студентов я искал белоснежную голову, но сумел найти ее только когда открыли дверь в кабинет. Я заметил, куда она села и рысцой подбежал к ней.

– Могу я сесть с тобой? – быстро спросил я, окинув ее взглядом.

Роза улыбнулась и кивнула головой. Я быстро опустился за парту, кинул на стол тетрадь и ручку. Брат проходил мимо. Он сразу же заметил меня, улыбнулся и пошел к последнему ряду. Я даже не посмотрел ему в след.

– Доброе утро! – прозвучала еще одна формальность из уст женщины средних лет, стоящей у огромной черной доски.

У нее были длинные волосы и очки с узкими стеклами, пиджак и строгая юбка. Она вся была миниатюрная и если

бы не морщинки на лице, то ей смело можно было дать лет тридцать.

– Профессор Лафортаньяна! Попрошу записать мое имя, потому что оно тяжеловато для адекватного заучивания. Если зимой, на экзамене я услышу какое-то не то произношение моей фамилии, считайте, что одного балла у вас уже не будет!

«Какая сука!», подумал я, глядя на нее. Она выглядела намного лучше, когда молчала. Ее рот во время разговора был просто ужасен. Он был похож на черную пропасть квадратной формы, а брови ползали по морщинистому лбу, как угловатые восьми битные змеи.

– Я полагаю, что на первой паре вас посвятили во все подробности об университете, о выдающихся выпускниках, и о других историях. Также вы должны были познакомиться со своими кураторами и определить старосту каждой группы. Пожалуйста, я хочу видеть вас обоих!

Я помнил, что выбрали только Сержа, как старосту нашей группы, но чтобы появился и второй староста – я не помнил. В другом конце кабинета поднялась девушка с ярко красными волосами. Я невольно спросил себя, за что профессор Трокосто втянул ее в это ужасное занятие.

– Ваши имена? – спросила профессор.

– Серж Сток.

– Марианн Вальд.

– Группы, господи, которыми вы заведуете! – крикнула

она и очки свалились на кончик носа.

– 1А

– 2А

– С этим разобрались! Садитесь! А теперь пройдемся по списку студентов! – злобная профессорша начала перекличку.

Студент, услышав свою фамилию и имя, вставал и она, взглядом жабы рассматривала его, затем просила сесть и называла другие имена. Имя моего брата стояло первым, за ним шло мое.

– Прей! Люцифер! – Лафортаньяна нахмурилась и злобыным взглядом окинула аудиторию в поисках человека, носящего анти-божественное имя.

Мой брат встал и гордо поднял голову, слегка прищурившись посмотрел на «мисс Цербера».

– Люцифер? – переспросила она, поправляя очки на носу.

– Да, мэм! – ответил он.

– Хо-ро-шо! – медленно сказала она, что-то подписывая в своем листе.

– Прей?! – воскликнула профессор. – Гавриил?!

Ее голос повысился на октаву вверх, пока глаза судорожно искали меня. Я быстро встал, еле сдерживая улыбку. Лицо преподавателя было просто отменным. Она вытаращилась на меня и захлопала глазами.

– Люцифер! Встань! – командирский голос раздался на все помещение.

Люц поднялся и скосил глаза на меня, также пряча улыбку. Я не мог понять, чего хочет от нас крикливая преподавательница. Ее глаза загадочно метались по нашим лицам, жадно выискивая отличая. Но у нас их не было, и если бы мы еще оделись одинаково, то выглядели бы, как человек у зеркала и его отражение.

– Близнецы! – сообщила она нам, наконец – Садитесь, оба!

Я посмотрел на брата. Он с увлечением что-то рисовал, периодически подмигивая какой-то девушки. Я снова уставился на Розу. Она с интересом рассматривала каждого встающего студента. Я не хотел с ней разговаривать, на той паре она мне так не нравилась. Нет, она нравилась, но не нравилось разговаривать.

– Почему ты сел сюда? – шепотом спросила она, когда перекличка закончилась.

Я пожал плечами и даже не посмотрел на нее. Конечно, я мог сказать правду, что первоначально я всего лишь хотел отделаться от брата, но одному сидеть было бы скучно, и я вспомнил о девушке у окна. Но так как я прослыл вруном, то решил соврать еще, поэтому пожал плечами и продолжил смотреть в парту.

– Сегодня мы поговорим, грубо говоря, ни о чем! – открыто заявила Лафортаньяна. – Директор попросил ничего вам не давать в первый день. Обсудим организационные вопросы. Мы будем встречаться два раза в неделю, по вторникам

и по пятницам. После каждой лекции у вас будет домашнее задание, которое вы будете обязаны выполнить к следующей паре. Если вы не будете выполнять его, я не допущу вас к экзамену, что значит – вы не переведетесь на второй курс и у вас будет два выхода. Первый – это остаться на второй год, второе – вас отчислят. Попрошу не забывать, что без диплома этого университета у вас не будет возможности поступить ни в какой другой, у вас не будет постоянной работы с хорошей зарплатой. Так что, послушайте моего совета: посещайте все лекции и семинары, готовьте домашнее задание и тогда у вас не будет никаких проблем...во всяком случае с моим предметом.

Гнусавый голос не замолкал на протяжении всей лекции. Я смотрел на женщину, стоящую у доски, на ее выраженную строгость и все больше понимал, что именно с ней у студентов возникает больше всего проблем. Она относилась к той категории людей, где каждый считает себя кем-то или чем-то всемогущим, вокруг нее все должны бегать и давать хвалебные почести, воспевать о том, какая она потрясающая и невозможная. Я бы сказал, мерзкая тварь, вознесшая себя на престол богини мира. Я смотрел на нее и улыбался. Мне было наплевать, что она думала, глядя со своего трона на мою улыбку, хотя не трудно было догадаться.

Периодически Роза доставала меня глупыми вопросами, на которые у меня совсем не было желания отвечать, а мой брат, как заведенная игрушка продолжал рисовать, ни на ко-

го не обращая внимания, кроме той девушки.

– Увидимся в курилке! – кивнул я Розе, как только прозвенел звонок.

Мадам «Самовлюбленность» продолжала что-то говорить, но до нее никому не было дела, все собирались на перемену.

Я выскочил на улицу и засунул сигарету в рот. Виляя бедрами и пытаясь завладеть моим мозгом, ко мне шла Роза. Я усердно боролся с одержимостью, улыбаясь и понимая, что я не могу скрыть улыбку и радость. Как только я оказался с ней на улице, отношение к ней менялось, она интересовала меня. Но вот мой брат, идущий в двух метрах от нее, за весь день совсем меня не заинтересовал.

– Ты так быстро сбежал... – Пробубнила она, картавя из-за сигареты во рту.

– Да! Очень быстро сбежал! – Люц подошел поближе. – У меня сигареты закончились. Угостишь?

Я молча протянул ему пачку. Он взял сигарету, бросил улыбчивый взгляд на Розу и вальяжной походкой пошел дальше.

– Урод! – вырвалось у меня, пока я смотрел ему вслед.

– Ну почему же? – Роза сразу же подала голос. – Вы с братом очень даже милые! Особенно ты!

Я тут же перевел на нее глаза. Безусловно, мне было приятно слышать слова лести, но и сразу же захотелось спросить, а как же она видит разницу между нами? Не может же

она только по одежде сказать, кто из нас милее? Или может? Как? Почему ей нравился я, а не мой брат? Она ведь даже не знает, какие мы с ним по характеру, она видела только лица... одинаковые. Я решил не думать об этом.

– Хех... Роза! – почему-то сказал я.

Девушка улыбнулась и снова выпустила мне в лицо дым. Это что, какой-то тайный знак? Или я чего-то не мог понять? Я не очень любил нюхать дым, тем более чужой, но изо всех сил старался не нагрубить девушке.

У нас была еще одна пара, последняя, на которую я уже еле полз. В тот момент я думал, что это был первый и последний день, когда я присутствовал на всех парах. Мне казалось, что Люц вообще больше сюда не придет.

– Пойдем? – спросила Роза.

Я пожал плечами и пошел.

– Эй, эй, эй! – раздался незнакомый мне голос. – Подожди!

Я остановился и обернулся. Ко мне бежал шутник Серж.

– Мне нужно записать твой телефон! Я же староста! – горько добавил он и помахал у меня перед носом листом с цифрами. – Я не смог поймать твоего брата. Вы вместе живете? Если нет, дашь и его номер?

– Да, без проблем! – улыбнулся я, взял у него листок и написал один и тот же номер напротив своего имени и брата. – Еще что?

– Нет! – кивнул он. – Если что, я потом подойду!

– Хорошо! – ответил я и посмотрел на Розу. – Ты уже записала свой номер?

– Да, еще на той перемене!

Я улыбнулся и пошел дальше, точнее пополз. Меня уже тошнило от этого места, и только эта девушка скрашивала мое существование в тот день.

Я даже не хотел смотреть, где был мой брат. Я находился на долю секунды от того, чтобы развернуться и уйти домой, ну и еще прихватить с собой блондиночку, идущую рядом. Но все-таки я повиновался стадному течению к кабинету.

Последняя пара. Еще два часа и свобода – никаких других мыслей в моей голове не водилось тогда. Хотя нет, была одна, дерзкая и максималистская, но была. Когда что-то сидит в голове, становится очень тяжело не думать об этом. Как старый хлам – от него тоже очень тяжело избавиться. Мне казалось, что от мыслей действительно проще избавиться, чем от залежей в шкафах и в гаражах. Ну вот, что-то подобное обживало мою голову.

Пока я думал о своем новом сожителе, в кабинет почти вбежал преподаватель. Он именно вбежал, и что мне понравилось в нем, так это отсутствие формальности в виде «доброе утро».

– Профессор Рэйт! – крикнул он на ходу, – или, если удобно – мистер Рэйт! Мне без разницы! Открыли тетради и пишем: «Определение. Понятие. Что это такое?». Тема сегодняшней пары. Так, старосты обеих групп, попрошу отме-

тить присутствующих.

Я был поражен. Мне показалось, что этот человек разговаривал исключительно скороговорками. Его монолог занял не больше десяти секунд. И плюс, я никак не рассчитывал, что хоть один из «великих умов» университета додумается провести в первый день лекцию. К последней паре я чувствовал себя изнеможенно и совсем не хотел ничего писать, а, услышав с какой скоростью разговаривает профессор, мне вообще жить расхотелось – я представил с какой скоростью он диктует. Зато Роза, как послушная мамина дочка, открыла тетрадь, записала имя этого мудака и тему.

– Как предмет называется? – спросил я у нее, осознав, что не могу тупо подписать тетрадь.

Девушка выглянула из-за пряди седых волос и улыбнулась. Я немного смутился, ибо никак не мог понять, что смешного сказал.

– «Определения жизни» – ответила она и уставилась на профессора.

Я последовал ее примеру. Гном-ворчун из «Белоснежки». Он был не высокого роста, с вечно нахмуренным лицом, что-то бормочущие большие губы, уши, как лопухи и нос, как картошка-переросток. В общем, малопривлекательная внешность. Естественно, смотреть на него долго мне не хотелось, поэтому машинально вернулся к застрявшей мысли в голове. Я очень хотел выкинуть ту затею, старательно думая о чем-то другом.

Люц сидел на этот раз в другом ряду, поближе к девушке, с которой перемигивался всю предыдущую пару. Его явно не волновал лопоухий профессор и его лекция. Затем я посмотрел на буквы в написанных словах «Определения жизни». Что это за бред? Почему в университете у всех предметов были такие странные названия? Я никак не мог в это поверить и продолжал свято верить, что это был всего лишь розыгрыш в первый учебный день... Но мысль снова стукнула мне по извилинам.

– Роза, – прошептал я. – Какие у тебя планы после этой пары?

Девушка оторвала взгляд от профессора и игриво посмотрела на меня. От ее взгляда у меня пробежали мурашки по всему телу. Роза играла в «соблазняшки» и можно сказать хорошо справлялась с поставленной задачей.

Когда я смотрел на ее черные брови, мне хотелось взять салфетку и стереть с кожи половину жуткого карандаша. Если бы не карандашный татуаж, она бы очаровала меня еще быстрее. Возможно, из-за чересчур броских бровей мне порой даже смотреть на нее не хотелось.

– Ты меня на свидание хочешь пригласить? – промурлыкала она, довольно улыбаясь.

Ее пальцы дергали в разные стороны гелиевую ручку, а на прозрачном стрежне игрались лучи солнца.

– Не знаю! – смутился я. – Это зависит от твоих планов на вечер! Слушай, а ты сразу никогда не отвечаешь на вопрос?

– Нет, почему, иногда отвечаю! – она кинула ручку. – В принципе у меня нет никаких планов на вечер! Так что, можешь приглашать на свидание!

Меня поражала ее откровенность, точнее то, что именно с ее помощью Роза пыталась покорить мой разум. Честно говоря, поначалу меня такой стиль общения больше отталкивал, чем притягивал, но она упорно настаивала на нем.

– Хорошо! Я приглашаю тебя... Нет! Это не свидание! Я просто хочу попить с тобой пива после утомительных занятий. Что скажешь?

Роза улыбнулась и снова схватила ручку. Затем она косо посмотрела на меня и быстро закивала головой. Я тоже улыбнулся, и глаза почему-то перекинулись на брата. Его отсутствующий вид очень раздражал меня, лицо, наполненное нелепой и идиотской независимостью тоже.

– Значит так! – мистер Рэйт окинул аудиторию взглядом. – Что мы можем сказать о «понятии»? Что это такое? Для чего оно нам? Я не хочу нагружать вас кучей философских определений, постараюсь просто объяснить. Ваша задача записать то, что считаете нужным. Когда вы видите предмет, в голове автоматически начинают появляться различные слова, описывающие свойства, качества, возможно даже признаки этого предмета. Люди описывают то, что они видят. А вот, например, философы или ученые, стараются тут же дать определение, красиво изложенное, со множеством лишних слов. Я бы сказал, что «понятие» имеет такой, мел-

кий, теневой синоним, как «определение». Как вы думаете, для чего нам нужно знать, что такое «понятие»?

Профессор протараторил текст по памяти и усталился на нас. Его безумные глаза судорожно прыгали по головам студентов, пока, наконец, не остановились на рыжем парне. Копушчатое лицо замерло и удивленно захлопало глазами.

– Вот Вы, мистер... – протянул профессор, вытягивая шею, как гусь.

– Нэст! – представился молодой человек, поднимаясь со стула. – Я думаю, что «понятия» нам особо и не нужны в жизни.

– Как так? – воскликнул профессор, выронив мел из рук. – Обоснуйте!

– Ну, вокруг человека существует множество «понятий», а он не обращает на них никого внимания. В магазине есть продавец, но я совершенно не хочу знать понятия, касающиеся его работы.

– Вот как? – вздохнул мистер Рэйт. – Еще кто как думает?

– Сэр! – прозвучал до боли знакомый голос.

Он принадлежал моему брату.

Я нервно подскочил на стуле и усталился на него. Опять этот сорванец старался обратить на себя внимание.

– Да? – взглянул на него профессор.

– Я согласен с предыдущим ответом, но у меня есть другое обоснование. Я считаю, что «понятия» в жизни можно разделить на «выживательные» и «существующие». То есть,

«выживательные» – такие понятия, которые мы запоминаем независимо от нашего желания, мы просто их воспринимаем, как, например понятие «продавец». «Существующие» – все остальные понятия, и уже из них мы абсорбируем то, что считаем нужным. Например, обучаясь определенной профессии, мы запоминаем понятия, имеющие отношение к этой профессии. Но! Есть как всегда «Но»! Человек может знать какое-нибудь понятие, но делать совершенно не так, наплевав на «понятие». Вытекает вопрос: Зачем же нам они? Просто «знать», для общего развития и не более. Получается не зачем!

Как всегда Люцифер старательно набалтывал себе положительные баллы, только на этот раз для преподавателя. Я улыбнулся, разглядывая довольное и нахальное лицо брата и изумленное лицо профессора.

– Молодой человек, у Вас интересная точка зрения! Но мне придется разочаровать Вас! Дело в том, что мы все живем по понятиям в широком смысле этого слова, сами того не замечая. И чтобы каждый из нас смог выжить в обществе, мы нуждаемся в этих понятиях!

– Зачем? Что значит «мы нуждаемся»?...

– Это значит, – перебил его профессор, – чтобы Вас, например, не посадили в тюрьму, Вы нуждаетесь в знаниях об уголовной ответственности, то есть о ее понятиях. А еще было бы прекрасно знать, как, будучи виновным, не оказаться в этой тюрьме!

– Простите, сэр, но, по-моему, важнее быть невиновным и оставаться при этом на свободе, Вы так не думаете? Сейчас каждый дурак может избежать тюрьмы, будучи виновным!

Профессор усмехнулся и опустил взгляд. Я не мог понять, зачем Люциферу понадобилось вступать в спор прямо с первого дня. Роза внимательно наблюдала за моим братом и профессором с загадочной улыбкой на губах, и я даже не знал, как реагировать на нее. Краем глаза она пыталась сравнить наши с братом лица. Люц стоял, убрав одну руку в карман штанов, другой опирался на парту и улыбался такой легкой улыбкой, почти еле заметной. Если хорошо и долго приглядываться, то можно было увидеть, как уголок его губ был слегка приподнят.

Девушки не могли устоять перед его лицом, но я-то знал, что его ухмылка всего лишь показатель того, что ему настолько сильно насрать на предмет, на профессора, да и вообще на все, что его окружало. Я никак не мог понять, почему глупые девчонки, видя лицо безразличия и пофигизма, сразу же расплывались в жирных улыбках и ждали манны небесной. Я боялся, что Роза так же смотрит на него. Я, правда, очень боялся.

К моему великому счастью, как выяснилось чуть позже – это было не так. В ее жженой перекисью голове возникло строгое различие между нами, не только между нашими лицами, а вообще, какое-то чертово духовное различие. Да мне какое до этого было дело? Пусть представляет себе все,

что хочет, чертит виртуальную разницу и все такое, главное, чтобы она не представляла его рядом с собой.

Я не стал слушать остаток не нужного мне спора. Вместо этого я написал записку Розе, где указал время и место встречи, но отдать бумажку решился только на перемене. Остаток пары я старательно пел какие-то мелодии в голове, вспоминал картины из фильмов и различных роликов. Проще говоря, сидел и морально бредил, потому что иногда этим полезно заняться.

Как только прозвенел звонок, я схватил тетрадь, сунул Розе записку и выскочил из класса. Я не хотел с ней разговаривать потому, что был уверен, что начнутся совершенно идиотские и глупые вопросы, на которые я не захочу отвечать. Мне просто хотелось увидеть ее вне аудитории, посмотреть какая она на самом деле или какую наденет маску.

Я быстро вылетел из класса и чуть ли не галопом помчался к машине.

Уже сидящий за рулем Люцифер сильно удивил меня. Это что ж получается, он быстрее меня вылетел из университета?! Видимо ему там тоже «понравилось». Я не стал задерживать нас обоих и быстро сел в машину. Люцифер тут же тронулся и поехал в сторону дома.

– О, совершенно вылетело из головы. Твоя очередь, – Люц собрался поменять местами.

– Забей, непринципиально сейчас. Поехали.

– Мне нравится новые люди, куча девчонок...но убогие

предметы и такие же убогие профессора чуть не довели до безумия. Какая-то никчемная херня! Я не хочу прибывать завтра ни на одной из этих жутких лекций... – Люцифер гнал, как безумный и кричал.

Я улыбался.

– В кой-то веки наши с тобой мнения сошлись! – без раздумья согласился я, скосив глаза на брата. – Но боюсь, нам придется прибывать на этих лекциях! Люц! Нам нужен диплом, иначе вся жизнь окончательно скатится в помойку. Я этого не хочу!

– Да я тоже... тоже... – с долей печали в голосе ответил он. – Я весь день поражался педагогам так же, как они, не переставая, радовались нашему родству. Что такого в близнецах? Почему они так воодушевились? И, вообще, я ничего не понимаю!

Люцифер выглядел странно. С каких пор его вообще что-либо начало интересовать? В тот момент мне показалось, что я совсем не знаю своего брата, что он не мой родственник, а посторонний человек!

Как же так вышло? Родной брат является загадкой. Внезапно мне захотелось разгадать его тайну, а потом я подумал, что обманываю сам себя, что на самом деле нет никого секрета...

– Названия предметов мне кажутся странными. Ты заметил, что там нет ни одного нормального предмета? Чему они собираются нас учить?

Люц улыбнулся и потянулся за пачкой сигарет, не отрывая глаз от кочек на дороге.

– Да хер с этой учебой! – Заявил он, наконец, – не хочу о ней думать, а тем более говорить за пределами гадкого университета. Как зовут твою новую знакомую? Ту блондинку?

Я не заметно вздрогнул, по телу пробежали мурашки. Злые мурашки, ненавистные, от которых не хотелось получать удовольствие. Сердце бешено заколотилось в груди, а в голове я чувствовал отголоски нудных стуков. Меня, словно пружину под прессом, скрутило, и в любой момент я мог прыгнуть.

– Люцифер. – Скрипя зубами, выговорил я. – Мне нравится эта девушка!

– Да расслабься ты! – рассмеялся он. – Мы, то есть ты, я и она учимся в одной группе. Я имею право знать ее имя. В любом случае, я все равно узнаю.

– Роза! Ее зовут Роза! – чуть ли не кричал я, сжимая пальцы в кулаки, а они скользили по вспотевшей ладони, ногти пытались впиваться в кожу.

Я сам не понимал, что за состояние посетило меня. Меня злило и бесило расшатанное поведение брата, мне хотелось плакать от злости, вырвать ему кадык. Одним вопросом он чуть не свел меня с ума. Я не мог понять, чего он пытался добиться? Способен ли он на то, о чем думал я, или он просто спрашивал, без задней мысли, а я придумывал себе излишние страхи и опасения.

– Роза? – усмехнулся он. – Забавно, братец! Девушку, которая приглянулась мне, зовут Лилия. Палисадник, сука!

Лилия! Слово сработало как кнопка «выключить». Злость и нервоз пропали. Я знал, что пропали они ненадолго. Люцифер – совершенно не постоянная субстанция костей и мяса, сродни с ветром. Вроде только окатило свежей струйкой воздуха, как он тут же испарился, а разгоряченная дама наивно полагает, что в состоянии найти, поймать и удержать ветер. То есть, имя «Лилия» звучит до первой совместно проведенной ночи. Дальше Люцифер забудет ее и вряд ли когда вспомнит. А это значит, что имя Роза может всплыть в его голове еще раз.

Всю дорогу я молчал и не смотрел в сторону брата. Я не хотел его видеть, он раздражал меня. В голове носились разные мысли о Розе: ведь она тоже могла поставить пешку в заварухе. Я не знал, могу ли я доверять ей. Я мог доверять только себе. Доверие нельзя заслужить или потерять, у меня его изначально просто не было. Каждое существо способно не оправдать оказанного ему доверия. С девушками я особо-то не сталкивался, так что не знал, что это за «штучки». У меня было всего три девушки.

Первая задержалась всего на одну единственную ночь. Наутро она отрезвела и чуть волосы не повыдергивала у себя на голове и у меня заодно. Ей было двадцать семь лет, а мне шестнадцать. Ей это не понравилось. Но своей вины я не видел: ей никто насильно не вливал алкоголь и уж тем более

никто не укладывал ко мне в постель.

Следующая девушка продолжала флиртовать со мной в течение месяца, потом три месяца мы пытались выстроить карточное будущее, но, черт его побери, совместное. В общем – не сошлись характерами – это мягко сказано! У нее была занятная позиция в жизни: я женщина, а вы все вокруг меня – пресмыкающиеся. Конечно, мне было наплевать, что она там возомнила у себя в голове – в одну корону все равно вдвоем не влезешь. Но когда она начала практиковать меня в виде боксерской груши, я слегка расстроился. Наблюдавший за нашими отношениями Люцифер удивлялся моей выдержке: я ни разу не тронул эту истеричку.

Когда она окончательно меня довела, я попросил ее больше никогда не появляться у меня перед глазами, иначе мне придется свергнуть королеву.

Следующие полгода я был один, чему несусветно радовался. Наша мама почему-то всячески поддерживала меня, говорила, что все пройдет и наладится. Как раз через полгода ее не стало – и она меня обманула! Ничего не наладилось, ничего не прошло. Она была первой и надеюсь последней женщиной, которая причинила мне жуткую боль и безумные страдания своей оплошностью на железнодорожных путях.

Со следующей девушкой мы прожили совместно полтора года. Она появилась в моей жизни спустя полгода после смерти матери и стала для меня спасательным жилетом.

Все полтора года я боялся заходить в дом, боялся увидеть

ее в постели с братом. Я знал, что она ему тоже нравилась. Такая не могла не нравиться. У нее был райский голос, который можно было слушать часам, такая маленькая колибри в руках. Я хорошо ее чувствовал, и Люцифер тоже. Я видел, как он смотрел на нее, как он хотел прикоснуться к ней. И кто знает, может он и прикоснулся, но они оба умолчали об этом. Хотя я очень старался избежать таких вот событий.

В общем, в один прекрасный день она проснулась, хлопала длинными ресницами и упорхнула раз и навсегда. Объяснила она это так: «Все. Приелось. Скучно. Нет разнообразия. Не хочу больше». Вот и все. Больше я ее не видел, зато заметил, как Люцифер расслабил мышцы на теле и лице. Ему, наверное, тяжело жилось эти полтора года. Это же невыносимо, когда рядом постоянно присутствует объект вожделений, а к нему нельзя притронуться.

Хотя опят же, я не был уверен. Люцифер вряд ли когда упустит лакомый кусочек, и скорее всего не посмотрит на то, что этим кусочком уже кто-то питается.

Дома я не знал, чем занять себя до девяти часов вечера. Я помылся, еще раз побрился, хотя делал это с утра, и оделся. Остаток времени я просидел на кухне, поглощая куски колбасы и хлеба. Я так нервничал! У меня тряслись ноги, а пальцы как лапки сколопендры, перебирались по столу. Я скурил почти целую пачку сигарет, мне казалось, что меня это успокаивает.

В итоге, в восемь часов я вышел из дома и побрел к бару,

в котором мне было можно находиться, хоть и нелегально.

Я заказал пива и уселся за стол, стоящий прямо напротив входа, чтобы было лучше видно кто входит, а кто выходит, ну, так нервознее ждалось. Как только стрелки на часах показали ровно девять, мое сердце затрепыхало. Я ждал, что с каждой следующей секундой дверь откроется и Роза войдет.

Прошло полтора часа, дверь открывалась и из-за нее появлялись ненужные мне люди, которых я люто ненавидел в тот момент. Мне казалось, что это их вина, что не приходит та, которую я так ждал. В какой-то момент я отчаялся и хотел идти домой, мне стало противно и мерзко на душе. Но дверь снова открылась и в проходе показалась та девушка, которая своим полуторачасовым опозданием чуть не сделала меня психически неуравновешенным.

– Извини! – улыбнулась она и села.

Ох, с каким выражением лица она сказала это слово. Там не было ни одного грамма, даже миллиграмма сожаления. Ей было наплевать на то, что я просидел столько времени в ожидании. Я не хотел спрашивать причину столь позднего появления, на ее лице было написано: «скажи спасибо, что я вообще пришла», и вдобавок, я не хотел слушать очередную байку о сломанном лифте, о закрытой двери, о потерянных ключах и еще что-нибудь в этом роде.

– Бывает... – ответил я.

Мой голос и раздраженное лицо выдавали меня. Девушка заулыбалась. Она получила дозу и наслаждалась, глядя, как

сильно меня это злило.

Но не мог же я устроить ей скандал из-за этого? Тем более, я все-таки был рад наконец-то ее увидеть. За четыре часа она изменилась. Ее брови были накрашены уже не так мерзко. Оказывается, они были темного русого цвета. Честно говоря, я думал, что они светлее. Но каре все также оставалось неподвижным. Правда, она была похожа на Барби.

Я смотрел на нее, как щенок. Не знаю, что было за затмение в моей голове, но отделаться от него я никак не мог. Роза, как кобра, раскинув капюшон, гипнотизировала меня, не теряя ни на секунду эту нить. Откровенно говоря, я любовался, глядя на эту девушку. Она была как картина, хорошо нарисованная, с идеально подобранными тонами и красками, нарисованная нужными кистями. В тот момент мне даже ее брови казались идеальными.

– Ты чего так смотришь? – спросила она, слегка засмущавшись.

Я встряхнул головой, пытаюсь скинуть ее чары, околдовавшие разум.

– У тебя щека испачкана! – выпалил я, сам не понимая, зачем соврал ей, ведь на ее чудных щечках не было никакой грязи.

– Где? – удивилась она и захлопала глазами, как филин.

Я протянул руку, чтобы стереть несуществующую грязь, но в паре сантиметров от щеки остановился и вытянул палец.

– Вот здесь! – сказал я.

Она приподняла одну бровь так элегантно, выражение ее лица мне рассказало об изумлении из-за моего поведения. Роза, не отрывая от меня взгляда, дотронулась до щеки. Круговыми движениями она стирала невидимку, смотря на меня щенячьими глазами.

– Все? – спросила она.

Я кивнул головой и пристально уставился на легкое покраснение на коже. Роза казалась мне невозможной, хрустальной, я боялся до нее дотронуться, чтобы не запачкать и не уронить драгоценное стекло.

Я перевел взгляд и словно в океане искупался. Выразительность и глубина голубых глаз напротив меня были просто завораживающие. Я, наверное, сходил с ума. Меня парализовало, вернулось детское смущение, какая-то боязнь и дурацкое желание похихикать. Но я сидел, смиренно, как пес на цепи и смотрел ей в глаза.

– Где ты живешь? – внезапно спросил я, сам от себя не ожидая такого вопроса.

Роза улыбнулась и сделала глоток пива из большой кружки. Ее тонкие пальцы, держащие огромную посудину, казались такими ничтожными по сравнению со стаканом, но сколько же в них было грации.

– Минут двадцать ехать на автобусе в сторону главной улицы. На самом деле недалеко! Иногда я даже хожу пешком! По пути есть маленькая аллея и вот там мне больше всего нравится гулять. Обычно там практически нет людей.

А почему ты спрашиваешь?

– Не знаю... – Быстро ответил я, как всегда полную чушь.

Все я знал! Такие вопросы сводили меня с ума, только в хорошем смысле этого слова. «А почему ты спрашиваешь?». Что за глупый вопрос? Ведь она прекрасно понимала весь смысл моего вопроса, но почему-то вела себя так, словно прожила только один день. Меня это удивляло, в некотором роде даже злило.

– Ты всегда там жила? – снова спросил я какую-то чушь.

Почему я всегда спрашивал глупости, а потом искренне удивлялся, что мне отвечают глупостями. Иногда стоит признаться самому себе, что ты дурак, главное никому не рассказывать об этом. Поэтому я решил сменить тактику, то есть улыбаться и наслаждаться своей дурачностью.

– Да! Давай сразу скажу: я живу с мамой, отец нас бросил, когда мне было пять. Он взял и исчез. Мама очень переживала, потому что любила его. На меня он особо внимание не обращал, но и я не могу сказать, что мне было тоскливо хоть какое-то время без него. Вскоре мать нашла себе нового «мачо». Теперь он живет с нами, помогает финансово и морально маме. Он также не обращает на меня внимание. Я тоже не хочу обращать внимание на него. У меня было несколько ребят, все они оказались озабоченными козлами. В их головах не было ничего, кроме плотских утех. К счастью, в моей голове было еще что-то кроме этого, поэтому ничего хорошего между нами так и не вышло. Все отношения просто за-

канчивались скандалами и ссорами на сексуальной почве...

Господи, я слушал ее и кровь закипала в венах. Мне хотелось кричать, что я не такой, что я не буду с ней так поступать, но в штанах я не чувствовал себя другим. В то время, когда мозг хотел врать о перфекционизме, орган между ног показывал мою истинную сущность. Хорошо, что я сидел, вдобавок столешница прикрывала эту бездумную часть, и плюс, освещение было темноватым. Мне бы не хотелось, чтобы эти чудные, морские глаза опустились на бугор между моих ног и поняли, что я такое же животное, как и все ее бывшие. Я же не мог начать ей объяснять, что это нормально, по моему мнению – это вообще прекрасно, когда мужчина хочет женщину. Намного хуже, когда девушка нежеланна и при ее виде в штанах все сворачивается и превращается в отмороженную морковь.

Я слушал и слушал и не хотел, чтобы эта девушка замолкала. Ее голос струился по всему моему телу. Мне становилось не по себе, я хотел избавиться от столь глубокого проникновения ее звука, но не мог. Ее голос, как яд змеи, уже танцевал вальс с эритроцитами и тромбоцитами в моей крови, и оказать первую помощь было уже невозможно – яд распространился по всему организму. Оставалось только надеяться, что меня не постигнет смерть в результате этого укуса.

– Ну, мне пора! – сказала она, и это схватило меня за грудки железными баграми и вытащило в мерзкую реальность.

Я посмотрел на часы – время было около часу ночи. И вот

после эти трех слов я чуть ли не возненавидел ее! Я не хотел, чтобы она уходила, мне нужно было еще какое-то время побыть с ней рядом. Роза, как доза сильнейшего наркотика, оптическая иллюзия, на которую хочется постоянно смотреть, потому что она перекрывает мозг, он перестает соображать и становится облагороженной червями фиалкой на ее ладошке.

– Нет! – крикнул я, подскочив на месте.

Я ненавидел себя в ту ночь за свое больное поведение. Мои подергивания, вскрикивания, неясные ответы могли напугать ее, но у меня ничего не получалось, я не мог воевать с собой.

Роза вся перекосилась от изумления и вытаращилась на меня. Я достал сигарету и улыбнулся.

– Я имел в виду, что еще рано! Мы могли бы посидеть еще чуть-чуть!

– Да, но не сегодня. Я надеюсь, ты помнишь, что завтра пары начинаются в девять?

Я кивнул, выдыхая дым в потолок и не отводя от нее глаз. Мне казалось, что она уже отдалилась на пару километров от меня.

– Так ты придешь завтра? – со строгостью в голосе спросила она. – Обещай мне, что ты придешь!

Вот он! Предельно глупый момент «обещай мне...» – ну, почему эти два слова слышны обычно только из женских уст? Почему я должен был давать ей какие-то обещания? А

вдруг я завтра умру, что будет означать, что я нарушил свое обещание! То есть я – истинный лгун. А я не хотел быть лгуном. Но бездонные глаза требовали ответа.

– Обещаю! – сказал я и неестественно улыбнулся. – Я провою тебя!

– Не стоит...

– Не обсуждается! Время ночное, мало ли что!

Она шла на полшага впереди, а я не спускал глаз с ее спины и бедер, и мне очень нравилось смотреть, как белое каре двигалось, словно приведение. Я слушал, как туфли выстукивали ровный ритм по кривому асфальту и как голос лился идеальной мелодией под странный ритм. Мне хотелось сжать ее в объятиях и сотворить нехорошие вещи, но я выносливо шел и подтирал слюни, растянувшиеся до колен.

Она шла и говорила об университете, мечтала о том, что ждет ее завтра. А я молча мечтал о том дне, когда смогу прикоснуться к ней хотя бы кончиком пальца.

– Вот мы и пришли! – сказала она, обернувшись ко мне.

Я окинул взглядом черный, ночной дом и такой же черный садик с морем спящих цветов. На втором этаже были открыты окна, и, черт побери, я знал, что это были окна ее спальни. Я мгновенно представил, как могла бы выглядеть обстановка в комнате принцессы, и мелкая дрожь принялась ошипывать мое тело. Два слова лишали меня рассудка с каждой минутой все больше и больше. Роза, спальня. Роза, спальня.

– Спокойной ночи! – сказала она и поддалась ко мне впе-

ред.

Я отшатнулся, улыбнулся и смутился.

– Спокойной ночи... Роза. – Прошептал я, пятясь назад, как недоваренный рак.

Девушка в очередной раз удивилась, пожала плечами и пошла к порогу. Я смотрел ей вслед, смотрел, как закрывается дверь, как в открытых окнах зажигается свет, подтверждающий мою правоту. Я видел, как через какое-то время свет потух. Мне хотелось услышать, как она дышит в ночной тишине, хотелось узнать, что ей снится, хотелось посмотреть на нее спящую.

Еще какое-то время я постоял у нее под окнами и поплелся домой, как старый пес в свою никчемную конуру. Я полз почти целый час, в дом вошел в половину четвертого утра. В комнате Люцифера было тихо, что, естественно, было странным. Я испугался, не умер ли он там? Но около двери, в свете фонаря блеснули лакированные туфли, что означало природный баланс и душевное равновесие у брата.

Я тихо прокрался к своей комнате, ловко обходя скрипучие половицы, и упал на кровать. По потолку бегали тени, как и по комнате, как и улыбка по моему лицу. Именно с этой радостной ноткой я провалился в глубокий сон.

***

– Вставай, говнюк! – услышал я крик брата мне в ухо и

ощутимый пинок.

С горем пополам я продрал глаза, чтобы посмотреть на «святину», которая так тщательно будила меня. Люцифер улыбался с зубной щеткой во рту, в одних трусах с колтунами на голове. Его настроение было на высоте.

Я усмехнулся и перекатился на другую половину кровати. «Вставай, говнюк», что может быть еще прекраснее, чем столь «милое» приветствие? Ничего! Брат по-другому просто не умел.

Я не хотел вставать. У меня была куча сил, но желание отсутствовало. Затем я вспомнил, что пообещал притащить свое тело в проклятый дом знаний, скинул одеяло и сел.

– Как прошел вечер? – Спросил Люц, с белой пеной на губах.

Он был похож на бешеное существо, жаль, что пена не пузырилась. Я показал ему кулак с поднятым вверх большим пальцем и снова закрыл глаза. Чертовы глаза! Я ненавидел моменты, когда собственные мышцы становились неработающими имплантами.

– Через двадцать минут выходим! Поднимайся и иди в ванную! Знания ждут! – прокричал он, накапав пасты мне на пол, развернулся и ушел.

Я вздохнул и встал. Потянувшись, я направился к ванне, прихватив салфетку, чтобы убрать за дырявым ртом брата.

В машине я, игнорируя все дурацкие вопросы и хитроумные подколы Люца, спал. Мозг пытался сказать, что слиш-

ком до хрена времени тратится на сон, что можно потом выспаться, когда больше делать будет нечего. Я не должен был проспать половину своей молодости. Но сон, как Годзилла, наступал мне на голову и я не мог скинуть его. Глаза сами собой закрывались, подкидывая черного тумана в мозг, раздвигая невидимость и воздвигая там бездну, в которую я летел, пока засыпал, изредка подергиваясь, как под напряжением.

– Выходи, спящая красавица! – Люц слегка толкнул меня в плечо, и я буквально вывалился на улицу, тщательно пытаясь открыть веки.

Ноги медленно передвигались, неся тело к дверям университета, брат шел рядом и курил, а я хватал ртом сигаретный дым и пытался блаженствовать.

– Твоя девушка уже здесь! – злорадно сообщил Люцифер, окинув взглядом коридор.

Единственная фраза, которая не просто взбодрила меня, а словно покойника оживила: и глаза тут же открылись, и пальцы бешено забегали по волосам, пытаюсь причесать их, и взгляд стал похож на адекватный, а на губах снова растянулась новая, глупая улыбка.

– Ты полный фрик! – прошептал Люц и отошел от меня, как бы предоставляя возможность побыть наедине с Розой.

Но краем глаза я видел, что он стоит недалеко, а его глаза жрут седовласую девушку, тем самым пробуждая во мне злость и агрессию снова. Но я же не мог запретить ему смот-

реть!

Роза посмотрела на меня, склонила голову и улыбнулась. Благодаря ее улыбке я понял, что на меня не обижаются и не злятся, и ничего умного кроме как тоже улыбнуться я не сделал. Ну почему рядом с ней я чувствовал себя дураком?

– Привет! – как-то странно пискнула она и скосилась на Люцифера.

Он улыбнулся и кивнул головой в ответ.

– Привет! – быстро ответил я, дабы скорее привлечь ее внимание.

Роза снова взглянула на меня.

– Я немного сонная сегодня! – Сказала она. – Но вчера мы хорошо провели время!

«Еще бы, если бы ты еще пришла вовремя, то может, я был бы не такой сонный!», язвительно подумал я, рассматривая ее. Сегодня она была какая-то новая. Светлые джинсы, чуть ли не впивались ей в кожу, потому что сильно обтягивали, такая же кофта, только с декольте, туфли, из-за которых Роза постоянно переминалась с ноги на ногу. Все те же ярко накрашенные брови, но в этот раз глаза тоже были ярко накрашены, макияж которых, в отличие от бровей, мне нравился.

К двери подошла женщина средних лет, и, окинув нас взглядом, открыла замок. Я как всегда не удосужился посмотреть, как называется очередной предмет, поэтому старательно внушал себе о существовании эффекта неожиданности и последующей после него радости.

Уже как по сценарию, я пошел за Розой и сел около нее. В тот момент меня удивило, и в то же время жутко разозлило то, что рядом со мной уселся Люцифер! Недолго думая, я засадил ему локтем в бок и показал глазами «свалить». Он мерзко улыбнулся и демонстративно достал тетрадь. Вот тогда у меня закипели все жидкости в организме. Я раздулся, как индюк, пытаюсь прикрыть телом девушку от его взглядов. Роза была довольна! Я точно видел, что она заметила немую войну между мной и братом, а также она правильно поняла, что все это из-за нее. Она сидела и улыбалась. А мне вот было не совсем понятно: ведь проскакивала враждебная нить между братьями, а не незнакомыми людьми, так почему ж не было желания остановить это? Нет, она будет продолжать улыбаться и получать несказанное удовольствие от сложившейся ситуации. Ну ладно она, девушки всегда были не против поулыбаться, в то время как из-за них ребята убивают друг друга, но Люцифер-то! Он почему себя так вел? Я так никогда не поступал по отношению к нему...

– Здравствуйте, уважаемые студенты! – профессор, упираясь руками в стол, с улыбкой рассматривала аудиторию. – Рада, что после первого учебного дня вы нашли в себе силы прийти и сегодня. Меня зовут профессор Рене и я буду вести у вас предмет, который будет вам интересен больше всех других, и называется он «поведенческая структура человека» или «ПСЧ». Это не психология, не физиология, этот предмет изучает поведение мужчин и женщин в современ-

ном мире. Еще раз отмечу – не смейте путать мой предмет с психологией. Это совершенно разные науки. Естественно, как и по всем дисциплинам, вы будете сдавать экзамен: промежуточный и итоговый, в конце учебного года. Хочу предупредить вас, что я ужасная сволочь и люблю на экзаменах трепать нервы студентам, которые трепали мне нервы в течение семестра.

У нее был такой пьянящий голос, сказочно-баснословный, и я как, кобра, болтался в своей сумке и боролся со сном. Роза постоянно что-то бубнила, но я не мог сосредоточиться на ее мыслях. Меня размазывало, как мерзкую, вонючую жидкость по асфальту и в какой-то момент я начал падать в летнем водопаде. Вокруг были теплые тропики и безумно красивые пейзаж. Водопад был бесконечен, я летел и летел, постоянно получая дозы воздушных брызг, бодрящих тело. Шум, с которым вода разбивалась о навесные скалы, убаюкивал меня еще больше, погружая в пучину ярких, красочных сновидений. Неожиданно, прямо над ухом я услышал голос, который мне угрожал.

– ...спать на моих парах я вам не советую. Если уж очень хочется, лучше проспите дома: в любом случае в журнале будет отмечено, что вы отсутствовали!

Я нехотя открыл глаза и прямо перед собой увидел лицо профессора. Я слегка дернулся и мгновенно выпрямился за партой.

– Как Вас зовут? – строго спросила она, разглядывая меня,

как рукодельный узор.

– Гавриил, мэм! – сонным голосом ответил я.

– Гавриил! – усмехнулась она. – Тяжелая ночь была?

– Нет. – Покачал я головой, борясь с зевотой.

Люц, этот убудок, сидел рядом и улыбался.

– Тогда, получается, что у Вас даже нет уважительной причины такого бестактного поведения? – внезапно профессор Рене стала строгой, как горгулья и впилась в меня глазами, словно я обозвал ее каким-то гадким словом.

– Получается так, мэм! – согласился я, все больше и больше поражаясь изменениям на ее лице.

– Искренность – это хорошо! – злобно улыбнулась она, – но ничего, профессор Трокосто научит Вас, когда стоит говорить правду! На первый раз я прощаю Ваше поведение, но я запомнила Вас!

Мисс Рене отвернулась и пошла дальше по ряду между парт. Я тут же ткнул брата в бок.

– Какого черта ты меня не разбудил? – возмутился я до глубины души.

– Надо ж было посмотреть, что будет, если кто-то уснет на ее паре! – прошептал он в ответ, еле сдерживая идиотский смех.

Я, честно, хотел воткнуть ручку ему в руку, так сильно он вывел меня из себя. Но моя новоиспеченная подруженька тоже промолчала, какие у нее на то были причины?

– Роза! – с рыком позвал я ее. – Почему ты не разбудила

меня?

– А я должна была? – ее молниеносный ответ заткнул мне рот.

Как будто у меня вдруг вырвали язык и трясли им перед лицом.

– Нет... – смущенно буркнул я и уставился прямо перед собой.

Я больше не хотел на нее смотреть.

– Речь пойдет о поведении женщин и мужчин, насколько вы знаете, других полов у нас не существует. Современное общество ведет себя совсем по-другому, чем, например, пятьдесят лет назад. Пятьдесят лет назад не кажутся большой цифрой, но у ваших пап и мам совсем другое восприятие мира, чем у вас сейчас. И насколько вы правильно воспринимаете мир, зависят ваши успехи и неудачи. То есть, если вы хотите стать наиболее удачным, вам стоит принять мораль общества, по которой живут все. Что такое индивидуальность? В настоящее время – это не что! Вы не должны стремиться к ней, иначе успеха вам не видать. Потому, что человек, который хочет быть индивидуальностью, собственно, забывает о себе, как о становлении личности. Поймите одну простую вещь: чтобы вы ни делали, как бы вы не выглядели, чтобы вы ни умели делать, вы никогда не будете индивидуальностью! Чего смотрите? Память хорошая? Или может, запишите все-таки? Я ведь спрашиваю дополнительные вопросы на экзаменах! Индивидуальность в наше время

отсутствует! Ее не существует! Люди тратят свои жизни, к примеру, на то, чтобы раскопать Клеопатру, они это делают потому, что у них есть уверенность в виде научных подтверждений и истории. У индивидуальности нет подтверждений, нет истории. Посмотрите, в аудитории сидит девушка с броской внешностью: ярко-красные волосы. Таких здесь больше нет, и, казалось бы, она – индивидуальность! Но сколько еще в мире, в данный момент таких девушек, с таким цветом волос? Миллионы! Миллион очень смутно похож на индивидуальное число. Нельзя быть единичным экземпляром, понимаете? Нельзя. Запомните раз и навсегда: таких, как вы, на земле еще семь миллиардов. Так что, выбирая стратегию жизни, не стоит брать индивидуальность, как отправную точку. Вы можете быть хуже или лучше, но всегда знайте, что есть кто-то еще на порядок лучше или хуже. Поэтому ваша задача, вступая во взрослую жизнь, знать свое общество и уметь подстроиться под него, ибо никогда в жизни общество не будет подстраиваться под вас! Общество – это огромная, массивная, структурированная ячейка жизни каждого человека. Чтобы плавать в нем, как рыба в воде, недостаточно дожить до двадцати лет, прийти и заявить: «вот он – я! прошу любить и жаловать!». Кто вы такой, чтобы социум принимал вас с распростертыми объятьями? Вы никто! Особенно сейчас. Вы можете спать на моих лекциях, хамить профессорам, прогуливать, но все это никак не поможет вам в дальнейшем. Вы должны подружиться с обществом, иначе вас ожидают

более глобальные проблемы, чем неуд на экзамене. Что касается общества – оно не совсем стабильно, шатко и постоянно меняется. Каждый год в обществе происходит что-то, что оно впитывает, и нужно уметь вовремя подстроиться под это. Никто не хочет знать, нужны ли вам эти изменения, вы должны очнуться утром и уже быть частью нового общества. Не пытайтесь исправить его, вам это не удастся, опять же, вы просто потратите силы в пустую, вы выкинете свою жизнь в помойку. Не надо, не спешите, на помойке вы всегда успеете оказаться. Запомните также, что общество очень умело и настойчиво диктует свои правила и права. Человек, который не подчиняется, проигрывает, даже не успев начать играть...

Я слушал эту женщину и поражался. Я не мог поверить в то, что она говорила. Что значит: «вы – никто»? Я не никто, я – личность, человек! Да плевать мне, что нас семь миллиардов, каждый из этих миллиардов – человек, а значит – личность! Что за культ общества она развела? Почему она говорила так, как будто без этого «общества» невозможна жизнь на планете? Мисс Рене взбудоражила во мне бурлящий поток агрессии по отношению к ее предмету. Только тупые идиоты могут создавать себе идола из общества, которому потом поклоняются! Да хрен бы с ним, было бы нормальное общество, но оно ж совсем мерзкое и ничтожное! Мне не надо доживать до семидесяти лет, чтобы понять, что вокруг меня постоянно блеет стадо деградированных овец и баранов. Неужели мисс Рене считала, что все должны по-

тыкать этим овцам? Неужели она сама это делала? Рвотная масса, ползающая по улицам мира, выблеванная прошлым, не должна устанавливать правила и требовать подчинения. Ее надо убрать, а не бога из нее создавать! Сможет ли человек навалить горы кала дома и наслаждаться ими потом? Вот, что сравнимо с обществом! Что за чушь? Почему кто-то диктует, а ты должен развесить уши и впитывать отходы в себя? Какая тварская лекция! Мне было противно слушать, как она преподносила эти «необходимые» знания! Ее манера, типа «вы – мерзкие твари», почему я ни разу за два часа этой лекции не услышал слово «мы»? Эта пафосная до чертиков дама не относилась к «мы»! Сука! Она хорохорилась, говоря, что индивидуальность – фигня, при этом сама себя пыталась отнести к другой категории людей. Да, конечно, разве «уважающий» себя профессор выставит себя наравне со студентами? Кончено, нет! Это мы – говно, а они – золото, правда, очень хреновой пробы.

Я жутко разозлился. Обернувшись, я увидел абсолютно безразличное отношение студентов к лекции. В тот момент мне показалось, что эта дрянь у доски сказала правду! Шестьдесят человек – и всем плевать. Они сидели, рисовали, подмигивали друг другу, занимались фигней, в то время, как одна особа объясняла нам, что мы – будущий кал, который будет рабочим классом для великого общества, беспрекословно выполняющий его приказы, и все с этим, видимо, были согласны, даже никак не отреагировали на предска-

ния «прекрасного» будущего.

Роза, как усердная студентка, писала лекцию чуть ли не слово-в-слово за мерзкой профессоршей. Я даже не хотел ее беспокоить, не хотел отвлекать от столь кропотливого дела! На ее лице не промелькнуло ни одной нотки удивления или раздражения, у нее не было вообще никаких эмоций. Робот, бездумный робот появился в ней, и он механически цитировал мисс Рене. Она мне не нравилась такой, совершенно не нравилась.

Люцифер, со свойственной ему улыбкой дебила, сидел и весело разглядывал профессора и всех остальных. Скорее всего, он воспринимал эту лекцию, как очередную клоунату. Люц не относился к университету серьезно и я ему завидовал. Я тоже хотел быть таким пофигистом, хотел плевать на все то, что происходило вокруг, но я не мог.

Как только прозвенел звонок, я схватил сумку и чуть ли не выбежал на улицу в курилку. Нервно прикурив, я уставился на мусорный бак, не обращая ни на кого внимания. Я всех ненавидел, хотел, чтобы они все исчезли, омерзительное общество!

– Что с тобой? – сзади раздался голос Розы. – Что случилось?

Девушка, которая безумно нравилась мне, которую я безумно хотел, ревновал к собственному брату, ненавидел его из-за нее, показалась мне пустоголовой куклой, которая даже если захочет что-то понять, все равно ничего не пой-

мет, потому, что в голове даже влагосохраняющих шариков нет! Я искренне злился даже на нее.

– Как тебе лекция? – спросил я, не обращая на нее внимание.

– Лекция, как лекция, сидела и писала, ведь экзамен...

– Господи, Роза! – крикнул я, перебив ее. – Ты что такое говоришь? Ты слышала то, что она говорила? Ты воспринимала смысл ее слов?

– Нет, наверное, поэтому, я не такая злая, как ты! Я просто писала, чтобы зимой открыть и прочитать перед экзаменом! Мы пришел сюда учиться, раз стоят такие лекции, значит, они действительно нам нужны!

Я прищурился и уставился на девушку. Она действительно не понимала или не хотела понимать? Насколько же надо отказать от сознания, чтобы записывать этот бред и даже не вникать в него?

– А ты все время такая правильная? – спросил я, наконец, набравшись сил, посмотрел на нее.

Роза нахмурилась. Тогда я впервые увидел, как ее поглощало недовольство, в то время, как во мне росло удивление. Я не сказал ни одного оскорбительного слова, а она беспричинно начала проявлять признаки агрессии, хотя на долбанной лекции ни какой агрессии у нее не было, а должна бы была быть!

– Расслабься, брат! – появился Люцифер с сигаретой в зубах. – Я еще на паре заметил, что тебе не понравилась наша

новая профессорша.

Роза кинула бычок в урну и ушла, даже не посмотрев на меня. Она умудрилась обидеться! Я не был уверен до конца, но было похоже на обиду. Я посмотрел на брата.

– Люц, я не могу относиться ко всему наплевательски, как ты! Хотя, может быть, я бы очень хотел! – процедил я сквозь зубы.

Мимо проходила та самая девушка, с которой Люц перемигивался весь вчерашний день. Я вспомнил, что во время переклички она назвалась Лилей Штольц.

– Привет, Лилия! – улыбнулся я ей.

Девушка остановилась и подошла ко мне, томно разглядывая мое лицо.

– Привет, Люцифер! – ответила она.

Видимо Лилия была чем-то занята во время переклички что даже не заметила, что мой драгоценный брат был в синей рубашке, а я – в черной. Я обнял ее за талию и поцеловал в щеку, при этом кожей ощущая, как стоявший рядом со мной Люцифер, брызгал слюной.

– Ты сегодня совсем наглый! – произнесла Лилия, но бить меня по рукам не стала, более того сама прижималась ко мне. – Я позвоню тебе вечером! – сообщила она, – мне надо идти. Может, встретимся после пар?

– Давай созвонимся! – сказал я и выпустил ее из рук.

Девушка улыбнулась и пошла к стоянке. Я смотрел ей след с язвительной улыбкой на лице. Вот у кого-то нервы не

выдержали и появились первые прогулы. Люцифер подошел ко мне и тихо спросил:

– Ты какого черта вытворяешь?

– Люц, – мягко начал я, – оставь Розу в покое. Я только что напомнил тебе, что являюсь твоей копией и могу разрушить все твои отношения. Я хочу, чтобы ты не забывал об этом. Ты мой близнец, но не забывай, что у тебя тоже есть близнец.

Я выкинул бычок и пошел в университет, не смотря на брата. Я знал, что он расстроен, возможно, даже изумлен.

В коридоре, около аудитории я нашел Розу. Она стояла, опираясь на стену, в руках зажата одна большая лекционная тетрадь. Ее маленькие губы, как у куклы-пупса были надуты. Обида продолжалась. Что за гадкий день? Я знаком с девушкой всего сорок два часа, а уже должен извиняться!

– Роза! – позвал я, подходя к ней, но, не дотрагиваясь, я все еще боялся это сделать.

Она нехотя взглянула на меня и замерла с ожидающим выражением на лице.

– Я не хотел тебя обидеть!

– Да, но ты это сделал! – с надутыми губами сказала она, недовольно закатывая глаза.

Я слегка отшатнулся от нее и приподнял голову. Роза была чуть выше моего плеча и ей постоянно приходилось смотреть как-то снизу. В тот момент она делала это так дерзко и вызывающе, я даже не думал, что она способна на такие взгляды.

– Прости! – сказал я, обкусывая себе язык.

Боже мой, как я ненавидел извиняться за то, что не делал. Ведь я ее не обижал! Не ударил, не сказал ни одного грубого слова, а меня взглядом заставляют извиниться. И вот так всю жизнь, ходишь и как слизняк извиняешься за все подряд, а ведь это просто слова, ничего не значащие слова. Когда жаль по-настоящему, нет места для «извини, прости пожалуйста» или «я не хотел». На лице изображается такая мрачная скорбь, что уже и извиняться не надо. Если этого нет, то выкручиваются именно этими пустыми словами. Естественно, на моем лице не было никакой скорби, да и откуда ей там взяться? Я не чувствовал ее внутри, собственно она не могла появиться на лице. Но как влюбленному идиоту, мне пришлось воспользоваться словами.

– Мне жаль, я действительно не подумал, что сказал! – проямлил я, смеясь внутри.

Конечно, мне было смешно, глядя на то, как лицо Розы приобретало удовлетворенное выражение при звучании этих слов. Какая чушь! Да хрен бы с этой чушью, с этими словами, главное, что на миловидном личике снова появилась улыбка. А это означило, что я прощен!

– Хорошо. Сделаем вид, что ничего этого не было! – прошептала Роза и взглянула на меня.

Конечно, мы сделаем вид, какой она хотела, вот только я не мог понять, чего конкретно не было.

Мы дождались профессора, зашли в аудиторию, снова се-

ли рядом и замолчали. Профессор решил даже не представляться, а сразу начать лекцию, которую я специально не слушал, дабы не извиняться на следующей перемене. Я даже не знал, как назывался предмет.

Всю лекцию я смотрел на Розу. Потихоньку я начал узнавать ее. Прошло всего полтора дня, а я уже знал, что она может обидеться на пустоту, может сказать, что у нее на уме, может не красить так гадко брови, может пить, курить и быть наблюдательной. Милый набор! Она опять судорожно строчила лекцию, периодически улыбаясь, чувствуя мои взгляды. На уродца-брата я не смотрел, так как видеть его совсем не хотел.

Я вырвал из тетрадки лист и накатал пару предложений, где можно встретиться и согласна ли Роза, затем подсунул ей «опросник». Она просто отметила галочкой, какой вариант ей подходит больше всего. Оказалось, что ей понравилось в баре, где мы были вчера. Я смял записку и чуть ли не рассмеялся. В тот день у нас было всего две пары, то есть та пара была последней. В час двадцать мы должны были освободиться, соответственно, я решил назначить время встречи пораньше, где-нибудь часа на четыре, плюс еще полтора часа ее опоздания, как раз к шести придет. Так я и сделал.

В четыре часа вечера я сидел в баре с кружкой пива, весь при параде и с нервной дрожью. Я ждал. Мне уже надоело нервничать, но я ничего не мог с собой поделать. Ожидание и предвкушение снова увидеть ее вне мерзких стен универ-

ситета, с нормально покрашенными бровями, с совсем другой, свежей улыбкой на лице. Мне казалось, что у нее тоже была сестра-близнец, которая приходила ко мне на встречи. Роза была другой вне университета, я чувствовал это.

В тот вечер она практически даже не опоздала, всего на двадцать минут, и к нашей встречи прибавилось еще час десять. Я все также улыбался и вел себя, как полный дурак, боясь прикоснуться к ней. Роза случайно задела мою руку пальцем, после чего я десять минут пытался унять дрожь в ногах и прогнать мурашки. Она скромно улыбалась, глядя на эти тщетные попытки и делая вид, что ничего не понимает.

– Какие у вас отношения с братом? – неожиданно спросила она, поднося стакан к губам.

Я посмотрел на ее рот и сразу же представил, как пахнут тухлые яйца, чтобы абстрагироваться от невообразимого желания дотронуться до нее, поцеловать, обнять... Ух, мысли будоражили мне мозг, даже запах яиц не помогал, но я нашел еще лучше отвлекалку для мозга: я вник в вопрос, заданный мне и тут же представил рассматривающее Розу лицо Люцифера. Все мое желание исчезло надолго.

– С братом? – переспросил я, словно ослышался.

Роза моргнула и улыбнулась. Внезапно я так перепугался что, вдруг она заинтересовалась им, вдруг что-то привлекло ее в нем.

– Отношения с моим братом? Люцифером? – не унимался я, рассматривая ужасные предположения в голове. – Нор-

мальные. Добрые и дружелюбные! Он – мой единственный родной человек. А почему ты спрашиваешь?

– А почему ты врешь? – неожиданно спросила Роза, прищурив глаза и прикуривая сигарету.

Я смутился от такого резкого вопроса я наверное даже покраснел. Почему она пытается уличить меня во лжи? И самое забавное – почему у нее это получается?

– Господи, Роза! – сдался я и выдохнул. – Я не хотел говорить о том, что между мной и моим братом творится на самом деле. Зачем тебе это?

– Да не переживай ты так! – рассмеялась она. – Я не влюбилась в него, это всего лишь четный интерес. Я первый раз сталкиваюсь с близнецами!

Я отвел глаза в сторону. Какого черта она лезет в наши отношения с братом? Время было около девяти вечера и я решил, что у меня нет ответа на ее вопрос.

– Роза, мне надо идти. – Чуть ли не шепотом сказал я и встал.

Но девушка схватила меня за руку и посмотрела пристально в глаза. Я вздрогнул и уставился на нее в ответ с изумлением в глазах. Ее рука... такая теплая, маленькая... и сильная. Нежные пальчики сжимали мое запястье, не давая мне уйти. А голубые глаза ждали, что я сяду обратно за стол. И я не мог отказать этим глазам... я сел.

– Тебе не надо идти! – прошептала она, пододвигаясь ближе ко мне.

Я занервничал. Неловкость окутала меня, как глупого мальчишку.

– Тебе не надо идти... – снова повторила она и провела пальцем по моей щеке, прикрывая глаза.

Я крутил в голове жуткие сцены из различных фильмов ужасов, пытаясь отвлечь себя от ее нежных прикосновений. Что эта девочка делала со мной? Она просто лишала меня рассудка без зазрения совести, отрывала у меня здоровую часть и наслаждалась ею. Я еле сдерживал себя, чтобы не кинуться на нее.

– Мой брат... – Заикаясь, сказал я, блаженствуя от прикосновений ее пальца. – Мы не всегда с ним ладим... понимаешь... Мы не очень с ним похожи... Он-он-он...такой... другой...

Я боролся со своим языком, который говорил каким-то пунктиром. Я не хотел, чтобы Роза заметила мое замороженное состояние. Какой же я глупец! Она, именно она, провоцировала во мне желание и войну. Очень забавное состояние: я занимался с ней сексом у себя в голове, а в это время мой рот должен был рассказать ей обо всех сложностях отношений с братом. Это ли не бред? В тот момент я боялся, что меня подведет язык, что он ляпнет о какой-нибудь детали из короткометражного фильма, точнее порнофильма с ее участием в моей голове. Я был готов сломать себе палец, но не мог попросить ее перестать трогать меня. Как бы это выглядело? Я решил не просить, а просто взять ее за руку.

– Послушай, Роза! Наши отношения с братом – это гражданская война! Но я все равно его ценю, как брата и все такое. Понимаешь? – я говорил с такой скоростью, и даже немного запыхался, крепко сжимая ее руку.

Я так боялся, что она снова дотронется до меня, и окончательно украдет мой рассудок.

– Понимаю! – улыбнулась она, и попыталась вытащить руку, но я не пускал, я почти даже не замечал эти слабые попытки. – Мне просто показалось, что вы ненавидите друг друга.

– Нет! – возразил я, еще сильнее сжав руку. – Нет! Мы не ненавидим, у нас все нормально. У нас просто такая манера общения... Тебе показалось.

– Гавриил! – позвала Роза. – Зачем ты ломаешь мне руку?

– О, прости! – вскочил я, отпустив ее нежную конечность и на всякий случай отскочив от нее.

Девушка загадочно улыбнулась и встала, положив руки на бедра. Я не мог понять, почему именно она вызывала у меня столько эмоций? Что в ней такого? Разукрашенное лицо, грудь, талия, бедра – это все есть и у других девушек. Почему именно она?

– Ты проводишь меня? – спросила она, направляясь к выходу.

Я пошел за ней, стараясь не смотреть на нее. Вся дорога до ее дома сопровождалась тишиной, но зато приятной. Наши головы были чем-то забиты, и честно говоря, у меня не было

желания знать, о чем конкретно думала Роза. В тот момент я думал о небе: уж слишком оно было красивым!

Дойдя до ее дома, Роза обернулась и посмотрела на меня с добротой в глазах. Что значил тот взгляд, я не особо понимал, и мне он вообще не понравился. Налитые добром глаза похожи на вранье, причем откровенное и явное, смысл или подоплека такого взгляда скорее всего была прямо противоположена реальности. Я улыбнулся и продолжил неотрывно пялиться на нее.

– До завтра... – тихо сказал я, впитывая в себя ночной образ девушки.

Она кивнула головой и плавной походкой пошла в дом, а я, как пенек, снова простоял у нее под окнами до середины ночи, представляя, что она делает в ту или иную секунду.

***

Вот так вот продолжалось на протяжении полутора месяцев. По утрам я ходил в университет, по вечерам стоял под окнами Розы. По утрам я ненавидел весь мир, особенно брата, по вечерам мне было наплевать на все, я мчался на долгожданную встречу. В наших отношениях мы значительно сблизились, я даже научился прикасаться к ней, при этом мною обуревало жуткое желание, но спустя какое-то время я научился его сдерживать. Именно поэтому я смело брал Розу за руку, когда мы гуляли. Мы гуляли с ней везде: в парках,

в лесах, по улицам и мостовым, по дворам, по подвалам, по стройкам. Нам было плевать, где находиться, главное, чтобы могли держаться за руки. Я смотрел на ее лицо – оно не менялось, только брови и задний фон. У меня все также бежали мурашки от ее прикосновений, и я стал почти зависим от них, научился получать удовольствие.

Роза больше не спрашивала меня о Люцифере, я и сам вспоминал о нем, будучи только дома или в университете. Пару, тройку раз мы с Розой прогуливали пары. К моему великому изумлению она согласилась легко и быстро. В университете она тщательно записывала все лекции, на коих присутствовала, а я в основном тщательно разглядывал ее – я не мог насмотреться. Я практически привык к ее черным бровям.

Лекции я слушал краем уха, но никогда не записывал, я просто не мог записывать тот бред. Меня все устраивало, но то, чему профессора пытались научить нас, не укладывалось в голове. Как оказалось, странные названия и содержания лекций не были розыгрышем для первокурсников. Я также не понимал, для чего в аудиториях поднимались такие жуткие темы.

Где-то под конец октября у меня был тяжелый день. Я помню его до сих пор. Мы с братом появились в университете к первой паре (вообще, я заметил, что по расписанию, практически каждый наш день начинался с первой пары, то есть с 9 утра). Та лекция была у нашего куратора – профессо-

ра Трокосто. Некоторые пары проходили смешено с 2А, а такие пары, как иностранный язык проходили отдельно, плюс группу делили еще на две: одна учила итальянский, вторая – немецкий. Я и Роза учили немецкий, брат – итальянский.

С профессором Трокосто мы встречались три раза в неделю и, честно говоря, эта рожа начала мне надоедать, а его лекции – тем более. Каждую пару он смотрел на нас с братом влюбленными глазами и глубоко вздыхал. И каждый раз, заметив наши изумленные выражения лиц, он говорил, что близнецы – это потрясающе и мы в этом убедимся в будущем.

В тот день он пришел и начал читать лекцию, которая потрясла меня до глубины души, потому что до этого он давал только кучи мудацких определений.

– Общие сведения по предмету закончены! – заявил он, окинув нас взглядом. – С этой лекции мы начинаем раздел, изучающий ложь, как уникальное качество человека. Вдумайтесь в это: уникальное качество человека! Ни у кого больше в мире такого качества нет, ни у животных, ни у рыб, ни у насекомых, ни у кого, только у человека. Только человек может орудовать ложью во всех своих деятельности и желаниях. Ложь, как вы уже заметили, – сильнейшее оружие, если вы умеете правильного его использовать. Если же нет, вы будете осмеяны и уличены во лжи. А это говорит о том, что вы допустили серьезную ошибку, а не о том, что врать – не хорошо. Никогда не надо бояться врать, вы

должны уметь это делать, чтобы выжить в обществе. Умение лгать – это идеальное качество, которое поможет вам жить легко и непринужденно. С этого урока у нас начинается теория практики лжи. Врать – не стыдно, это нужно. Что есть ложь? Это самая сильная вера. Врут все, начиная от высокопоставленных политиков (они врут, кстати, как боги лжи) и заканчивая детьми. Ложь слишком важна в нашей жизни. Вы посмотрите, что дети первым делом начинают говорить – мама, папа... я умею летать. Дети лгут, не останавливаясь и их надо поощрять за это, а не ругать и не делать выговоры, потому что им дальше жить. Не существует лжи, которая не несет в себе позитивные исходы. Если вы предпочитаете правду, то в результате жить будете только с ней и ни с чем больше, а ложь даст все – деньги, машину, дом, семью и все такое. Обычно девяносто восемь процентов населения делает выбор в пользу лжи. Лгать – это искусство, которому надо учиться не один день, одно из самых тяжелых и трудных искусств. Как девушка может хорошо прожить безо лжи? Им, кстати, лучшего всего, природа позаботилась об этом, наделив их хитростью. А как мужчина сможет прожить в достатке безо лжи? Как изменить своей девушке, прийти домой и остаться безнаказанным? Как спрятать деньги друг от друга, сказав, что их нет, и чтобы вам поверили? Ложь – это фундамент семьи...

У меня ползли брови наверх. Казалось, что я сплю, и мне все это снится, просто надо ущипнуть себя и проснуться.

Ложь – святое? Как такое могло случиться? Почему наша мать учила нас с братом другим вещам? Получается, весь мир живет и развешивает друг другу макаронные изделия на все выпирающие места. Настолько все обнаглели и заврались, что решили ввести эти предметы в университеты, готовя студентов к «идеальной» взрослой жизни. Совсем оскотинились! Нет, я не святой и не безгрешен, но то, что в том университете настоятельно рекомендовали делать – это закат цивилизации. Они просто избрали легкий путь выживания. Я не гоняюсь за тяжелыми путями, но строить свою жизнь на мерзких советах профессоров – ошибка, причем очень серьезная. Конечно, излишний героизм – сказать: у меня нет крутой тачки, я зарабатываю копейки, разгружая фургоны и вагоны, моя жена ходит, как бомж. Но я раньше и не задумывался, что крутизна строится на вранье, а получается, что это так! Все, у кого есть много всего, скорее всего добились не совсем честным путем, да скорее ни хрена не честным, а потом во всех газетах и по телику сочиняют трагичные истории тяжелого детства, безотцовщины и тому подобную чушь, а люди еще и верят. Профессор был прав! Весь мир врет. Но ведь это не лучший выход из хренового положения! Мне кажется, что правдой действительно можно было бы неплохих результатов добиться. Просто тогда бы все получали по заслугам, а не по крутому умению врать: чем лучше соврал, тем выше пост и зарплата.

Женщины, продажные твари, готовые продавать свои

никчемные тела за минимальную прибавку к такой же зарплате, при этом они отказывают симпатичным парням, потому что они не могут ничего дать. Но зато раздвигают ноги перед шефом, который похож на бородавочника, в лучшем случае. Потом они приходят домой, смотрят мужьям в глаза и врут, бесподобно врут! Сам Трокосто бы позавидовал им! Мужья не лучше: машины ломаются, на работе задержали, куда-то послали, проспал остановку – все это новые названия старых делишек, то есть они трахают малолетних дур за чупа-чупс, а женам рассказывают эти отговорки. А может быть, все знают, что все врут друг другу, просто всем плевать? Так же проще и лучше! Ведь так получается? Раз этот мудака с лысой головой рассказывает нам о том, как и кого обмануть, значит – это известный факт, приемы и правила! Значит, все знают! И всем насрать! Да здравствует святая ложь!

– Профессор! – обратился я к нему. – Скажите, а почему люди все время врут? Почему они так старательно избегают правды? Раз все знают о проделках друг друга, почему нельзя сказать то, что происходит на самом деле?

– Люцифер? – спросил Трокосто, заостряя на мне внимание.

– Нет, сэр. Гавриил. – Ответил я.

– Гавриил, так Гавриил. Правда, как таковая, несет в себе сильную эмоционально-душевную боль, психологические переживания, что, несомненно, является кинжалом для эгоизма и самолюбия. Поэтому правду предпочитают не заме-

чать. Если бы вам предложили взятку с приличным количеством нулей за то, что вы расскажите превосходную ложь, допустим в суде. Чтобы вы выбрали? Ведь лучше заучить пять слов и их порядок и на следующий день у вас будет две женщины, дорогая машина и так далее. Если же вы откажетесь, то останетесь никем, да еще и, возможно, с пулей во лбу. Видите ли, мистер Прей, не всегда у людей есть право выбора: врать или сказать правду. Люди, работающие с общественностью, врут идеально, и к тому же у них нет того самого выбора. Утром к ним пришли и сказали, что говорить, как и о ком. Именно поэтому я предлагаю вам здесь совершенствоваться в безграничном искусстве. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос!

К моему великому несчастью профессор был прав. Планета Земля вырастила на себе царство блох, которые будут скакать на какую угодно высоту и длину, лишь бы только выжить. По известным причинам эти блохи быстро размножаются и разбегаются повсеместно. И к еще большему сожалению, Земля позволила расплодиться антибиблейские чувства и эмоции. Несколько тысяч лет писались книги, выдумывались пророчества и проклятия, слагались мифы и легенды, чтобы удержать безнравственного человека от идиотских ошибок, не допустить, чтобы его сознание опустилось до уровня паразита блохи. Столько тысяч лет – все напрасно! Кто-то где-то обложался! И из-за этого я должен был сидеть и учить ту чушь, чтобы потом устроиться на работу хотя бы

со средней зарплатой.

Роза внимала каждому слову, звучавшему в аудитории, впитывала, как иссохшая почва влагу. А я очень боялся спрашивать ее: с какой целью она всасывает в себя эту влагу? Чтобы просто попить и забыть потом? Или... чтобы воспользоваться и выжить? В любом случае, у меня были причины для переживаний. После таких пар в университете я заметил, что у меня появился страх и недоверие. Мне казалось, что все хотят обмануть, разыграть меня чисто для практики по предмету Трокосто. Особенно я боялся шутливой шага Розы. Что же происходит, когда человеку говорят, что врать – это круто? Он начинает врать, а ты пытаешься понять, где то, что надо слушать, а где то, что не достойно оказаться даже на туалетной бумаге. И так как женщины всегда были хитрее, то после таких лекций, они вообще с ума сойдут от вселенского простора действий. Роза была почти женщиной. Еще несколько лет и из наивной, лопоухой девушки вырастет хитрая и коварная женщина. И именно в том университете девушек готовили к жизни настоящей женщины, а не к жизни добродушного тела с грудью.

Люциферу становилось все тяжелее, и я это видел. Каждый день ему давался с жуткими усилиями. Если бы ему надо было ходить в бар и пить ежедневно, то настроение у него было бы значительно лучше. Люц вообще после каждой пары жутко смеялся над очередной жизненно-важной темой лекции. Желание приходить в университет становилось более

дряблым и дряхлым, но пока он таскался.

С девушкой, Лилией, было покончено довольно скоро, после того как она переночевала у нас. Бестолковый мозг работал в странном русле: одна ночь – имя девушки сразу забывалось. Лилия была зла, это было можно заметить невооруженным глазом. Как только она окидывала Люца скольльзящим взглядом, ее лицо тут же становилось красным, а из ушей валил пар. Но все бы ничего, если бы брат уже не строил глаза очередной красавице. Конечно, Лилия поняла, что ее использовали, но как-то поздновато. У Люцифера на лице было написано, что в трусах у него вечно все чешется и он ищет разнообразие чесалки. С одной стороны, иногда у меня сердце сжималось, глядя на очередную расстроенную глупую барышню, а иногда я думал, что так им и надо!

Перед следующей парой, как обычно, я пошел на перекур. Розу я не ждал, так как она умудрялась слишком долго убирать тетрадь и ручку в сумку, а мне хотелось курить. Она не обижалась, просто спокойно приходила в курилку, а я уже к тому времени выкуривал по две сигареты.

Выйдя на улицу, я медленно побрел к мусорным бакам. В это время я почувствовал сильнейший удар в спину, от которого свалился на асфальт. В одно мгновение я ощутил другой удар ноги в районе почек, а за ним еще один, и еще. Пара пинков пришлась по лицу, точнее по носу, после чего я какое-то время наслаждался звездным небом, а следующий удар пришелся в солнечное сплетение, и я начал задыхаться,

забыв про бесподобное небо перед глазами из-за сломанного носа.

Я четко понимал, что метелит меня не один человек, но не очень понимал – за что? Я не успевал прикрываться и уворачиваться от ударов. Я только видел, как поднимается нога и влетает мне в бок, и слышал кучу мата, поддерживающие голоса, которые явно веселились.

– Эй! – я услышал единственный знакомый голос, и мне сразу же захотелось улыбнуться, что я, в общем-то, и сделал, за что сразу же получил по морде.

– Какого хера вы делаете? – прокричал голос, принадлежавший Розе.

– Свалила отсюда! – крикнул на нее какой-то мудака, который окучивал меня, как тятка грядку, – он заслужил это!

– Нет! – крикнула Роза. – Что он сделал?

– Он трахнул мою сестру, а на следующий день бросил ее!

– Это не он! – еще громче завизжала Роза, и я даже смог увидеть, как она дернула его за руку.

– А кто?! – гневно крикнул он.

– У него брат есть – близнец!

После этого слова вокруг меня ненадолго наступила тишина. Перестали мельтешить ноги и руки, затихли крики. Я аккуратно открыл глаз и посмотрел на обидчиков. Это были явно старшекурсники, четвертый или пятый. Их было четверо. Все они странно оглядывали друг друга. Роза все еще держала за руку несчастного брата использованной девуш-

ки. Я заметил, что парень расстроился, но не потому, что меня избил, а потому, что не того избил.

– Передай брату, что его ждет! – он плюнул, шмыгнул носом и ушел, видимо посчитав, что столь глубокие и смысловые слова сойдут за извинения.

Я посмотрел ему вслед, затем перевел взгляд на Розу. Она улыбалась и сидела рядом на карточках, протягивая мне салфетки. Я даже и не заметил, что все мое лицо было в крови, а нос все еще кровоточил. Именно в тот момент я почувствовал сильнейшую боль по всему телу. Во время драки хитрый мозг отключил нервные рецепторы, зато после включил и я ощутил все в троекратном размере.

– Встать сможешь? – спросила она.

Я даже, честно говоря, забыл, что валяюсь посреди дороги в курилку на асфальте, весь в грязи и пыли. С каждой минутой тело ныло сильнее и противнее, но я пытался подняться. Немного покряхтев, я сел на задницу и прикурил сигаретку. С кончика носа свалилась капля крови.

– Ну, сука... – прошептал я, улыбнувшись, и посмотрел вперед.

Роза приподняла брови и удивленно начала испепелять меня глазами.

– Кто? – переспросила она, видимо что-то приняв на свой счет.

– Кто же еще, как не мой братец! – буркнул я, вставая, кряхтя и охая.

Спустя пару минут я осознал, что мне то ли стыдно, то ли я стеснялся, что так резво выхватил пинков прямо на глазах почти всего университета, включая Розу. Ее мысли, о которых я предполагал, пугали меня больше всего.

– Ты думаешь, что я мерзость, а не мужик? – спросил я, опасаясь ответа.

Она улыбнулась и затянулась дымом.

– Конечно, нет! Их же было четверо, а ты – один! – Роза попыталась поддержать меня.

Естественно, не могла же она сказать прямо мне в глаза, что я жалкое чмо! Хотя нет, могла, но не стала.

– Пока я валялся в пыли от их ног, я кое-что понял! – я попытался улыбнуться.

Судя по всему – лицо было опухшим, глаза уж точно. Я не щурился, а мир видел сквозь две узкие щелки. По всему телу носились болевые атаки, которые я был обязан терпеть, хотя бы перед Розой.

– Что ты понял? – она посмотрела на меня с искусственной нежностью.

– То, что здесь почти гении выпускаются! – проямлил я, выплевывая кровь и рассматривая кровавый сигаретный фильтр. – Видимо, помимо того, что здесь учат всему «хорошему», тут еще и учат «правильному» поведению: напасть со спины, бить лежащего человека, сказать, что он мудака, потому что не виноват, ну и все такое! А что, очень вежливо и поучительно, так и надо!

Меня злило то, что все это произошло на глазах у Розы, то, что меня выставили слабаком и ничтожеством, которое не способно постоять не то, чтобы за свою девушку, а за самого себя. Она смотрела на меня с жалостью в глазах! Вот, черт возьми, чего я больше всего не хотел, так это чтобы девушка испытывала ко мне жалость, это паскудное чувство, которого достойны только животные.

– Не смотри на меня так! – вздохнув, сказал я и отвернулся от нее.

На дороге нарисовался мой брат, и в тот момент я почувствовал еще больше злости. Он шел, обнимая очередную дурку за талию, а на его лице лазила гнусная улыбка и я не смог сдержаться. Я подскочил и влепил ему кулаком по челюсти. Люцифер шлепнулся на зад и, округлив глаза, уставился на меня.

– Ты урод! – крикнул я и пошел в университет.

Его новая, одиночная пассия отскочила на газон и стояла там до тех пор, пока я не скрылся. Роза же, как сестра милосердия, бросилась помогать Люциферу. Мне захотелось плюнуть на них и исчезнуть, чтобы больше никогда не видеть ни одну, ни второго.

По счастливому стечению обстоятельств в коридоре я снова наткнулся на заступника использованной девушки. Он стоял ко мне спиной и оживленно рассказывал, как избивал меня со своими друзьями на улице.

– Эй! – крикнул я.

Он обернулся, и я тут же ударил его так, что он споткнулся, запутался в ногах и оказался на спине. Я хотел пройти мимо – ведь он уже лежал, но вспомнил, что меня ударили со спины и то, что я валялся на грязном асфальте – никого не останавливало. В результате я решил попинать его ногами, пока он корчится на полу. И так слишком большая честь, что я не треснул ему со спины, и к тому же я был один. Пока я метелил его ногами по почкам, вошел в раж: мне прямо не хотелось останавливаться. На какой-то миг я даже подумал, что испытываю забавные ощущения, когда ноги били тело. А то, что в тот момент на меня смотрел весь университет, включая только что подошедшую Розу, придавало мне кучу сил. Мне хотелось убить этого уродца, харкающего кровью у меня в ногах. Я бил и бил его, и мне казалось, что ничто в мире не смогло бы меня остановить, пока не прозвучал один единственный голос. Этот голос, отразившись эхом в моей голове, повторялся и истошно кричал, а вокруг него была сплошная тишина. Голос и тишина.

– Остановись, Гавриил! – Роза была шокирована, а мне было наплевать.

Я был рад, что она это увидела, полагая, что теперь я не выглядел в ее глазах, как половая тряпка. Я был рад, что смог показать ей, что во мне есть сила, нужная девушке, что я в состоянии ее защитить. Но когда я обернулся и увидел ее лицо, то понял, что мои мысли и доводы потерпели крах. В ее глазах было отвращение и призрачество. На лице отобража-

лось полное недовольство, да и вообще лицо стало похоже на страшную рожу.

Она подошла ко мне и посмотрела в глаза так, словно я убил Иисуса, а она его очень любила и верила.

– Ты ведешь себя, как мерзкое животное! – проскрипела она и ушла.

Я вытер лоб и посмотрел на еле дышащего старшекурсника, валяющегося у меня в ногах. Затем я окинул взглядом всех в округе. Студенты стояли с выпученными глазами и открытыми ртами, на их лицах были разные чувства и эмоции. Единственный человек, который стоял и улыбался – это был мой брат. И его мещанский оскал мне был не понятен.

Я развернулся и пошел к кабинету, где буквально через минуту должна была начаться пара. Роза стояла около дверей, крепко прижимая к себе сумку, взгляд застыл перед собой. Как только я попытался окликнуть ее, появился профессор, открыл дверь и впустил всех в аудиторию. Следуя уже традиции, Роза села около окна, я быстро подошел и сел рядом. Как только в классе прекратились все ерзанья и шепоты, профессор посмотрел на меня.

– Что с Вами? – спросил он, разглядывая мое лицо, прищурив глаза.

– Упал. – Буркнул я и снова уставился на Розу.

– По дороге к кабинету, я встретил еще одного, со старших курсов. Он, видимо, тоже упал? – навис профессор.

Я снова посмотрел на него – как же мне хотелось сказать,

чтобы он шел к черту и никогда не возвращался...

– Видимо. Не могу знать, сэр! – ответил я надменным тоном, всем своим видом показывая, что он меня достал.

– Быстро же Вы учитесь врать, мистер Прей! – сказал он и пошел к доске.

Этого мутанта на преподавательском месте звали Кретч и вел не менее мутантский предмет – «Сознательность человека». Предмет вещал о том, что человек делает сознательно, а что – нет, что ему надо делать сознательно, а что иногда свалить на состояние аффекта.

– Сегодня лекция посвящена обиде. Как вы уже знаете, обычно все эмоции формируются в голове, а потом, с позволения головного мозга, выходят, так сказать, наружу. Обида относится к категории эмоций и чувств. Как и все остальные, так сказать, порывы человеческого сознания, обида проявляется по-разному у мужчин и женщин. Видите ли, женщины, как они глупо полагают, имеют больше власти, и их обида резко отличается от мужской. Ну, об этом чуть позже. Значит так, пишите: обида – один из воздействующих путей что-либо заполучить или услышать. Мозг решает, что пора выводить обиду на, так сказать, поле боя, когда ему чего-то не достает, или он посчитал что, что-то было оскорблено. Оскорбления – очень интересная вещь. Наверное, вы уже могли заметить, что одного человека можно обозвать нехорошим словом и он ответить лишь морально или физически. Другой же человек ничего не ответит, а, так сказать, просто

обидется. То есть у каждого мозг решает по-разному, когда и на кого обидеться. У женской части он работает намного продуктивнее, так как женщине проще получить то, что она хочет с помощью обиды, нежели мужчине...

«*Мудак нудный*», подумал я и посмотрел на Розу: как всегда, тщательное записывание идиотской лекции, на меня она даже не смотрела. Обида?

– Роза! – позвал я ее.

Как я и ожидал, она сразу же сделала вид, что не слышит меня: ее лицо моментально перекосилось и она уставилась в одну точку прямо перед собой, на долбанные клеточки в тетради, продолжая игнорировать меня.

– Роза! – я произнес ее имя чуть громче, и не заметил, что вместо девушки на мой зов обернулся Кретч.

– Прей! – окрикнул он меня. – Я не мешаю?

– Нет, сэр! – честно ответил я и посмотрел ему в глаза.

Он сузил их и оскалился.

– Соблюдайте тишину, мистер Прей, не отвлекайте меня! – грозным голосом прошептал он и уставился на альбомные листы с лекцией, лежащие перед ним.

– Послушай, Роза! – снова обратился я к ней.

Наконец, девушка снизошла до меня и посмотрела в мою сторону.

– Что? – сухо ответила она, положив ручку в рот и принялась ее грызть.

Алые губы нежно обхватывали ручку, а белые зубы поку-

сывали колпачок, изредка показывался язык. Все мое мужское начало затряслось, страшно желая, чтобы в ее чудесном ротике была не грязная ручка, а кое-что другое. И это в процессе мелкой ссоры, ее обиды и во время лекции про обиду. Как не вовремя!

– Гавриил! – протянула она и помахала рукой перед моим лицом.

Я зажмурился и опустил глаза, чтобы чертова ручка во рту вышла из головы.

– В чем я провинился перед тобой, Роза? – спросил я, не поднимая глаз.

– Ты что, действительно ничего не понимаешь? Твой поступок просто омерзителен...

– Да какого хера, Роза? – во весь голос спросил я, и почему-то выхватил у нее ручку из рук и застыл.

– Выйдете вон! – профессор Кретч гаркнул на меня.

Я же смотрел на Розу, не шевелясь и жутко злился. Мне хотелось разбить морду скотскому профессору, схватить обиженную девушку и... поцеловать.

– Прей! – профессор снова крикнул на меня.

В аудитории послышался смешок, который, естественно, принадлежал моему брату.

– Я сказал: вон отсюда! – повторил профессор свою занимательную просьбу.

Я схватил сумку, встал, еще раз окинул Розу взглядом и выскочил из аудитории.

У меня было еще две пары помимо этих двух, но сидеть на них и смотреть на надутые губы Розы, настроения у меня не было. Я отправился домой. Люцифера ждать не стал – до дома где-то около часа пешком идти.

Я шел, курил сигарету за сигаретой и ненавидел тот день в целом. Неуместная чушь, которая так громоздко вошла в голову Розе, и этот факт сводил меня с ума. Что я сделал плохого? Я защищал свою честь! В конце концов, почему получить по шее – это круто, тебя жалеют, делают жертвой и все такое, а дать сдачи – «ведешь себя, как мерзкое животное»? Бестолковые девки! Что они знают о ребячестве и о наших проблемах, обязанностях и правах? Они ни фига не знают, только обижаться могут! Конечно, они никогда этого не поймут, не примут, как должное! Какая неслыханная честь, ведь только мужчины должны и только им! Я ненавидел ее в тот момент, искренне ненавидел. Она снова ждала от меня извинений. Но за что? Я не мог понять, и решил не приносить своих глубочайших извинений. А самый виноватый человек сидел и улыбался, как обычно, в общем-то – это мой брат. Странно, тогда я все-таки больше ненавидел Розу, чем его. В любом случае он бы меня понял и извинился.

Я зашел в дом, навалил полную тарелку еды и грохнулся на диван в гостиной. Передо мной стоял древний телевизор, но мне не хотелось смотреть эту помойку с прогнившими продуктами и антиквариатом, который никак не успокоится и продолжает лазить по сцене. И все это телевизионное дерь-

мо, видимо, тоже заканчивало подобный мерзкий университет, из-за которого мне опять надо извиняться...

Пока я думал об окружающей меня гнусности, не заметил, как уснул. Впервые, с момента начала учебы я провалился в сон, о котором мог только мечтать. Впервые я не назначил встречу Розе. Это был мой первый вечер, который я собирался провести, как раньше. К моему великому счастью все мерзкие переживания я проспал. Мне даже ни хера не снилось, видимо университетские гоблины сильно измучили меня своими дешевыми философиями такого же дешевого бытия.

Меня разбудил открывающийся замок и заманчивое гоготание брата. Он явно был не один, как всегда, везунчик чертов. На самом деле ему повезло вдвойне, потому что, пока я спал, ненависть и злость вышли из меня, и мне уже не так хотелось его убивать.

– Прошел психоз? – спросил он, выглядывая из-за двери.

Я посмотрел на него и кивнул головой. Я расстраивался потому, что начал понимать, что девушка, в которой я действительно нуждался в тот момент, была обижена и ее не было рядом. Зато был самодовольный ублюдок Люцифер с очередной шлюхой. Какая же все-таки замечательная штука эта жизнь: мой брат проживает и протрачивает свою молодость, а я получаю по морде за его шлюх. Завидная у меня была участь! Кому не предложи, все согласятся, только вот я мудака, не додумался предложить.

– Слушай, на самом деле я хотел извиниться! – сказал он и заскочил в комнату. – Тебя не должны были трогать. Порой я забываю, что мы близнецы и из-за моих оплошностей можешь пострадать ты. Но сегодня я гордился тобой, даже не думал, что ты можешь настолько озвереть! Это было круто! Знаешь, что мне больше всего нравится? Ты чуть голову не оторвал тому уроду, а к нам обоим будут бояться подходить, потому что лица одинаковые! В некотором роде ты обеспечил нам безопасность!

– Отвали! – улыбнулся я хвalebным дифирамбам брата.

Я-то отлично знал, что ему, по большому счету, насрать на нашу репутацию, он просто хотел хоть как-то поддержать меня.

– Слава Богу! – он тоже улыбнулся и расслабился. – Я уж думал, что придется просидеть с тобой полночи. Ладно, я отваливаю, но тебе мой совет – поднять свою задницу и сходить... ну, к себе в комнату, например! Пойдем, милая! – позвал он своего залетного ночного мотылька и скрылся из вида.

Его настоящий совет немного смутил меня, но решив, что хуже не будет и к тому же там, на кровати, спится значительно лучше и удобнее. Я отправился наверх, к себе в комнату.

– Привет... – раздался тихий голос.

Я, со скоростью света, включил свет и наткнулся взглядом на Розу. Она была слегка бледна, но на фоне ее волос блед-

ности было почти не видно. Оказывается, у нее были еще и бледноватые губы, и снова, еще накрашенные брови. Роза была печальной или отменно прикидывалась печальной.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, нахмурившись, убавляя освещение.

Нет, нельзя сказать, что я был не рад ее видеть, наоборот, даже очень рад, все было так волнительно. Понемногу тело опять начало вздрагивать: желанная девушка в моей комнате, около моей кровати, и она печальна. А ведь не секрет, что пьяные и печальные девушки намного быстрее соглашаются на секс, чем другие. Все было в моих руках. Похоть рвалась из ширинки и мне пришлось сесть, чтобы Роза ничего не заметила. К ужасу я обнаружил, что помимо того, что я безумно хотел овладеть ею, я еще и злился, сердился на нее.

– Я искала тебя в нашем баре, встретила Люцифера. Он был с какой-то девушкой и уже собирался уходить, а затем пригласил меня, зная, что ты дома...

– Роза, я не собираюсь извиняться...

– Я знаю, Гавриил! Я не для этого пришла! – опустил глаза, сказала она.

Тут я все понял, и оттого, что я понял, в венах, с каждой пятой секундой носились шаровые молнии. Они просто потрясающе вонзались в сердце и тазовую область. Я чувствовал это электричество...ток. Вот так безумие! Обычно мне не хотелось ощущать в своем теле ток, но не в тот раз. Я понимал, что мне надо подойти к ней и что-то сделать. Дьявол,

но меня парализовало. Ладони моментально вспотели, как будто под водой побывали, голова закружилась, а пальцы на ногах свело. Она так и стояла, опустив глаза, и ждала меня. Господи, сколько же мне понадобилось усилий, чтобы оторвать свою задницу от стула и, передвигая ногами, донести тело к ней. Женщины рожают проще, чем я переставлял ноги. Как только я оказался около нее, я понял, что роды, ноги, страхи, головные боли после алкоголя, рвоты, обмороки – все это фигня – самое страшное на тот момент для меня было – обнять ее. Я знал, чувствовал и понимал, зачем Роза появилась в моем доме! Зачем она стояла и играла в невинность с горящими глазами! Зачем она их прятала, скромно опуская голову, тем самым подманивая меня к себе! Я все знал, блин, но у меня не получалось ее обнять! Я, как пугало Франкенштейна, дергал пальцами на руках, чуть ли весь судорогами не покрывался, стоял и пошатывался. Наконец, заявив себе, что если я не начну действовать, то окажусь полным мудаком, и это будет окончательно и бесповоротно! Поэтому в полном отчаянии я схватил ее за талию, притянул к себе, в бреду, в утопическом забытьи нащупал ее губы и прикоснулся к ним...

Как-то раз я читал забавную книжечку, не помню, как называется, но суть была в рассказах людей, переживших клиническую смерть. В общем, по моему мнению, именно тот, описанный параноидальной бред приключился со мной, когда наши губы соприкоснулись. Я понял, что все эти бай-

ки стали такой чушью по сравнению с тем, что я испытывал. Яркий, как божественный, свет окружал и освещал нас. Мне даже показалось, что он поднимал нас вверх, как будто сраные пришельцы поднимали нас своими лучами на корабль. Да мне вообще было наплевать, что за субкультура окружала нас тогда, и окружала ли вообще, или это все было мое подсознание. Мне было наплевать на богов, на пришельцев, на дьявола и его друзей, для меня ничего больше не существовало, кроме света и губ, мягких губ Розы. Я могу смело сказать, что для меня тот поцелуй был поистине божественным, сказочным, наркотическим, нереальным, неземным, обескураживающим и адским! Тот первый поцелуй...

Когда ее маленькие руки начали расстегивать пуговицы и ширинку на моих штанах, а ее губы не отрывались от моих, внутри меня все ликовало, орало, рубило меня на части, и я наслаждался этим. Я чувствовал ее насквозь, сходил с ума, сжимал ее сильнее и сильнее. Мне казалось, что мои руки просто разорвут ее тельце. Роза была такая нежная, маленькая, чертова дюймовочка, лишала меня рассудка. Я не смог больше совладать с собой и накинулся на нее, срывая одежду, не переставая обнимать и целовать.

В какой-то момент Роза просто обмякла у меня в руках. Поначалу в ней было неизмеримое количество страсти, которую она выплескивала на меня ведрами. Но как только она прочувствовала всего меня, то видимо решила отдать все в мои руки, как девушки всегда и делают! Но я не растерялся

и мне, наверное, только этого знака и надо было, говорящего о том, что я свободен в своих действиях.

Как только мы оказались в кровати, я совсем обезумил. Каким чудом я не разорвал эту девушку, не знаю, но она снесла мне голову. А уж наши звуки, возможно, побеспокоили моего братишку и его одноразовый презерватив. Но мне было наплевать.

В тот момент, когда белоснежная головка уснула на моей руке, в моей кровати, я был самым счастливым человеком. Наконец-то я смог дотронуться до нее, почувствовать ее. Я был самым счастливым, потому что она была моей!

Почему все устроено в жизни не так, как та ночь? Как же я хотел, чтобы она никогда не заканчивалась. Хрен с солнцем и теплом, зачем мне все это, когда у меня на руке спал ангел, который давал мне свет и тепло? С ней я был готов хоть в ад лезть и жариться на сковородках, лишь бы только рядом. Внезапно я почувствовал к ней любовь, о которой мог говорить только Данте.

Роза спала, а я не мог... Я чувствовал себя мерзким слизняком, куском упавшего на асфальт мороженого. Пытаясь заставить себя уснуть, я думал о себе кучу гадостей, и ведь на то были причины. Ну что такого в сексе? Подумаешь, покувыркался с девчонкой, что теперь лежать, как джокер и улыбаться до утра? Роза спала, как убитая. В какой-то момент я подумал, что может, правда, убил ее. Но я чувствовал, как по коже бегал теплый воздух. Потихоньку я начал осозна-

вать, что вокруг нас все еще существует какая-то жизнь, что мы все-таки находимся на земле, что никакой дьявол не появлялся. Да черт его побери, это был просто секс! Но никакие доводы, факты, рассказы и всякая другая чушь мозгу не помогли. Тело никак не хотело успокаиваться, периодически подергивалось, вздрагивало, а по роже плавала идиотская улыбка, от которой я никак не мог отделаться.

Под утро я уснул, но ненадолго. Где-то через час-полтора я снова открыл глаза и поплелся вниз, на кухню. У меня был жуткий сушняк, словно я пил до этого. Хорошо, что голова не болела.

– Хо, хо, хо... Братец! – полушепот раздался за моей спиной.

Я улыбнулся и облился молоком. «Сын зари» проснулся и собирался в университет.

– Не начинай, Люц! – пробубнил я, стирая молоко с живота.

По каким-то причинам, моя половая жизнь для брата была чем-то удивительным, как захватывающий фильм-ужасов или брачные игры среди животных. Ведь для него секс – нечто обычное, как в туалет сходить. Я даже не совсем был уверен, получал ли он хоть какое-то удовольствие от этого или просто играл в терминатора. То есть меня он не очень понимал в этом плане. Как так, у меня то же самое, что и у него на роже и в штанах, а я не тащу к себе в постель всех подряд, как он? Я же не понимал его. Естественно наслушав-

шись звуков из моей комнаты, ему надо было обязательно поржать надо мной. Люцифер, по-моему, всю свою жизнь выказывал через смех и улыбку. Но после того, как я вылез из постели после долгожданного randevu с желанной девушкой, я любил даже Люца.

– Собирайся, через полчаса выходить! – забирая у меня пакет с молоком, Люцифер окинул меня взглядом.

Я был в одних штанах и то с расстегнутой пуговицей и ширинкой.

– Хорошо она тебя отделала!

– Чего? – не понял я, вытаращив глаза.

– Иди в зеркало посмотришь! – посоветовал брат, развернулся и ушел с молоком.

Я пожал плечами и направился в ванную комнату, к зеркалу. Разглядывая свое отражение, я не смог не улыбнуться. Роза изодрала мне все руки и лопатки своими чудными коготками. Так что, озверел той ночью не только я один. Я не помнил, когда она меня раздирала, честно говоря, даже не чувствовал. Я провел пальцем по одной из царапин и ощутил легкое пощипывание, словно после кошачьей царапки. Я не мог сказать, что это было приятным ощущением или мне как-то это нравилось, но я решил не думать об этом, а просто довольствоваться прошедшей ночью.

Я поднялся на второй этаж и поскреб пальцами по двери Люцифера. Через две секунды он выскочил, словно ошпаренный и, вытаращив на меня глаза, прошептал:

– Чего?

– Мы не поедem в университет, – решив за нас двоих с Розой, сказал я.

– Неужели ты думаешь, что расстроил меня этим заявлением? – все также, шепотом спросил Люцифер, улыбаясь, как хитрый засранец.

– Нет, идиот! Мне вообще по боку, что ты там думаешь! Я просто говорю тебе, что мы не поедem в сраный университет! – усмехаясь, ответил я и, смотря искоса на него, пошел в комнату.

Ангел все еще спал, нежно посапывая и сладко постанывая. Я сел на кровать и начал разглядывать ее. Ничего нового на ее лице я не обнаружил, но оно продолжало меня манить. Да какое к черту лицо, когда из-под одеяла виднелась обнаженная часть спины, шеи, плеч... Я так усердно воевал с собой, чтобы не начать приставать к ней.

Роза вздохнула и перевернулась на спину, скинув с себя одеяло. Я чуть не заплакал от желания, и, испугавшись за свои дальнейшие действия, подло сбежал на кухню, залез за стол и, трясясь, как осиновый лист, умолял свою похоть заткнуться.

– Ты что здесь делаешь? – в дверях снова появился Люцифер, только уже одетый.

– ... она голая... – проскулил я, сжимая пальцами столешницу.

Люц еле сдержался, чтобы не заржать. А я даже не мог

злиться на него – мозг был слишком занят желанием прикоснуться к Розе, и на издевки Люца у него не было времени.

– Так какого черта ты тут сидишь, а не с ней в кровати? – спросил он, наконец, более или менее успокоившись.

– Она спит...

– Ну и что? – удивился Люцифер, присаживаясь за стол. – Разбуди! Что так сложно?! Не знаешь, как это делается? Хочешь я дверью хлопну погромче?

– Нет, знаю все, просто не хочу ее будить... Пусть спит! – я ответил каким-то мечтательным голосом.

Лицо брата стало таким паскудным, глаза расширились, а губы превратились в тонкие, улыбающиеся нити.

– Что? Что у тебя с лицом?

– Ты влюбился! – брат вынес вердикт.

– Нет! – испуганно прошептал я и замотал головой. – Нет!

– Дурак ты глупый! – покачивая головой, сказал Люцифер. – Я же тебе говорил, чтобы не случилось, как бы она ни давала, какие бы песни не пела, никогда не влюбляйся! Твое счастье кончилось, брат.

– Ты чего несешь, Люц? – Возмутился я и еще интенсивнее замотал головой – Я не люблю ее!

– Гавриил, ты хоть себе-то не ври! На твоей роже все написано! Ты в глубоком анусе, мой ненаглядный брат. Влюбиться – это кара господа или дьявола или природы, я не знаю чья, но это точно кара! И поверь, ты скоро в этом убедишься! Лучше получить по морде за использованную шлю-

ху, чем шлюха ударит тебя в сердце и в душу! Подумай об этом, Гавриил. Я не хочу потом смотреть, как из-за твоей глупой башки, ты собираешь пазл из своего сердца, только черта-с-два ты его соберешь так же, как было до этого.

– Нет! – как попугай, я повторял одно и то же слово, понимая, что он прав.

Я действительно был влюблен в нее, но никакой неопи-сываемой опасности я не чувствовал от любви.

– Что ты говоришь? – прошептал я. – Люц, я счастлив! Я, черт возьми, никогда в жизни так еще не был счастлив! Это девушка – мое счастье! Ты не прав!

– Какой же ты дурак! – усмехнулся Люцифер, опуская голову. – Неужели ты думаешь, что после первого секса она сразу же станет херовой? После первого секса, Гавриил, они ловят нас в сети, которые ты хрен когда порвешь, пока они сами не захотят порвать их. Они потихоньку ослабляют на-тяжение, а ты, как обезумевшая рыбина, с отваливающейся чешуей, пытаешься вырваться.

– Замолчи, Люц, замолчи! Ну, с чего ты взял, что мои от-ношения должны именно так закончиться? Ты что? Ты же не предсказатель!

– Потому что, Гавриил, все твои отношения, то мизерное число, заканчивались именно так: ты влюблялся, тебя бро-сали, ты был жалок! Неужели ты думаешь, что эта девушка чем-то отличается от других? Такая же сука, которая выта-щит у тебя мозг и сердце и сожрет на твоих глазах, а ты бу-

дешь только рот беззвучно открывать! Прекращай это! Не надо быть предсказателем, чтобы догадаться, что произойдет между мужчиной и женщиной! У меня в кровати их было сотни и они одинаковые!

– Нет! – я начал злиться.

Какого хера он ровняет моего ангела с этим земными существами? Как он может сравнивать небеса и землю? Кто дал ему на это право? То, что Роза была несовершенна, я это и без него знал – она могла обидеться непонятно на что и зачем. Но какая к черту разница, на что и почему она обижается, прощение все равно мне просить! Люцифер не имел права так говорить! Я жаждал двинуть ему по лицу, но я не позволил себе этого сделать, старательно убеждая себя, что он не со зла сказал все те вещи.

– Люц, эти отношения – другие! Прекрати, не хочу больше говорить на эту тему, тем более с тобой! Тебе не пора?

– Гавриил, я не хотел тебя оскорблять или твою новую убийцу, я просто имею право на свое мнение, и мне хотелось бы, чтобы мой брат хоть раз послушался меня, чтобы я потом не вытаскивал тебя из дерьма, в пучину которого ты погрузишься с этой...! Давай, до вечера!

Люцифер улыбнулся злой, недовольной улыбкой и вышел из кухни, а через несколько секунд я услышал, как захлопнулась входная дверь. Я стукнул кулаком по столу. Люцифер причинял мне боль, говоря такие вещи. Вокруг меня вспыхивали два огня: один, желаемый мной, и второй – мой брат.

Я никогда не беспокоился об отношениях брата, наверное, потому, что знал, что его любовь – что-то неестественное, несуществующее. Чтобы получить любовь моего брата, надо было быть либо его братом, либо сестрой, но что это должна быть за женщина, я даже представить не мог.

Три года назад, когда мы находились в самом мерзком возрасте, когда мама всегда неправа и говорит чушь, когда гормоны закипают и срывают куш вместе с головой, когда нет страха не перед кем и не перед чем, Люцифер полюбил. Многие считают, что в переходном возрасте нет никакой на фиг любви – это долбанная обманщица-страсть, мерзкая развязность, желание доказать что-то, только кому на хер нужны эти доказательства? В любовь либо не верят, либо призирают, как мой брат. И у него были все основания так относиться к этому чувству.

Чертовка взбаламутила каждый его атом, умеющий чувствовать, полудурок сразу же превратился в джентльмена современности: он курил дорогие сигареты, на которые мы вместе с ним до 5 утра разгружали какой-нибудь транспорт; он пил и угощал, эдакий обольститель женских сердец. Мадам, в которую он влюбился, как я предполагал, сразу же показала ему, что их псевдо-союз обречен. Со стороны всегда виднее кто на что горазд, это свое даже приблизительное будущее никак не получается предвидеть, а чужое – без проблем, только слушать никто не хочет. Я никогда не говорил Люциферу, что думаю о его девушках – мои мысли касаются

только меня одного. Но и брат также ни разу не сказал мне, что был влюблен в ту девушку. Для него такие слова были равносильны убийству человека. Правда, как он ни старался строить из себя бесчувственную амфибию, из него вылезло кое-что другое: девчачья нежность. Конечно, Люцифер никогда не вел себя, так как я, и после своей неудачной любви ему показалось, что не существует никаких отношений, нет семьи, нет идиотской ячейки общества, есть только плотские утехы и надменный взгляд после. Как бы мы не ссорились с ним, как бы не ненавидели друг друга, но зла никто ни кому не желал, и Люцифер думал, что своим разговором убережет меня от фатальной ошибки, которую я не собирался совершать. Наоборот, я хотел и стремился показать ему, что он ошибается, что любовь к девушке может быть чем-то большим и серьезным, чем он привык видеть.

Я просидел на кухне часа полтора, пока не спустилась девушка, очередная брошенка Люцифера. Я мгновенно отключил мысли о брате и его предвзятом отношении к Розе, и внимательно, с долей некой жалости, посмотрел на девушку. Она улыбнулась, остановилась около стола и захлопала глазами, как будто взлететь захотела с помощью них. Я неотрывно смотрел на нее и, в какой-то момент мне захотелось улыбнуться, но я не стал этого делать. На ней было надето только нижнее белье. Волосы, средней длины, рассыпались по плечам, они были цвета сена, я бы сказал, пересушенного. На самом деле девушка была симпатична. Зеленые глаза

на фоне такого цвета волос, хоть и под ними была размазана тушь, я смог разглядеть силу их притягательности. К тому же, в них была жуткая страсть, море желания, в котором она старалась утопить меня, думая, что мое имя Люцифер!

Девушка оперлась руками на стол и, словно только что родившаяся змея, пошатываясь, выгнулась и уставилась на меня. Ее грудь коснулась столешницы, а спина прогнулась, выпячивая круглую задницу, от вида которой, по-видимому, я должен был сойти с ума. Она постоянно демонстрировала свой язычок, то выворачивая его в разные стороны, то облизывая губы, и все время извивалась. Получалось хорошо и немного забавно. Пока я молча наблюдал представление раненого павлина, в моем теле не вздрогнула ни одна мышца, я был почти равнодушен к ней. Мне не хотелось ее, и наконец, когда мне наскучило наблюдать стриптиз, я встал и подошел к ней, разглядывая ее лицо с долей сарказма.

– Доброе утро! Меня зовут Гавриил! – представился я.

Ее глаза округлились, в них пропала вся страсть, а вместо нее появилась неловкость и обиженное смущение. Руки интуитивно поползли прикрывать грудь, которая и так была прикрыта лифчиком, была бы не прикрыта, танец кобры был бы значительно интереснее. Я видел, что ей стало очень стыдно и в то же время она не могла понять, почему я раньше не сообщил ей свое имя.

Я улыбнулся, еще раз взглянул на нее и вышел из кухни, тихо посмеиваясь над совиным лицом. Какая ей разница,

Гавриил или Люцифер? Рожи-то одинаковые, да и не только рожи, физика тоже не знала отличий. Я даже был уверен, что если бы я залез к ней в постель, она бы не заметила разницы.

Из-за закрытых темных штор в комнате стоял серо-голубой мрак, в котором Роза, как идеально слепленная статуя, наслаждалась сном. Я остановился, тихо закрыл за собой дверь и опустил глаза. В тот момент Роза больше всего мне напоминала ангела. В голубом и грязном освящении она была покрыта таким же цветом, он придавал ей еще больше нежности и мягкости. Мне так захотелось взять ластик и стереть эту наигранную часть искусства. Я не хотел отказываться от реальности, постоянно шепча в голове, что она — не ангел. Я был влюблен, но пока еще не любил и я даже не знал, что делать дальше: мне хотелось спать, но я боялся ложиться, боялся разбудить ее. Я тихо стоял и проклинал свою слабость. Мое существование в тот момент было для меня ничтожно жалким. Поиметь то, что хотел, а потом трястись над этим в боязни причинить какой-либо дискомфорт.

***

Середина декабря. Это было время, когда доблестные профессора начинали пугать нас «хвостами» и «недопусками».

У меня было пару «хвостов» у мистера Кретча, по его несносному предмету: я должен был сдать пару контроль-

ных, которые завалил на семинарах.

Еще один долг я схватил у Лафортаньяны. Кстати, мерзкая стерва гнобила всю группу. Ребята с опаской подшучивали над ней в курилке, говоря, что она злая, как собака только потому, что у нее мужика нет. Тогда я не очень понимал, какую связь между собой имеет секс и злость, но поржать любил с ними.

Еще один долг я получил у нашего куратора – Трокосто. Полу-лысый уродец выгнал меня с семинара и поставил «неуд». Я считал, что четыре «хвоста» – это совсем не страшно, это считай – ничего.

У Люца, как ни странно, было лучше, чем у меня – все два долга и оба у Трокосто.

Куратор нас просто обожал и делал постоянные поблажки, что, несомненно, бесило всю группу, ибо у всех остальных было как минимум по четыре долга у него одного. Я бы сказал, что профессор начал жутко лютовать, как только закончились лекции и начались херовы семинары. Одичавший профессор чуть ли не спрашивал, какую бровь он приподнимал вверх, когда рассказывал о стратегии лжи. И если кто-то не знал, какой бровью дернул этот негодяй, то этот «кто-то» мгновенно одаривался издевательской улыбкой и парашей в журнале. Я даже не хочу говорить о том, что случилось с горемыкой, который забыл что-то по предмету. Это было хуже смертного приговора.

Поэтому, увидев в расписании «Учение о лжи (семинар)»

студенты долго ругались матом, отменяя все планы на вечер и перлись учить всю ту херню, которую Трокосто вещал нам в течение семестра.

Люц замечательно справлялся с ролью студента-разгильдяя. Он умудрялся цеплять девок, трахаться и пить по ночам, а утром рассказывать Трокосто о том, где надо правильно врать. Мой братец научился совмещать столь ответственную учебу и загулы. Я, честно говоря, удивлялся ему не меньше, чем он сам удивлялся себе. Еще, между усердной учебой и разгильдяйством он успевал драться с братьями брошенок, их парнями, и пару раз даже с отцами. Иногда он получал как следует, что потом пару дней лежал в лежку, а иногда получали его соперники. Во время всей увеселительной жизни брат еще и подрабатывал. Одним словом, Люцифер вел нормальную, студенческую жизнь. Он делал так, чтобы было что запомнить, я, в общем-то, не возражал. Правда, иногда он странно посматривал на Розу.

Роза. Роза. Роза. Конечно, даже не обсуждается – у нее не было ни одного «хвоста», ни одной проблемы. Днем – девочка-ангел, а ночью – дьявольская проститутка в моей постели, сводящая меня с ума, доводящая до дрожи в коленях, до озноба, оглушающая Люцифера своими криками.

Она тоже вела потрясающий образ жизни, настоящей, студенческой жизни, девочка-студентка, девочка-огонь...Моя девочка. Все знали, что мы встречаемся и никто не осмеливался смотреть на нее, как на объект сексуальных фантазий.

Но взгляд Люцифера я не мог расшифровать. Ко всему прочему она сама улыбалась брату, но я старался быть спокойным. Твою мать! Я говорил сам себе, что я уверен в ней. Но я видел ее улыбку, посвященную брату. Она была дерзкая и хамская, мол, «смотри, кто ходит рядом с тобой, но хер когда тебе это достанется»!

Люцифер особенно любил сталкиваться с ней по утрам в ванной, когда Роза была в одном нижнем белье или в моей майке. Ванна-то у нас одна на двоих на втором этаже. Услышав звук в ванной комнате, Люц мгновенно вскакивал и бежал туда и естественно натыкался на Розу, которая чистила зубы, специально выпуская белую пенистую массу изо рта. Затем она оборачивалась к вбежавшему Люцу и эротично слизывала пену языком, сплевывала, здоровалась и уходила. Братишка стоял и держался за шорты или трусы руками и чуть ли не выл, а я смеялся над ним.

Между Розой и Люцифером порой складывались не совсем добродушные отношения. Роза постоянно говорила, что мой брат мудака и козел, что над ним можно только смеяться. Люцифер же, как чертово отродье, нашептывал мне на ухо, что Роза стерва, каких поискать мало, и чтобы я держал с ней ухо остро. Мне ничего не оставалось, как только им обоим говорить «хорошо» и улыбаться.

Я любил Розу... Я любил брата. Я не мог ни кому из них уступить, а они рвали меня на две части. Только вот я не понимал, на кой хер им нужны были половинки меня? По-

чему они не могли довольствоваться мною целым? Порой я уставал слушать предостережения и оскорбления, иногда срывался и орал...на брата, на Розу – никогда. Это всегда был Люцифер. Один раз я даже дал ему по лицу за то, что он оскорблял ее. Мне это не понравилось. Я не мог позволить ему говорить о ней плохо, мои возражения он не слушал, зато кулак увидел и почувствовал. Конечно, он все равно продолжил говорить, что отношения с Розой до добра не доведут, но хотя бы уже воздержался от оскорблений. Он обижался на меня, выпивши, называл меня предателем и подкаблучником. Но после драки он никогда больше не обзывал Розу. Люц смотрел на нее странным взглядом: с одной стороны его глаза были наполнены ненавистью, а с другой – страстью. Но в моем присутствии он хорошо шифровался и скрывал такой взгляд. Порой мне казалось, что он сам в нее влюбился и специально подстрекает и настраивает меня против Розы, но я не поддавался.

Но как бы Роза не говорила и не обзывала моего брата, я только улыбался и смотрел в пол. Я ничего ей не говорил...я боялся говорить ей что-либо. Жалкий трус, я боялся потерять ее. Тем более я считал, что Роза права, говоря, что Люцифер – мудака. Он же на самом деле был мудаком, и я не мог обижаться на свою девушку за правду.

В университете мы никогда не показывали то, что происходит между нами троими. Роза, как обычно, мерзко красила брови, сидела и послушно строчила сволочные лекции.

Люцифер, по-моему, уже перетрахал весь университет и целеустремленно продолжал доделывать свои скверные делашки.

В курилке Роза и Люц обменивались любезностями и улыбками, иногда даже угощали друг друга сигаретами и спрашивали «как дела». Я настраивал себя на то, что просто не надо обращать внимание на их разборки и все само уладится.

Самая муторная гадость для Люцифера было то, что мы с Розой жили вместе в нашем с братом доме. Мы втроем и иногда забредшие шлюхи Люца. Опять же, дома брат только любовался ее телом по утрам в ванной, а днем они старались не замечать друг друга. Но видимо учеба в фаршмачном заведении сказывалась, так как за столом они могли сидеть и улыбаться друг другу, словно были давними друзьями.

По вечерам я брал нам пива и сидел, смотрел, как Роза учит чуть ли не наизусть охи и вздохи Лафортаньяны, сумасшедшие лекции Рэйта, и злостные слова Рене. Я подпирал голову рукой и внимательно наблюдал за ней, как она хмурит брови, читая очередную лекцию, иногда улыбается, а иногда ее глаза слипались, но она настойчиво продолжала сидеть и зубрить. Она ни разу не возмутилась тем, что у нее написано в тетрадке. Я не мог понять – почему? Почему она так безразлично относилась к тому, чему нас учили? Неужели ей было действительно наплевать?

Со временем я перестал задаваться вопросами. В конце

концов, ее голова и мозги, почему я должен лезть в них?

В один день я шел по коридору и, увидев впереди виляющую пятую точку Лафортаньяны, почему-то решил, что самое время узнать, как избавиться от жуткого «хвоста» перед сессией.

– Профессор! – заорал я, как раненый и тут же подумал, что она просто препаскудная сука!

Я крикнул так громко, что на мой голос обернулись все, кто бы в коридоре, кроме этой твари, которая была ближе всех ко мне. Перед моим лицом все также продолжал вилять зад в обтягивающей юбке до колен. Кончики ее ушей поползли вверх, отчего я сделал вывод, что эта мегера еще и улыбается.

– Профессор! – я позвал снова.

Все повторилось. То же самое – все оборачиваются, мадам игнорирует. Ее высочество обернулось только после того, как я позвал еще пару раз.

– Вы меня зовете? – спросила она тонким голосом и захлопала глазами.

«Нет, я просто так тут бегаю и ору. Мне надоело смотреть на твою задницу, поэтому я позвал», это все, что было у меня на уме. Но я промолчал и кивнул головой. Лафортаньяна улыбнулась и с пафосным лицом скрестила руки на груди.

– Ну что ж, мистер Прей, я слушаю Вас! – она мгновенно сделала вид, что ничего не понимает, с чего бы это посреди перемены ее беспокоят студенты за две недели до начала

сессии.

– У меня один долг по Вашему предмету! – сообщил я ей.

– Ну и что Вы хотите мне предложить? – она удивилась еще больше.

– На самом деле ничего! Я подумывал о том, как бы избавиться от него. Вот, встретил Вас, решил, что Вы поможете мне, ибо долг имеет непосредственную связь с Вами, профессор! Что мне надо сделать, чтобы со спокойной душой прийти к Вам на экзамен на зимней сессии?

Лафортаньяна улыбнулась и приподняла глаза к потолку и, как медведь в спячке, задумалась. Уже около двух минут я стоял около нее и пытался угадать, о чем думала эта зараза. Краем глаза я заметил, что с боку, в двух метрах от меня стояла Роза, а над ней нависал Люцифер и с улыбкой что-то рассказывал.

– Значит так, мистер Прей! Напомните мне тему, по которой Вы получили долг? – профессор ожидающе посмотрела на меня.

– Эээ... – протянул я, тщательно выискивая в черепе чертову тему и тут меня осенило. – Тема: «Город и человек. Начало». По остальным частям у меня стоят оценки.

– «Начало» значит, да? – профессор разговаривала сама с собой. – Мистер Прей, мы встречаемся с Вами послезавтра. Подготовьте доклад на эту тему, перепишите лекцию и выступите с докладом. Кстати, это будет Ваш первый и последний шанс сдать долг. Если Вы не явитесь или явитесь, но по

каким-либо причинам не готовым, то я больше не обернусь на Ваш крик!

Лафортаньяна пошла вперед, а я окинул ее взглядом, возненавидел и пошел к Розе, которая так мило разговаривала с муذاком, моим братом. Люцифер стоял в двух сантиметрах от нее и постоянно улыбался, разглядывая ее. Веки с черными ресницами двигались с сумасшедшей скоростью. Он прищурил глаза и неотрывно смотрел на Розу. Она же, обняв учебники, приподняла голову и смотрела на Люца. Мне казалось, что он вот-вот поцелует ее, меня аж передернуло внутри. Я ускорил шаг, буквально подбежал и крепко обнял ее, и с некой агрессией уставился на брата, говоря ему глазами, чтобы он свалил. Но он не собирался сваливать, как назло стоял и лыбился.

– Ну что? – спросил он игриво. – Как прошла процедура моления о пересдаче долга? Мисс «Всевышняя» снизошла до тебя?

Я посмотрел на него исподлобья и усмехнулся. Вот уродец! У братца было любимое хобби – провоцировать и выводить меня из себя, но только в университете, желательно в присутствии женской части. Я перевел взгляд на светлую макушку Розы.

– Пойдем, покурим? – спросил я и поцеловал ее в губы.

Роза улыбнулась и игриво посмотрела на Люцифера.

– Мы уже покурили! – она посмотрела на меня невинными глазами.

Вот тут-то я и смутился. Раньше звучало «я покурила» неважно с кем она была, а в этот раз «мы». «Мы» мне не хрено не понравилось и первое, что мне захотелось, так это звезду Люцу по зубам и обидеться на Розу. Затем я подумал, что брежу, мне все мерещится, на самом деле все нормально. Поэтому я просто пожал плечами и потащил Розу в кабинет, на пару к «Кальмару». «Кальмар» – это профессор Флер. Из-за того, что форма его головы похожа на кальмара, а борода – как щупальца, сразу же после первой лекции он был прозван «Кальмаром». Этот моллюск вел «Литературу».

Когда я впервые пришел к нему на лекцию и он сообщил, что ведет литературу, то я прям хотел встать и поцеловать его в яйцевидную голову. Я обрадовался, что мы почитаем великих мировых классиков, их биографии и все такое. Но «Кальмар» вел немножко не такую литературу. Он категорически запрещал читать классику и все время подыскивал какую-то тошнотворную литературу и естественно требовал читать ее. Это были ширпотребные книжечки, тонкие и безвкусные. Один раз я прочел какую-то чушь, которую он сказал прочитать. Я плевался и чуть ли не облевался, и больше не прикасался к книгам по его настоятельным советам. Роза читала эти бредни, а потом, по дороге в университет, рассказывала мне и братцу заодно, о чем та или иная брошюркообразная книженция.

Но в его предмете было больше жизни, потому что на семинарах мы обсуждали прочитанную книгу и «Кальмар»

всегда радовался, когда студенты высказывали свои мнения, спорили друг с другом, чуть ли не до драки. Чтобы студент не сказал, «Кальмар» всегда уважительно относился к сказанному.

Мы отправились на пару, обнимаясь, Люцифер тащился сзади. Я уже не боялся дотронуться до Розы. Забавно, но она утратила свою хрустальность после первого секса. Конечно, она все еще оставалась значимой и все такое, но я уже мог свободно дотронуться до нее, и делал это, когда хотел. И каждый раз, когда я до нее дотрагивался, у меня сразу же возникало желание забрать ее домой и оказаться в постели.

Рассевшись за партами, я достал бумагу и занялся своим привычным делом – рисованием. Порой у меня неплохо получалось, особенно карикатуры на плебейских профессоров, особенно на «Кальмара» с его простецкой формой головы. Вот я сидел и рисовал, пока профессор спрашивал наугад кого-то о том, чем закончилась очередная фигня.

– О чем ты говорила с Люцом? – я спросил Розу шепотом, проводя изящную линию на бумаге.

Затем я скосил глаза на девушку. Она, с хитрой улыбкой, молча смотрела в свою тетрадь. Только на той паре я заметил, что у нее тоже прекрасный талант к рисованию. Но хрен с этим рисованием, я не мог понять, что за улыбка блуждала по ее лицу.

– О погоде! – наконец, она соизволила ответить и улыбнулась еще шире.

И почему же каждая особь женского пола непременно пыталась сделать из меня дурака? Может, я похож? Тогда почему из брата не делали? Я ведь на него тоже был похож, но он трахался, его любили, а я – дурак?

– И как погода? – спросил я, но решил не смотреть на нее.

В такие моменты она раздражала меня. Мне бесило, что она так вела себя и не говорила, что является причиной весьма паршивого поведения. Спрашивать Люцифера – я бы не хотел, потому что этот упырь сразу возомнит много чего и найдет лишний повод поскалиться. Мне хватало того, что Роза делает из меня дерево.

– Завтра будет холоднее! – ответила она и я, черт возьми, я прям слышал, как она улыбнулась!

Она наслаждалась до жути забавной ситуацией, в то время как я гневно орудовал карандашом и заметил, что за рисунок у меня получился. Роза, цветок, только по нему словно грузовик проехался, растение было мятым и у него не было ни одного шипа. Такие цветы обычно на помойках лежат, а у меня – на бумаге.

– Это печально! – сказал я и на мое счастье прозвенел звонок.

Я взял свой листок с нарисованным шедевром и вылетел из класса, не посмотрев ни на одного, ни на вторую. Я ненавидел их обоих. Брат становился моим врагом, не понятно для чего, зачем ему это надо было? А Роза? Почему, как только переспишь с девушкой, она сразу же меняется, при-

чем ни хрена не в лучшую сторону, а ты любишь ее еще больше, боишься потерять ее?... Начинаешь любить ее настолько сильно, что хочется удавить эту суку за один косой взгляд на другого, пусть даже этот другой будет родным братом. Я представлял, как я ее четвертую, а наяву проходил мимо с понурым видом и молча переживал, думая, что будет дальше.

В курилке Роза молчала. Я ни о чем ее не спрашивал, чтобы не давать новый повод для насмешек надо мной. Люцифер стоял недалеко и мило общался с девушкой, которую трахнул пару недель назад. Они расстались полюбовно.

Я молча докурил сигарету, посмотрел на Розу и пошел в университет. У нас была последняя пара у профессора Алогэ. Она вела предмет «Соцячейки», все время грозилась, что во втором семестре нас разделят: ребята с ребятами, а девчонки с девчонками. На тот момент я не мог себе представить, как смогу высидеть пару в кабинете, где нет Розы. Мне казалось, что это ужасная затея, но я ничего не мог поделать с этим.

Когда я подошел к кабинету, Алогэ была уже там, некоторые студенты – тоже. Алогэ – вот символ красоты и женственности. На ее парах всегда была куча народу потому, что «Соцячейки» подразумевали под собой отношения между двух полов с точки зрения любви. Это была единственная пара, где вся мужская часть сидела на первых партах. А сама Алогэ была просто восхитительна. Если бы я, как мудака, не

был бы влюблен в Розу, то сидел бы в первых рядах и пускал слюни, как делали все остальные ребята, включая моего брата.

Профессору было около тридцати лет, у нее была умопомрачительная фигура, лицо необыкновенной красоты и характер гадюки. Но как я мог заметить, всем было насрать на ее характер, особенно ребятам.

Я вошел в кабинет, поздоровался с мисс «Секс» и пошел на последнюю парту, подальше от любимого места Розы и брата. И вот, когда она, наконец, вошла в аудиторию и увидела, что я сижу на галерке, даже не в том ряду, в котором сидела она, улыбка исчезла с ее лица, зато на моем появилась. Люцифер, который шел за ней следом, вообще забыл, где находится и ругнулся матом, увидев пуговичку, которая соединяла тонкую блузу на упругом бюсте профессорши, за что был чуть не выгнан.

В тот день у нас был семинар. Семинар – это потрясающая вещь. Пара, где можно говорить в один голос с профессором и с другими студентами, и за это никто не выгонит и не скажет, что ты – сукин кот, который не знает правил приличия и ворует общак со стола.

Последняя тема была о знакомстве, а на том семинаре мы отрабатывали тему «Свидания». Вообще, тематики лекций Алогэ были весьма забавны и рассказывала она интересно, только как-то феменистично, но девчонкам нравилось, а ребятам было пофиг – пуговичка на груди выключала головы

мужской части аудитории. Пару назад Роза выключила мне голову своим поведением.

– Здравствуйте! – профессор поздоровалась после того, как прозвенел звонок. – Что такие усталые? Пар много было?

Алогэ общалась с нами примерно наравне. Она не возводила себя в ранг святых стезей профессоров. Она могла посмеяться от всего сердца, пошутить, но к своему предмету требовала должного уважения, и если она его не видела, то сразу же превращалась в болотную мразь и атмосфера в аудитории менялась.

Студенты отвечали ей что-то, все улыбались. Я же беспрерывно смотрел на Розу, точнее на ее спину. Роза ни разу не посмотрела на меня. Надо быть полным кретином, чтобы не понять, что дама обиделась. Дама обиделась на то, что мило беседовала с моим братом, а я, ублюдок четвероногий, осмелился спросить, о чем Ее Высочество разговаривало! Я даже не знал прискорбно это или нет, быть мужиком и постоянно извиняться за всякую херню... Я просто понял, что делают милые девушки.

В начале, они околдовывают так, что крыша едет, жизнь без них смысла больше не имеет. Стоять под ее балконом – да это самое безобидное и ничтожное, что ты можешь сделать.

Далее девушки слегка играют типа в «йо-йо»: от себя – к себе, от себя – к себе, а ты, как говно в прорубе, болтаешься и болтаешься и рано или поздно она позволит тебе при-

швартоваться у ее берегов.

Дальше самый страшный и подлый ход, он настолько мерзок и низок, но не один здравомыслящий мужик не сможет отказаться от него. Желанная сука все-таки раздвигает ноги перед тобою, и ты – бесхребетный червяк на крючке. Именно этими ногами и тем, что находится между ними, девушки лишают самоуважения, самопонимания и превращают в раздавленный под ее каблуком грош.

Самый первый секс – самый мощный инструмент девушки! Все! После этого ты вечно должен ей: должен любить, должен денег, должен молчать и говорить, когда она захочет, должен всегда просить прощения! И если ты чего-то не делаешь из того, что должен, ты становишься непростительной ошибкой, которую она допустила, позволив тебе подойти к ней ближе, чем на полметра. За это, кстати, ты тоже должен извиниться!

– Кто из вас Гавриил? – Алогэ смотрела то на меня, то на брата с таким видом, будто тухлой рыбой пахло.

– Я – поднялся я из-за парты и еле отвел глаза от Розы.

– Скажите, пожалуйста, чтобы Вы преподнесли девушке на первом свидании и почему?

Я улыбнулся и опустил голову. Стоило предположить, что ответ на этот вопрос когда-то звучал на какой-то лекции, которую я, естественно, не слушал, и тем более не записывал. Я подумал и представил, чтобы сам сделал на первом свидании.

– Я бы ничего принес! – сказал я и посмотрел на Розу.

Она сидела вполоборота и смотрела на меня. Ей было интереснее узнать ответ, чем Алогэ.

– Что ж, это, конечно, не то, что я хочу услышать, но если вы хорошо обоснуете свой ответ, то я поставлю вам оценку за сегодняшний семинар!

– Ну, обычно на первое свидание мужчина несет цветы! – почему-то сказал я и заискивающе посмотрел на Розу. – В моем случае – я категорически против цветов!

– Почему же? – спросила профессор и положила карандаш в рот, и от этого жеста весь передний ряд судорожно сглотнул.

– Потому, что несчастный букет стоит мало. А цветы оказываются на свидании с тем расчетом, что девушка...ну...зайдет в гости и останется на ночь, то есть согласится заняться сексом. Получается, что она была оценена в стоимость завтрака в кафе и букета цветов. Я не думаю, что ей это понравится... Еще честнее, то мне цветы жалко. Представьте себе, огромное поле, луг, на нем растет куча цветов, всяких разных цветов. Но давайте представим, что там находятся два цветка: мальчик и девочка. Ни для кого же не секрет, как размножаются цветы. Так вот, профессор Алогэ, каковы шансы, что несчастная пчела подлетит именно к первому цветку, заберет его пестики на лапках и потом отправится ко второму цветку – оплодотворять его тычинки? Это самый ужасный половой акт, о котором я когда-либо слышал! Бед-

ные цветы ждут своих пчел с лапками и пестиками и тычинками, а потом приходит, такой вот, ну допустим, как я, срысывает цветок, который появился благодаря взаимодействию пестика и тычинки, и тащит его к своей даме сердца, чтобы после свидания они смогли соединить свои пестики и тычинки! Я хотел бы внимание на очевидный факт – цветам очень тяжело размножаться, должно сойтись слишком много сопутствующих факторов, чтобы у них что-то получилось... Люди и без цветов могут заняться сексом! Наши тычинки и пестики не требуют вмешательств ветра и пчел! На первом свидании я бы угостил побольше!

В аудитории была идеальная тишина и я понял, что то, что я сказал, не имеет ничего общего с тем, что говорила Алогэ на лекции. На тот момент меня волновал взгляд Розы. Я никак не мог понять его: то ли она ненавидела меня, то ли ей понравилось, то ли ей было наплевать. Но одно меня точно радовало – она смотрела на меня, значит, я привлек внимание обиженной леди!

– Что ж, мистер Прей! Мне нравится ваш ответ, но это троечный ответ! Если вы хотя бы перед семинаром заглянули в тетрадь, то смогли бы найти там ответ и получить высокую оценку. Та-ак! Мистер Нэтл? Тот же самый вопрос вам!

Я сел, не спуская глаз с Розы, но как только Нэтл поднялся, она тут же отвернулась от меня и также загадочно уставилась на него. Ее не интересовал я или Нэтл, ее интересовали наши ответы. Я так расстроился, мне стало обидно, что

из-за фигни наши отношения выглядели вот так вот мерзко. Неужели ей тяжело было сказать правду? Или я опять должен был считать себя мудаком, потому что спросил ее не с той интонацией.

Как только прозвенел звонок, я вышел из кабинета и побрел домой. Я даже не переживал за Розу, так как знал, что Люцифер отвезет ее домой, да и к тому же у них появится уникальный шанс еще раз поговорить о погоде, при этом не раздражая меня.

Всю дорогу до дома я шел и пытался осознать всю гадость своего положения, нелепость и очередную чушь. Почему, как только начинаешь чувствовать, сразу же находится кто-то, кто начинает какать на твои чувства? Еще хуже, когда двое какают на одно чувство.

Люцифер прекрасно знал, что я нервничаю, когда он просто мимо нее проходит на близком расстоянии. Ну, ладно, черт с ним, у него цель в жизни – достать меня, убить все мои нервные клетки, издеваться надо мной. Но Роза-то? Какую цель преследовала она? Порой я поражался собственным мыслям.

Я закурил и остановился. По правую руку я увидел бар, который словно манил меня зайти. Ну, конечно, я не смог отказать ему. Вообще, я человек сам по себе безотказный, особенно излить душу стакану.

Солгав о своем возрасте и о забытых документах, я все-таки убедил охранника пропустить меня. Внутри было до-

статочно просторно и к моему счастью не оченьлюдно. В тот момент я просто ненавидел людей, они порядком мне надоели, особенно университетские рожи.

Я взял самое дешевое пиво и уселся за стол с грустной рожей.

Когда мне бывало грустно и я садился за стол, мне нравилось рассматривать столешницу. Я просто не мог оторвать от нее взгляд. Та столешница была белая, точнее даже бежевая с коричневыми вкраплениями, создавая эффект кофейного цвета, только с примесью молока. И вот какое-то время я смотрел на коричневые мазки, на то, как интересно они въедались в бежевый цвет. Потом мне надоело это нудное занятие.

Мысли о Розе я упорно блокировал, а кто такой Люцифер – на тот момент я даже не знал, и знать не хотел. Затем я поднял глаза и наткнулся на девушку, которая также сидела с самым дешевым пивом и разглядывала столешницу. Я обрадовался: значит, не только они могут нас обижать, но и мы их! Ее лицо было значительно грустнее, чем мое, и мне безумно захотелось узнать, кто или что ей сделал, ну... так на будущее. Потом я подумал, что не способен сделать так, чтобы Роза потом сидела с таким же грустным лицом. Мне казалось, что невозможно обидеть любимую девушку, я даже не задумывался, что любимая девушка может с легкостью обидеть.

Я сидел и пил, смотрел на девчонку, снова пил, снова

смотрел. И чем больше я выпивал, тем больше она меня раздражала. Я не знал – почему. Как там Роза? Что они делали вдвоем с Люцифером? Что делал я? Вопросы. Сплошные вопросы.

В детстве глупые вопросы, на которые родители, не переставая дают лживые ответы. Как я появился? – Аист принес! Можно мне мороженое? – Оно не вкусное. Можно мне выйти на улицу? – Нет, там холодно. Может ли мне нравиться девочка? – Нет, это – абсурд!

Во взрослой жизни такая же фигня, только вопросы меняются, а идиотский смысл остается, и также лживые ответы. Как я появился? – А тебе разве не рассказывали по биологии? Ну, подожди, потому расскажут! Что такое «секс»? – «Секс»? Кто сказал тебе это слово? Это игра. Но тебе пока еще рано в нее играть. Что такое любовь? – Ее не существует.

Любовь – это огромный миф! Но я не был уверен в этом, ведь Роза не была мифом, она была реальным человеком, а у меня к ней – реальные чувства. Я же не конченный идиот и был вполне в состоянии понять, что творится у меня на душе и на сердце по отношению к ней. Но я устал спрашивать себя о Розе в тот вечер! А спрашивала ли Роза обо мне? Или она была слишком занята разговором о погоде с Люцифером? А что я? Я просто сидел и пил, безнадежно пытаюсь утопить свои глупые думы в алкоголе, зачем-то рассматривая девчонку.

К одиннадцати вечера я решил, что мне плевать на все и я

иду домой. Но поднявшись из-за стола, меня, как пластилиновую лепку, понесло по сторонам. Размахивая руками, как взлетающая птица и лыбясь, как даун, я поплыл меж столов, при этом я пытался извиняться не понятно за что, не понятно перед кем. С одной стороны мне было хорошо, но с другой – меня тошнило.

Словно неваляшка я шел по пустынной улице. Мне казалось, что я был королем дороги, ноги выписывали резные волны, от бордюра к бордюру. И видимо, от этого меня укачало, и, остановившись посреди дороги, я предался инстинктам, которые спровоцировали самоочищение кишечника, и меня благоприятно вырвало. Я даже не знал, видел меня кто и был ли там вообще кто-нибудь – я просто стоял, наклонив голову вперед, и меня рвало! Было ужасно! Еще ужаснее было то, что вытерев рот и сделав пару шагов вперед, кто-то захватски двинул мне по голове. От неожиданного и сильного удара я свалился с ног и с распростертыми объятьями начал принимать пинки. Кто это был, за что меня били, сколько их было: на все эти вопросы я не знал ответов. Меня просто били! Ну а что такого? Кого в этой жизни не били? Но я был настолько пьян, что мне было все равно: пусть хоть убьют!

На какое-то время они перестали меня лупить ногами, а чьи-то чрезмерно ловкие руки полезли по моим карманам. Пока они что-то искали, я лежал весь в крови и улыбался. Даже в тот момент мне было хорошо. Чья-то нога в солдатском ботинке съездила мне по улыбке, но так и не смогла

ее убрать. Забрав все деньги и пачку сигарет, ребята бросили меня лежать посреди дороги, они просто скрылись. Правильно. Было бы забавно, если бы они начали поднимать меня, жутко извиняясь за содеянное.

Полежав на дороге какое-то время, я встал, также шатаюсь и также улыбаясь, поплелся дальше. Навстречу попадались люди, которые шарахались от меня (видимо, я был совсем антисоциален) и старались обойти меня стороной. Мне было насрать. В тот момент я был самым счастливым человеком на земле, сам не зная – почему. Вообще странно – нажравшись и получив по морде – меня переполняло счастье.

Не знаю, во сколько и каким чудом, но я сумел добраться до дома. Алкоголь забрал все мои страхи и добавил немного смелости, на всякий случай.

– Где ты был?

Роза. Милая Роза. Я улыбался, стоял, ощупывая сраные косяки и улыбался. Она же стояла, скрестив руки на груди, в одной короткой сорочке из шелка с херовыми рюшками по краям.

Милая Роза.

На ее лице был гнев. Она могла злиться и она злилась, в тот момент я разглядывал ее чудные, не накрашенные брови. Где я был? Вопрос на миллион для меня. Я не мог говорить, но нет, наверное, я мог, но не хотел. Я улыбался.

– Что случилось? – послышался следующий вопрос.

Я уже и сам забыл, что что-то случилось. И что же слу-

чилось? Мне надавали по лицу! Шатаюсь, я подошел к ней и посмотрел, окинув ее всю взглядом, все с той же нелепой улыбкой на лице. Роза смотрела на меня. Я наклонился к ней, взял за подбородок и протяжным шепотом сказал:

– Я пил! Я дал вам время поговорить о погоде! Вам – Люциферу и тебе! И...! О погоде!

Она ударила меня по руке и отошла на шаг назад. Я снова усмехнулся. Эта девочка заводила мое пьяное сердце в штанах. Бог мой, как же жутко я ее желал! Скинуть все на хрен со стола, схватить ее и...! Но я был пьян и впервые отвергнут! Роза без зазрения совести отшила меня, в то время, как у меня так свербело, что я хотел отрубить себе голову.

Она же подло развернулась и ушла в комнату. Я не хотел идти за ней и смотреть на недовольное лицо. Мое пьяное тело обмякло, ноги подтащили меня к столу, я уселся и отрубился.

Мне ничего не снилось, кроме потрясающей тьмы. Голова страшно кружилась, провоцируя рвотные позывы, но тело держалось. В пьяном угаре просто замечательно падать в несуществующую яму. Падение происходит быстро-быстро, в это время я вертелся еще и по собственной оси. Чудная карусель. Но в какой-то момент тело вынесло в реальность и оно звучно грохнулось со стула на пол. Там я почувствовал себя значительно лучше, можно сказать превосходно. Я проспал до утра, точнее до первого появления живой души на кухне.

– Ну что ж ты, братишка! – услышал я жалеющий голос над ухом. – Как же так? Ты смог доползти до дома, а до кровати – нет? Или тебя не пустили в кровать?

Я что-то промямлил в ответ, сам не понял что, соответственно Люц тем более не мог понять. Я попытался открыть глаз, встать, вообще пошевелиться, что-то сказать, но все, что у меня получилось, так это открыть красные глаза, даже только один глаз и посмотреть на брата, сидящего на корточках рядом.

– Вставай давай, хорош валяться посреди кухни. Сейчас встанет твоя злыдня и ей твое состояние совсем не понравится! На учебу, как я понимаю, ты не пойдешь?

Я подвигал глазами в разные стороны, как бы говоря, что я вообще никуда не иду. Люцифер потрепал меня по волосам, и хотел было встать, но я смог схватить его за руку.

– О чем вы разговаривали с Розой? – спросил я.

Во рту все пересохло, губы слипались, а язык прилип к небу, и не одна мышца не желала двигаться, но я должен был спросить. Люцифер сузил глаза и перестал улыбаться, снова присаживаясь на корточки.

– Так вот почему ты тут, как свинья валяешься посреди кухни, с жутким похмельем и невыносимым перегаром, и разбитой рожей! Ты приревновал! Ничего не мог сделать умнее, как только заняться ревностью и уйти в запой? Какой же ты дурак, брат! Мы разговаривали о погоде, идиот ты чертов!

Я с трудом улыбнулся и перевернулся на спину. Из-за это-

го движения в голове тут же начались жуткие вертолеты, меня снова начало мутить.

Погода. Погода. Неужели такая оптимальная тема для обсуждения с улыбками? Причем для моего брата, которому всю жизнь было плевать, что творится на улице! Я подумал, что они просто вдвоем уже издеваются.

– Знаешь что, пошли бы вы на хер оба! Да! На хер! Там хорошо разговаривать о погоде! На хер!

Люцифер вздохнул, поднял меня за грудки и отволол к нему в комнату. Там, как всегда, творился жуткий погром, как после мощного взрыва. Ни одна вещь в его комнате не имела своего места. И вот, Люц положил меня на кровать, где помимо меня была еще куча мусора, пара-тройка каких-то вещей, не знаю чистых или грязных, мне было почти что все равно. В итоге я снова провалился в пьяный сон.

Роза пришла только вечером. Я ждал ее весь день, жутко страдая от головной боли. Около полудня я перебрался в свою чистую и убранную комнату. И до прихода Розы я лежал, как прогнившая мумия, сложив руки на груди. Честно говоря, мне даже захотелось стать этой мумией, лишь бы только не переживать похмелье, от которого было только одно спасенье – нажраться еще раз. Но я не имел права этого делать. Хер с этим университетом, но вот Роза вряд ли бы оценила такой поступок.

Мне бы стоило подумать о грядущих разборках, но я не мог думать, словно пропил весь мозг. Я просто лежал и смот-

рел в потолок и думал, как бы не помереть.

Роза пришла около семи вечера. Я слышал, как она вошла в дом, но почему-то не спешила подниматься, а я ведь соскучился. Мне хотелось сползти с кровати, выползти на кухню и обнять ее. Но потом я вспомнил слово «погода», улыбающееся лицо Люцифера, хитрый взгляд Розы, и снова начал раздражаться. Я мог считать до миллиона про себя, чтобы успокоиться, но мне это не помогало. Я ждал. И во спусня какое-то время дверь в комнату открылась и Роза тихонько вошла. Она была бледнее, чем обычно, под цвет седых волос, а брови, как мне показалось, были почти не накрашенными. Клешенные джинсы обтягивали тонкие ножки и теплая, шерстяная кофта придавала ей больше массы.

– Привет. – Сказал я, не дыша, чтобы она не почуяла перегар.

Я даже не подумал о том, что за весь день комната провоняла так, что Роза могла окосеть только от одного этого запаха.

– Как ты? – спросила она, неторопливо подойдя к окну.

Я улыбнулся и проводил ее взглядом.

– Как я? – буркнул я. – Как тебе сказать? Пока вроде не умер, но весь день готовлюсь к этому. А ты?

– Сегодня Рене интересовалась, почему ты отсутствуешь. Как долго будет продолжаться твоя ревность?

– Какая ревность? О чем ты? – вытаращился я.

Мне совсем не хотелось, чтобы Роза так явно видела мои чувства. Конечно, я понимаю, что мне изначально не стоило их показывать, но я не мог молчать.

– Гавриил! – она строго посмотрела на меня, нахмутив свои превосходные брови.

Мне хотелось улыбнуться, глядя на ее очаровательную мордашку.

– Что, Роза? – спросил я, закрывая глаза и готовясь выслушивать какую-нибудь ересь.

Как же это ужасно! Почему девушки всегда выбирают ну очень подходящие моменты, чтобы выносить мозг? Почему Роза никогда не выговаривала мне ничего, но стоило хорошенько нажраться, заболеть мрачным похмельем, она тут же появилась с длинным, острым гвоздем и огромным молотком в руках, чтобы вбить мне гвоздь в голову! В чем прелесть таких гнусных поступков? Ведь никто ей не мешал высказать свое «недовольство» на следующий день, я никуда не уходил, умирать не собирался.

Просто ей надо было показать свое превосходство, которого на самом деле ни фиги не существовало! Роза специально дождалась такого момента, когда мое состояние ненормально, я был совершенно не способен ответить ей что-либо. Она сделала это специально, чтобы не слушать никаких препираний с моей стороны или никчемных возражений. Все сделано для того, чтобы она оказалась права, ну и плюс охрнительный намек на то, чтобы я извинился.

Когда голова страдает после вечеринки, а рядом стоит бензопила и пилит эту голову, проще извиниться и наврать, чем выслушивать весь этот бред до конца! Но я слушал. Слушал то, что я не прав (это прозвучало очень много раз, невозможно даже посчитать, сколько конкретно), что я плохой человек, мой поступок слишком мерзок, чтобы быть правдой и все такое. Но она ни разу не сказала, что беспокоилась, переживала, ночь не спала... Роза просто выжимала из меня какие-то извинения. За что я должен был извиняться? Она рассказала красивыми словами, какой я мудака, но так и не сказала, в чем была моя ошибка... Я не стал извиняться. Она села за уроки, готовиться к семинарам. Я уполз на кухню.

Мне тоже надо было подготовиться к семинару... «Город и человек. Начало» – тема моего доклада. К вечеру мне полегчало и я сидел за столом, подперев рукой подбородок. Передо мной лежал белый лист бумаги и ручка. Мне ничего не лезло в голову.

– Жив? – на кухню вошел Люцифер, весь мокрый и как ни странно один. – Говорил же, что погода испортиться! Ливень! Ни одной девки не смог завлечь в гости.

– Спасибо, что интересуешься моим здоровьем! – ответил я, рассматривая чертов лист бумаги.

– Что это? Никак жалкая попытка появиться завтра на семинаре у Лафортаньяны?

– Отвали! – буркнул я.

– Да ладно тебе! – Люц усел за стол напротив.

Я понял, что у него хорошее настроение, независимо от того, что в тот холодный, дождливый вечер он остался один. Какая-то сволочь сказала мне, что я должен еще раз спросить у него вопрос, который меня жутко мучал.

– О чем вы разговаривали с Розой? – не поднимая глаз, спросил я.

На самом деле я чувствовал себя полным говнюком. Они оба измывались надо мной, издевались, да просто глумились. Но мне искренне хотелось знать, о чем был их диалог. Их лица, светящейся подлой радостью меня озадачивали. За весь первый семестр они ни разу так мило не общались. Блин! Да я просто испугался! Если Розе я еще как-то доверял, пытался видеть в ней ангела, то вот Люциферу с его паршивым именем я никак не мог верить.

– О погоде, Гавриил! Вот представь себе, что я впервые в жизни решил поговорить с девушкой о погоде!

– Люц. А слабо хоть раз в жизни сказать правду? – улыбнулся я.

– Правду? – удивился Люц, доставая пиво из холодильника.

При виде бутылки меня чуть не вырвало.

– Что такое правда? Гавриил только не говори мне, что ты, как полный кретин, еще и веришь в правду? После гуманных лекций Трокосто, я убедился окончательно, что пресловутой правды не существует!

– Чего ты несешь? – удивился я его ответу. – Она суще-

ствует, и я, черт возьми, хочу услышать ее от тебя!

— Для меня правда, как зачиханный Боженька, в которого наша мать так свято верила, а я в него не верю! Ты веришь в правду, а я — нет! Как я могу говорить правду, если ее не существует для меня? Ммм? Знаешь, без нее прекрасно живется! Я не скажу тебе правду, я скажу, что было на самом деле — мы говорили о погоде! И дальше уже от тебя зависит — верить в эту правду или нет!

В тот момент Люцифер был для меня отпетым уродом! Он никогда не отвечал как на духу, все время придумывал какую-то херню! И порой меня это жутко злило. Я окинул его мефистофелевским взглядом и попросил свалить с глаз долой. Он не стал ждать, когда я попрошу еще раз. Видимо он сам слегка разозлился из-за прекрасного диалога. Я так и остался сидеть и смотреть на белый лист передо мной.

***

Ночевать мне пришлось на кухне, так как я не был прощен. Честно говоря, я даже не пробовал залезть к ней в кровать. Она несколько раз выходила на кухню, окидывала меня забавными взглядами, но не о чем не говорила. Я каждый раз улыбался и смотрел на нее. Ей не нравилось то, что я так легко воспринимаю столь серьезную ссору. Но что она могла сделать? Она же не разговаривала со мной! Если ей не хотелось этого делать, зачем же я буду принуждать ее к

ненавистному разговору? У меня не было желания действовать насильно.

Полночи я писал доклад и чуть ли не плакал над его содержанием.

Немного о предмете Лафортаньяны. «О разрушении» – жуткий предмет. Его цель – не дать человеку и природе ужиться в идиллии. То есть у нас была задача – к пятому курсу научиться разрушать то, что создает природа. Меня шокировали ее лекции, но чтобы получить допуск к экзамену, я должен был рассказать то, что Лафортаньяна хотела услышать.

Утром первым встал Люц. Поздоровавшись со мной сквозь зубы, он делал себе завтрак, напевая какую-то мелодию. Следом за ним спустилась Роза. Я впился глазами в ее заспанное лицо, растрепанное каре. Она была добродушна – одалила взглядом, но не поздоровалась. Так же, как и Люц, она занялась своим завтраком. Между собой они тоже не разговаривали и вообще, в глазах Люцифера мелькала какая-то ненависть к Розе, как обычно. И «как обычно» мне безумно нравилось.

Через полчаса мы втроем усадились в машину: я за руль, Люц рядом, Роза естественно сзади с открытыми лекциями по «Разрухе». Первой парой была физкультура и под конец семестра мы отважились туда сходить. Точнее Роза, как прилежная студентка ходила туда весь семестр, а мы с братом, как два олуха, заходили туда раз в месяц.

Всю дорогу в машине был четвертый попутчик – тишина. Мне это нравилось. Люцифер освободил меня от всей утренней чуши. Роза вообще делала вид, что ни меня, ни брата не существует, тем самым освободив меня от требовательных взглядов. Зато я всю дорогу сожалел, что у меня нет косоглазия. Хоть одним глазком я хотел смотреть на Розу, а вторым на дорогу. Я почти неотрывно пялился в зеркало заднего вида, на расстегнутую пуговичку кофты, видневшуюся из-под пальто, на ее тонкую шейку, на выпирающую ключицу, которая отбрасывала немыслимые тени.

Люцифер умело делал вид, что ничего не видит и вообще ему насрать. Он уныло смотрел в окно, подперев подбородок рукой. Вот так и ехали.

В тот момент я подумал о словах брата: правды не существует. Вдруг он прав? Три человека ехали в машине и вели себя не так, как хотели на самом деле...то есть, врали. Все трое отчетливо понимали, что едут и врут, и всем троим было начихать на это. Где ж была правда в тот момент? Или Люцифер, прикинувшись змеем искусителем, нашептал мне о нереальности правды? Мне захотелось прочертить грань между шуткой, правдой и ложью. Ну ладно, правду отместить не сложно раз у кого-то она существует, у кого – нет, остается шутка и ложь! Была ли в тот момент шутка? Можно ли было назвать его шуткой? Или ложью? Но правды там не было точно. А что за всевышний осмелится разграничить ложь и правду? Кому хочется быть посланным в далекое путеше-

ствие? Можно пойти и кого-нибудь трахнуть, а Розе сказать – это была шутка! Шутки ведь могут быть смешными и не очень. Измена – это шутка, правда, не смешная, но кому от этого горячо или холодно? В машине вполне могла быть жуткая шутка. А может все-таки ложь? Как было бы артистически, если бы Роза пришла в соплях и начала визжать, что я ее обманул. А я бы такой: «Дорогая, это была шутка! У тебя нет чувства юмора!». И попробовала бы она доказать, что это была ложь! Нет никаких доказательств! И правды нет!

Выйдя из машины, мы, словно три призрака, растворились в коридорах университета. Я пошел в туалет, не потому, что хотел гадить, я просто хотел побыть в гордом одиночестве вместо нудного урока физкультуры.

Я не знал, куда пошел брат, собирался ли он бегать по кругу в спортзале, как несчастная пони с ребенком на спине.

Однозначно, Роза была не против войти в роль бедной лошадки-карлика. Мне кажется, если ей надо было бы отжаться какому-нибудь уроду по учебе, она бы это сделала без зазрения совести. Хотел бы я назвать это ответственностью, но язык поворачивается только на шлюху, работающую на кошмарный университет. Может я был неправ в своих мыслях, но они были и я думал о них.

Я открыл окно, достал сигарету и, наплевав на строжайший запрет курения в стенах университета, закурил. Через две минуты проскрипела входная дверь, я быстро затянулся и выкинул бычок в окно. В помещении было накурено и я

радостно ждал, что войдет ректор или его зам и вынесет мне мозг блаженной моралью, но я был удивлен.

В дверном проходе стояла Роза, в черных, спортивных шортах и топике. Мне в глаза бросился оголенный животик. Руки тут же вспомнили, каков он на ощупь, всю бархатистость кожи, и им снова захотелось дотронуться до него.

– Разве ты не должны быть на уроке? – спросил я, старательно блокируя мысли о возможных прикосновениях.

– Я решила посмотреть, где ты есть. – Ответила она, невинно опуская взгляд.

– Зачем? – улыбнулся я, сидя на широком подоконнике.

– Зачем? – переспросила она с удивленным выражением лица, словно я вообще не имел права спрашивать ее о чем-либо.

Я – мерзкая гадость, осмелился спросить королеву за каким хером она притащилась в мужской туалет, вместо спортивного зала! Как я посмел, мелкая сошка! Но я посмел!

– Да! – ответил я, приподняв брови. – Мне интересно, что ты здесь делаешь, когда Бакасо свистнул в свой слюнявый свисток?

Роза медленно перевела на меня взгляд и также, еле ступая, на мысочках, начала красться ко мне. Я облизнул губы и прищурил глаза. Роза шла...прямо ко мне, соблазняя меня своим чарующим взглядом. Я терялся в мыслях, не мог понять, что с ней. Стоит ли мне отреагировать на ее движения, на ее томный взгляд? Или она вновь готовилась к из-

девкам? Я ни хрена не знал, что мне делать, как себя вести, поэтому просто сидел на подоконнике и хлопал совиными глазами. Роза остановилась в двух сантиметрах от меня и соблазнительно закатила глаза. Я смотрел на ее лицо, оно казалось мне совершенно бесподобным, нежным, с гладкой, мраморной кожей. Мне захотелось дотронуться до нее, но я не мог заставить руку подняться. Я был парализован. Большие, бездонные глаза цвета океана манили меня, а я тонул в них, захлебывался пучиной безумия, кое плескалось в них.

– Поцелуй меня...

Божественная просьба, нежный шепот, который я когда-либо слышал, который я вообще хотел слышать. «Поцелуй меня...» – да я чуть не кончил от одной только этой фразы, от глаз, которые просто умоляли это сделать, от нежных рук, которые в наглую ласкали мое тело. У меня сперло дыхание, веки тяжело опустились и я прикоснулся к ее мягким губам.

Жизнь? Смерть? Да все это полная фигня, по сравнению с тем, что я испытывал в тот момент. Ни один наркотик, ни один сон и ни одна мечта, ни одна болезнь, ничего не могло сравниться с тем, что я чувствовал. Беспокоился ли я о том, что вся безумная оргия с нашим участием происходила в университете, в мужском туалете? Да мне было наплевать на университет так, как я в жизни не на кого не плевал! Я совершенно не беспокоился, не думал о том, что кто-то войдет. И как мне казалось, Розе тоже было совсем не до этого.

Я дотрагивался до нее и думал, что трогаю входную дверь в рай, которого не существует. Ее тело обжигало мои пальцы, но я не мог оторваться от нее. Впервые в жизни я хотел схватиться руками за раскаленное тело и никогда больше не отпускать его, и плевал я на ожоги четвертой степени.

Роза.

Она горела, полыхала в моих объятиях, и я наслаждался пылкостью огня. Я стянул с нее физкультурную форму и за-получил небеса и космос. Хотел бы кто-нибудь побывать в космосе? Покружиться среди миллиарда маленьких звездочек, толстых планет, среди галактик? Я это сделал! Без ракеты, без стартовой площадки, без образования космонавта, без всего нужного оборудования, я был в космосе! Я был в его долинах, видел млечный путь, я все видел! Видел, пока держал в руках тело, нежное и приятное тело Розы!

Она кричала. Кричала так, что я сходил с ума. В моем космосе ее крики раздавались ошеломляющим эхом, я слышал ее и поддавался на эти приятные провокации. Слышал ли такие крики любви еще кто-нибудь, кроме меня? Повторюсь, мне плевать! Я любил эту девушку, я забыл о ссоре, о погоде, о существовании брата. Я забыл обо всем. Роза, как ластик, стирающий память, правда, не навсегда, таяла в моих объятиях. Я любил ее. Я очень любил ее.

Во время нашей оргии в туалет никто не входил. Хотя... может и входил, но мы не заметили. Да и какая к черту разница? Мы сидели на полу, совершенно голые и курили. Мы

нарушили сразу несколько правил и наслаждались этим чувством! Я чувствовал себя богом или дьяволом, кем-то, у кого больше всех сил, чувств и идилии. Я был самым мощным существом. Рядом со мной был ключик, который давал мне эту энергию.

Роза! Цветок с шипами, который раздирал мои ладони в кровь, причинял боль, но раз я сорвал его, то уже не хотел отпускать его. Мне нравилось та боль.

– Мы безумцы! – прошептала Роза, усмехнувшись и выпуская сигаретный дым к потолку.

Я проследил за струйкой сизости и улыбнулся.

– Почему? – я чмокнул ее в макушку и выдохнул пост-эйфорию секса от ее белоснежных волос.

Она улыбнулась. Я не видел, но я знал, что по ее довольному лицу блуждала улыбка, да и по моему тоже.

– Ты забыл, где мы находимся? – она подняла на меня свои голубые глаза и похлопала ресницами.

– Честно – да! Ты заставила меня забыть вообще обо всем! – усмехнулся я, крепко прижимая ее к себе. – Помому пара валить отсюда!

– Да! – она уткнулась мне грудь носом и сладко вздохнула – Причем нам следует сделать это побыстрее!

– Не могу не согласиться! – я вскочил на ноги, помог встать Розе.

Пока она безбожно натягивала на себя спортивную форму, я наслаждался ее видом. Даже в тот момент, когда мозг

казалось бы заработал, я не думал о том, что кто-то войдет в туалет и увидит остатки дыма сигарет и бешеной страсти. Мы пошли в столовую, так как смысла идти на физкультуру уже не было.

Мы взяли дешевый завтрак и сели за стол.

Роза, словно год не ела, жадно поглощала сэндвичи. Я не прикоснулся к своему завтраку. Я просто сидел, сложив руки на груди, с легкой и совершенно идиотской улыбкой наблюдал за тем, как она уплетает хлеб с сыром.

Почему она так поступила? Это был единственный вопрос, на который мне очень хотелось знать ответ. Вообще, именно в тот момент я понял, что я нечто больше, чем кусок недоразумения или недоумок. Почему она так поступила? Что за риторический вопрос, который я задавал себе после каждого ее поступка, неважно каков он был. Почему я не мог просто не спрашивать у себя всякую чушь в голове, а просто жить счастливо?

– Почему ты не ешь? – спросила она, перестав жевать.

Я улыбнулся и склонил голову.

– Твой образ не выходит у меня из головы... твоё появление в туалете... – Я медленно переполз к ней на соседний стул. Мне хотелось еще раз дотронуться до нее, обнять, поцеловать. – Давай плюнем на пары и поедем домой?

– Ты с ума сошел? Гавриил, разве ты забыл, что следующая пара у Лафортаньяны? Семинар! – воскликнула Роза, округлив глаза.

– Я знаю, Роза. Помимо того что, это семинар, так это еще мой последний шанс сдать долг. Буду читать доклад!

– Что? – Роза усмехнулась. – Ты? Доклад? О чем?

– О городском житие... мелком, пока что! Я честно готовил полночи этот бред! Не хочется мне завалить первую же сессию.

– Ну и о каких прогулах ты говоришь в таком случае? Ты обязательно должен пойти на пару!

– Да я знаю...знаю. Это просто мечта! Прекрасная мечта, как прекрасно прогулять мерзкий университет!

Мне хотелось сказать еще кучу гадких прилагательных, описывающих мою ненависть и нежелание учиться в этом дряхлом болоте. Но я не мог говорить при Розе какие-то гнусные слова, мне казалось, что она девственно чиста, и я не должен засорять ей голову гадостями.

– Пойдем «мечта», покурим! – вытирая крошки, предложила Роза.

Я кивнул головой, взял мусор, оставшийся после нас, и выкинул в помойку, идя сзади нее.

До начала пары оставалось минут двадцать. Я стоял и наслаждался табаком. За совсем короткий срок я скурил много сигарет, но в университет идти не собирался.

Роза, уткнувшись мне в грудь, стояла и потрясывалась от зимнего холода. Я обнимал и прижимал ее к себе, пытаюсь согреть. Вот мы и стояли молча в курилке, обнявшись и впитывая воздух. Порой мне совсем не хотелось с ней разгова-

ривать, мне безумно нравилось просто стоять и чувствовать ее. Плюс, в тот момент, я немного нервничал: я совсем не любил выступать с мудатскими докладами перед людьми, которым абсолютно насрать на тему и на доклад.

Я четко видел у себя перед глазами аудиторию, наполненную студентами, которых меньше всего интересует учеба во время учебы, которые сидят, тихо вертятся и ржут. Ты же, как ничтожное создание, стоишь у доски с бледной рожей и потными ладонями и пытаешься понять – они ржут над тобой и твоим докладом или им просто хочется ржать. Ну, черт со студентами, у них есть всего лишь пять-шесть лет, чтобы поржать. Но вот профессор, сидящий за спиной с надменной мордой, что-то чиркая на своей кипе бумаг – вот это уже жуть. Причем его идиотские чертежи не имеют никакого отношения к читающему доклад. Вот и получается, что больше всех насрать самому профессору. Для него время докладов – сонное время, когда надо сидеть и делать вид, что слушаешь херню, которую несет студент, смотреть за остальными уродцами в аудитории, и не уснуть при этом. Меня угнетали эти мысли.

На кой черт заставлять несчастных студентов сочинять бредни сумасшедшего в виде доклада, чтобы потом все мучились? Для того чтобы руки перестали потеть, когда с людьми разговариваешь и рожа не бледнела? Это, конечно, развитие нужной привычки, но это же просто невозможно, когда всем насрать!

В итоге вырабатывается немножко другая привычка – университет убивает не боязнь быть оратором и выступать перед людьми, он развивает черту пофигизма: меня не слушают – плевать, на меня не смотрят – плевать, я обложался – плевать и так далее. То есть, начиная с университета молодежь поощряют, делая из людей живых роботов, убивая одну за другой эмоцию и чувство. Весь мир насрал на себя и наслаждается, прибывая в этом чудном говнище! И чего ж я так расстраивался? Если везде одна и та же однородная масса – надо радоваться! В университете общество учили прибывать в этой массе, не обращая внимания на то, что масса эта – говно! Все происходит путем лишения человека чувственности и понимания.

– Где ты был? – в курилке появился Люцифер с красной рожей – видимо бегал много на физкультуре. – Бакасо сегодня, как Сатана! Всю группу! Загонял!

– Мы завтракали! – ответила вместо меня Роза.

– Да! – подтвердил я.

– Засранцы! Подставили меня, бросив одного... Ну да черт бы с этим! Там была девушка из 2В. Мне показалось, что я влюбился! – Люцифер, наконец, прикурил сигарету.

Я улыбнулся, услышав такое заявление. После незабываемого секса в мужском туалете мое настроение было на высоте, и даже такое мерзкое лицо Люца не смогло мне его испортить.

– Ты не можешь влюбиться! – сказал я, крепко прижимая

к себе Розу. – Ты вообще знаешь, что такое влюбиться? Когда-нибудь слышал слово «любовь»?

– Я все время влюбляюсь в девушек... – Люцифер улыбнулся и окинул всех стоящих людей в курилке.

– На одну ночь? – внезапно спросила Роза.

Я перевел на нее глаза и снова улыбнулся.

– А что, надо обязательно любить всю жизнь? – удивился он, как будто у него денег попросили.

– А как можно любить одну ночь? – не успокаивалась Роза.

Я молча наблюдал за разгорающимся спором между чудищами с разных миров.

– Как? Роза! Прекрати задавать глупые вопросы! Я слышу из вашей комнаты по ночам звуки любви, когда мой брат тебя любит, и, судя по этим звукам, ты не против ночной любви? – он гнусно улыбнулся, облизнув губы, неотрывно смотря в ее голубые глаза, которые были полны удивления и я бы даже сказал приятной для меня агрессией.

– Конечно, не против, хотя тебя это вообще не должно касаться! Дело в том, что меня любят не только ночью, но еще и днем и утром и вечером, на что ты, категорически не способен!

– Видишь ли, дорогуша! У нас с тобой разные понятия о любви, а на самом деле она одна! Это ты просто хочешь быть любимой каждую секунду, а в реальности мы вас любим по ночам. Только вот мне хватает смелости признаться всем,

что у меня столько этой любви, что я хочу поделиться с ней со всеми женщинами!

– Люцифер, какая связь между сексом и любовью? – спросил я, все также улыбаясь.

Спор казался мне смешным, с учетом того, что я не особо понимал, чего они хотели доказать друг другу.

– Ох, братец! – Люц бросил на меня недовольный взгляд. – С тобой у нас вообще нет ничего общего, кроме рож!

– Видимо, как и со всеми! Люди живут вместе всю жизнь, а не по ночам! У них есть дети, работы и все такое. Неужели ты думаешь, что это все писькина любовь? – Роза гордо вскинула голову.

– Лапушка, я не сказал, что я люблю, я сказал, что влюбился. С чего вы вообще навешали на меня ярлыки конченого скота? Девушки сами ложатся ко мне в постель, я их не насилую и не заставляю! Да и вообще! Какое ваше дело? Хочу – влюбился, захотел – потрахался! Сидите и любите друг друга днями и ночами!

Люц раздражался. Вообще он не любил спорить с девушками, ибо его любви просто не хватало на ссоры. Его любовь обычно исчезала с рассветом, как летучая мышь.

– Знаешь, звучит, как зависть! – Роза подалась вперед, гневно сузив глаза. – Ты просто неудачник! Тебе не везет с девушками, но ты не можешь в этом признаться, потому что врешь сам себе! И к тому же ты завидуешь нашей любви!

– Вашей любви? Не смеши меня! Где была ваша любовь,

когда мой брат валялся на полу на кухне, пьяный и в соплях, в то время как ты нежилась в его постели...

– Люцифер! – строго сказал я.

Вот чего я не хотел, так это, чтобы они переходили на личности. Мне было плевать на то, как Роза обзывала его, что говорила, но ему я не позволял говорить о ней гадости в моем присутствии.

– Что? – возмутился он, переводя на меня взгляд.

Нахмурившись, я молча смотрел ему в глаза, давая понять, что он не должен так разговаривать с Розой. И Люцифер это прекрасно понимал. Ему не надо было говорить или что-то объяснять – он отчетливо понимал тишину, возникшую между нами.

Возможно, Роза немного ошиблась, говоря о чувства и переживаниях Люцифера: он не завидовал, он – ревновал.

– Нам пора на пару... – тихо сказала она, делая шаг назад.

Я не понимал, как же они смогли тихо и мирно разговаривать о погоде, когда они терпеть друг друга не могут. По крайней мере, после того представления я немного успокоился в своих переживаниях насчет их двоих.

Идя к кабинету, я все-таки решил сосредоточиться на идиотизме, который меня ожидал: то есть на своем докладе.

Лафортаньяна была еще той гадиной. Ей могло не понравиться мое выступление из-за внешнего вида, из-за интонации, с которой я произношу то или иное дурацкое слово, из-за торчащего волоска на голове в другую сторону. Да чего

тут говорить! Она могла выгнать меня и не поставить зачет из-за всего, из-за всей той шизоидной чуши, которая приходила ей в голову. А мне вовсе не хотелось страдать из-за ее не здоровой мозговой деятельности.

– Здравствуйте! – Лафортаньяна вползла в аудиторию, как обычно с пучком на голове и высокомерным лицом.

Я горько улыбнулся. Ну что за выродец позволил работать такой вот выдре с детьми? У них же моральная травма на всю жизнь останется и кошмары будут сниться до конца дней.

Профессор заняла свое привычное место у доски за огромным столом и молча смотрела на нас. На ее парах была такая тишина, словно все студенты, включая эту кикимору, умерли. Почему-то она всегда, перед тем как начать что-то вещать внимательно разглядывала наши потухшие рожи. Может, запоминала. Или вспоминала. Но это было не просто так – это точно!

– У нас осталось четыре семинара до конца семестра. – Она соизволила начать говорить. – Два из них я отвожу на должников, то есть сегодня и следующий семинар. В оставшиеся два мы занимаемся в обычном ключе. Ясно? – надменно спросила она, приподняв брови.

Черт возьми! Откуда в ней было столько пафоса? Что надо сделать в жизни, чтобы так нездорово гордиться собой? Я ни хера не понимал, но всем сердцем ненавидел эту мразь. Она смотрела на меня и на брата, сидящего в соседнем ряду на предпоследней парте. Пафосная выдра не могла определить,

кто из нас обложался в течение семестра и кому надо отдуваться с докладом. Я решил не провоцировать женщину в возрасте и с климаксом, и сам сознаться, что я – тот несчастный гондон, который посмел схватить долг у такой звезды.

– Эээ... Профессор? – начал я, поднимаясь из-за парты. – Я бы хотел...

– Что? – вскрикнула она, строго разглядывая мое лицо и одежду.

Тут я все понял.

– Я Вас о чем-то спрашивала?! Кто Вам разрешил вставать и разговаривать со мной в один голос?

– Я думал, Вы договорили...

– Неужели?! Вы еще хотите пререкаться со мной? Что за распушенность и хамство? Никаких уважительных манер к людям, от которых зависит Ваша сессия, мистер Гавриил!

Я достаю пулемет и выпускаю в нее добрый десяток пуль очередью, потом кидаю коктейль Молотова и эта дрянь мгновенно вспыхивает, но остается живой. Она орет и корчится, истекая кровью и пытаясь вырваться из огня – вот, что творилось на тот момент в моей голове, пока Лафортаньяна с пеной у рта орала, какой я невоспитанный и дерзкий мудака. Вот сука! Узнав, кто из нас должник, она сразу же решила показать свое превосходство! Мол, на колени, щенки!

Она хотела услышать от меня сердечные извинения и мольбы о пощаде, но я настолько осатанел, что просто не мог выговорить ни одного слова. Я просто молчал, глядя на свар-

ливую бабу. Она орала и орала, и мой мозг решил абстрагироваться от этого идиотизма: я вспомнил похороны матери.

Я стоял у гроба в черном костюме – это был чуть ли не единственный раз, когда я носил костюм. Крышка гроба была закрыта так, как пост-месиво смотреть не кому не хотелось. Я не плакал, честно, мне хотелось, но я не мог. Рядом стоял Люцифер, и он тоже не плакал.

Тишина.

Одна лишь мерзкая птица на дереве кудахтала, словно курица. Когда гроб засыпали землей, я смотрел то вдаль, то на очередную горсть земли, рассыпающуюся по крышке гроба. Больно? Отчаяние? Нет. Просто, обычно. Мне даже показалось, что мне как-то было легко. Просто, когда от сердца отрывается уже мертвая половинка, заполненная мертвой любовью к кому-либо и закапывается в землю, становится легче, не так тяжело. Легко, как обычно.

Люцифер пустыми глазами смотрел куда-то далеко вперед. Я понятия не имел, что он чувствовал и чувствовал ли вообще. Оторвалась ли у него часть сердца, принадлежащая матери? Была ли у него та же тошнотворная легкость, от которой было еще противнее, чем от тяжести, как у меня? Обидно, что самый дорогой и жизненно-важный орган крошится, как сухая известь и закапывается кусками с кем-то в землю...

– ...Вам понятно? – услышал я хоть один адекватный вопрос от Лафортаньяны.

– Да, мэм! – я ответил незамедлительно и закрыл воспоминания с гробом.

– Садитесь! – она окинула меня гневным взглядом. – Я Вас вызову, когда посчитаю нужным.

Я сел и словно парализованный смотрел на мерзкого профессора. Seriously, я ненавидел ее в тот момент, она была хуже, чем чесоточный клещ, хуже, чем плешь на голове в юности. Я честно желал ей тяжелой смерти и чтобы около ее гроба не было такого человека, который отдавал бы часть своего сердца вместе с ней в землю! Как-то так.

В каждом учебном заведении есть несколько замечательных профессоров, добрых, с чувством юмора и отзывчивых. Но это правило не распространялось на мой сраный университет. В нем не было ни одного адекватного профессора, одни моральные и физические уроды, которые не могут вызвать к себе жалости, только злость! Чертовы хренососы!

К моему великому несчастью Лафортаньяна была не просто не в настроении, она была, как разъяренный медведь-шатун, внезапно вывалившийся из темного леса на оживленные улицы гниющего города.

Роза сидела рядом, молча что-то чирикала в своей тетради.

Передо мной выступило четыре человека с докладами. Честно, я пытался понять, что эти олухи несут, но я не мог.

– Прей! Идите к доске! – наконец, прозвучало мое имя.

Я вздохнул, взял свой листок, похожий на туалетную бу-

магу с каракулями и вышел к доске. Оттуда Роза мне показала живой, как никогда. Я встал и улыбнулся ей, вспоминая, что пару часов назад она чуть с ума меня не свела. Я напрочь забыл о присутствии Лафортаньяны.

– Что Вы можете рассказать нам о городе? – спросила она, вертя пухлую ручку в руках.

Что я могу рассказать о городе? Что за дегенератский вопрос? Город – это гондон, а люди – слишком подвижные сперматозоиды, которые беспробудно лезут в этот гондон. Разве кто-нибудь из них думает о том, что ничемная резинка скоро вот-вот лопнет? Конечно же, нет! Но я не мог ответить Лафортаньяне так, хотя очень хотел!

– Город – это среда обитания большинства людей! Как и любое живое существо, человек должен обустраивать свое жилище для себя. Не достаточно просто иметь место, где можно переночевать, поесть и сходить в туалет. Он должен сделать так, чтобы его жизнь и все, что его окружает не доставляли ему дискомфорт. Этим я хочу сказать, что каждый из нас должен жить так, как считает нужным. Если человек идет домой, а у него в руках мусор, а до помойки далеко, либо еще что, то мусор можно преспокойно бросить в парке, просто выкинуть, закрыв глаза. Человек есть самое умное, самое продуманное существо на планете Земля, и он вполне может решить, что делать с несчастным шариком, крутящимся у него под ногами. Мой доклад посвящен теме: «Город и Человек. Начало». Прежде всего, мне хотелось бы ска-

зять, что столь великолепному существу, как человек стоит избавиться от чувства стыда и совести. Нет ничего постыдного в том, что мы создаем вокруг себя комфортное место для проживания. Выстраивая город, человек должен сделать выбор между окружающей средой и своим благом. Так как мы самые разумные, а разумные существа понимают, что жить, считаясь с собой, это абсолютно нормально, соответственно не взирая ни на что, мы должны создавать свой рай на земле. Основная задача человечества выжить в комфорте, и мы успешно с этим справляемся. Город. Эта субстанция влияет на природу, окружающую человека. Люди, которые пошли против системы, защищая так называемую «умирающую» природу, не имеют права даже думать об этом! Нужна ли человеку природа у его дома? Как говорят умы современности, достаточно, чтобы около подъезда стояло какое-нибудь дерево. И то, зачем? Для человека не должно существовать никакой природы в городе! Это же город – место для людей, а не лес – место для животных! Город и природа – это не совместимые вещи. Природа – ничто! Человек – все! Будучи один он все равно справится и выживет...

Мне казалось, что я бесконечно говорю этот маразматичный бред. Как эта глупая женщина с характером мегеры осмелилась прийти к нам, в наши жизни и учить нас такому? Как эта пафосная дура осмелилась говорить такое о природе и нас заставляя говорить то же самое? Жуткое чувство предательства переполняло меня...

— ...человек не должен ставить что-то выше себя, не важно, что это будет. Будучи в городе, просто необходимо создать вокруг себя уют...

Сил моих не было! Я даже не помню, каким чудом закончил доклад, как сдержался, чтобы не послать на хер Лафортаньяну и ее мрачные проповеди. Роза же все время сидела и улыбалась, и я надеялся, что улыбалась она не потому, что ей приятно было слушать ту чушь, а потому, что рада была видеть меня.

Я врал. Врал себе. Стоит ли говорить, что значит — врать себе? Можно наврать кому угодно, сказать что угодно, но наврать себе — непростительное хамство по отношению к себе любимому! Жуть была в том, что я спалился на собственной лжи себе!

Вообще люди врут сами себе чаще, чем другим, но обычно им насрать на это или они просто не замечают, что только что обманули себя. Черт подери! Я заметил и мне стало плохо! Мракобесный ВУЗ заставлял всех врать друг другу и себе, и не обращать на это внимания. Твою ж мать, это ведь нормально в нашей жизни: ври, сколько хочешь! Все схавают твоё дерьмо, ещё и губки облизнут вместе с пальцами! Когда ж мы успели докатиться к такому смешному состоянию? Люди жрут дерьмо — своё и чужое, и им это нравится! Я даже не знаю, радоваться этому или нет. В любом случае исправить ничего нельзя: дерьмо — новый вид наркотиков для людей. Нравится? Пусть кушают! Мне не жалко, лишь бы меня не

заставляли присоединяться к их обществу копрофилов. Но именно ВУЗ пытался заставить меня это сделать, принуждая лгать. Да не надо меня принуждать, когда надо будет, я сам солгу, как и любой другой человек. Как бы не хотелось врать, все равно все будут врать – это выгодно, это модно, да и просто замечательно! Я ведь стоял у доски и всем врал! А что делали все? Хавали! Я получаю зачет, они наслаждаются лживой волной современной моды и у всех все замечательно. Сука, ну не чудесно ли, а?

Люциферу было, как всегда, наплевать. Он особо не слушал ни профессоров, ни студентов. Мой чудесный брат относился к той категории людей, которые могут все, при этом не прикладывая никаких усилий. Так называемая категория несчастных «везунчиков». С одной стороны я завидовал ему. Люцу зачитывался каждый семинар без проблем, ему было достаточно вякнуть один слог и все! Все! У него зачет! Ему не надо было стоять, как мне и выдумывать чушь, которая к тому же совершенно не нравится.

А с другой стороны – а не нудно ли это – говорить слог и иметь одно и то же слово «зачет» после? Очередная разница между мной и братом: его вполне устраивало собственное существование-штиль. Беззаботность в юношестве – потеря в старости. Я все-таки хотя бы иногда предпочитал бурю в моем океане жизни.

Роза. А что Роза? Во время чтения доклада, мне показалось, что она была влюблена в ВУЗ, в его профессоров, в

безумие, о котором они рассказывали и в его сущность, в общем. Поначалу, мне стало противно от этой мысли, словно я сколопендру руками потрогал. Я хотел провести воспитательную беседу с ней, попытаться объяснить всю абсурдность бредовой затеи опустить человечество до уровня нечеловечества, кучки имбецилов. Но я подумал, что Роза имеет право на свои мысли, мнение и желание. Какой хер дал мне право вероломно вламываться в ее голову и разрушать ее мозговую сущность? Помимо разных писек, сисек у людей должны быть разные мысли. И я снова врал сам себе. Разные мысли? Что? В любом случае мы одинаковы и действительно отличаемся только письками и сиськами...

***

Новый год. Как обычно: пили, ели, пили, ели, пили...пили...пили... Не обычно было присутствие Розы. Это был наш первый совместный праздник. Мы пили и ели. Мы смеялись и любили друг друга. Мы были счастливы. В Люцифере же не было ничего святого, он даже на такой семейный праздник притащил одно-ночную девку, посадил ее за стол и упорно делал вид, что эта дама – его королева.

Я привык. Мне было наплевать на всех его шлюх.

Роза. Я видел, как ей было тяжело сдерживать себя в рамках приличия, но она отлично контролировала свой негатив. Ей не хотелось скандалить в сочельник. Ведь если бы она за-

хотела что-то сказать «даме» Люцифера, брат мгновенно бы среагировал и началась бы совершенно неинтересная полемика, в которую они бы обязательно затащили меня. У Люцифера не было и он не видел никаких ценностей семейных праздников, да и вообще каких-либо праздников. Стадо баранов и их традиции – вот как все это выглядело для него. И, конечно, его больше беспокоила луна в небе, нежели девушка, сидящая рядом за столом. Все знали все друг о друге, поэтому делали вид, что все хорошо и типа никто не волновался.

В последних числах января мы выдвинулись на сессию, на нашу первую сессию. За первый семестр обучения я не видел особой разницы в поведении студентов, особенно в своем и Розы.

Люц, словно уже несколько тысяч лет ходил, как ненавистник мира. Ничего нового. Мне казалось, что он никогда не изменится, даже если захочет. Я, как говно, плыл по течению в каком-то русле чей-то реки.

Тринадцатое января в десять утра мы сдавали экзамен нашему куратору – Трокосто.

В тот день мы все проснулись в шесть утра, толпились в ванной, потом на кухне. Естественно, Люц и Роза успели поперекаться. Я принимал нейтральную сторону. Им просто нравилось собачиться не из-за чего. У Люца не было постоянной девушки, а это означало, что ему не с кем было ругаться, а со мной, за девятнадцать лет, я ему просто надоел.

Роза была женского пола и ей было все равно с кем ругаться, особенно, когда перед ней два парня с одинаковыми рожами: орешь на одного, мысленно называя его другим именем.

Я пил кофе. Роза монотонно бубнила лекции, как успокоительные мантры, Люцифер пел песни. Это был мой первый экзамен в университете и по всем определениям я должен был ссаться в штаны от страха и нервов, но даже выпив пару кружек кофе, я так и не обоссался.

Практически с той самой первой сессии я понял, что это не то, чего стоит бояться, будучи студентом. Например, можно иметь огромный, павлиний хвост из долгов и незачетов, с таким украшением студент автоматически не допускался до сессии. То есть, по мне было страшнее получить полную задницу долгов, чем прийти зимой на экзамен. Ведь что такое сессия? Это единственное, в принципе, время, когда профессора пытаются стать врагами номер один, выказывая свое превосходство и выдуманную планку неравенства. На самом деле человека всю жизнь кто-нибудь да пытается сравнять с говном. Чего этого бояться-то? Я не видел смысла в страхах оказаться чем-то неблагоприятно пахнущим для профессора. Будь ты лилий, для него ты все равно будешь вонять протухшим мясом.

Я не знал, что творилось в голове Люцифера, но по его песням и улыбающемуся лицу можно было понять, что он особо-то не парился, тем более, зная свою принадлежность к категории «дурочки-везунчики».

– Как вы будете сдавать? – спросила Роза, судорожно сжимая чашку с чаем.

Люцифер перестал горлопанить и посмотрел на нее таким нежным взглядом, что мне захотелось съездить кружкой по его затылку, тем самым освободить от ответа на вопрос.

– Молча, солнышко! – ответил он, скрестив руки на груди.

По его интонации я понял, что он совсем не против продолжить словесную перебранку. Роза улыбнулась и посмотрела на свои конспекты.

– Вы же ничего не знаете! – она все-таки решила ответить.

Люц смотрел на нее исподлобья и не переставал улыбаться дерзким оскалом.

– Когда все знаешь – сдавать не интересно! Что толку туда идти, если ты все знаешь? А? – спросил Люц.

– Чтобы лучше убедиться в своих знаниях...

– Я вообще не вижу смысла туда идти! – вырвалось у меня.

– В кой-то веки, братец, я полностью поддерживаю тебя! – Люц плюхнулся за стол, закинув ногу на ногу.

Он постукивал пальцами по столу и с ожиданием периодически смотрел в окна, словно кто-то должен был прийти. Но какой мудака попретса к нам в семь утра?

– Почему? – Роза закрыла конспект и уставилась на меня так, что мне показалось, что она вот-вот обидится.

Я бы не удивился.

– Потому что, дорогуша, экзамен – это не что иное, как пустая трата времени. Посмотри, почти все студенты учат

билеты в ночь перед экзаменом. А это значит, что в их памяти надолго откладывается только название предмета и имя профессора, но сам материал сразу же забывается, как только студент выходит из аудитории. Ну и какой смысл в экзамене? Запомнить имя профессора и название предмета? Я это могу сделать и без лишнего захода в университет!

Брат спасал меня в таких ситуациях. При разговоре с Розой я старался не употреблять гадкие слова и вообще вести себя более достойно, чем я был на самом деле. Смысла, конечно, в этом не было, но я действительно хотел быть немного лучше.

Роза, естественно, ответила ему очередной гадостью. Я поставил чашку и пошел в коридор. Я не хотел мешать им отрываться друг на друге перед экзаменом. Может у них был такой ритуал? В любом случае мне не хотелось снова быть свидетелем ненавистных стонов и песен друг про друга. Они оба уже привыкли, что я уходил, как только начинались дебаты инвалидов.

Без десяти десять утра мы все стояли у кабинета, на котором висел несчастный клочок бумаги (честное слово, в туалетах бумаги больше), на котором вытянутым шрифтом было написано «*соблюдайте тишину*». Это один из запугивающих маневров.

Я обнимал Розу, в то время, как она копошилась глазами в своих записях. На тот момент я пытался хоть что-то прочитать, что было написано у нее в тетради, но я слишком за-

любовался ее аккуратным почерком. Люцифер заигрывал с подругой по сексу, также периодически заглядывая в ее тетрадь.

– О боже, что ж мне делать? Я же ничего не знаю! – сзади меня раздался голос.

Это была Мелиша Ритот – одна из самых красивых девушек университета и в то же время не самая умная. Я скосил глаза и увидел ее с подругой. Они стояли и очень громко обсуждали, что им делать и как дальше жить.

– Ну ты, как всегда, похлопаешь глазками и у тебя все будет! – ответила ей подруга.

– Да? Это Трокосто, старый зоофил! Я уже давно заметила, что женский пол его не возбуждает!

Волей неволей, я перестал любоваться почерком Розы и начал слушать идиотски составленные предложения за спиной. Мелишу порой было просто невозможно слушать. Ее необыкновенной красоты рот представлял собой сплошную помойку. Весь мусор оживал, но только особые гадости хотели вырваться наружу, которые не заслуживали быть произнесенными.

Таких девушек мой разум не воспринимал как девушек, так, кусок плоти для удовлетворения плотских утех, при этом у этой сучки обязательно должен быть чем-то закрыт рот. В противном случае она может открыть его в процессе и после этого опустится все, что может и не может.

Мелиша – эталон мужских страданий и желаний...самая

настоящая проститутка, ни мало, ни много, не уважающая и не ценящая себя. Эта красивая барби ходила с задранном носом, влюбленная в себя по уши, смотрела на других девчонок, как на унитазную сидушку... Ее трахнул мой брат! Мой брат трахнул самую дорогую барби в гнилом университете совершенно бесплатно. А это о чем говорит? Ее ноги раздвигались как по взмаху волшебной палочки перед каждым желающим, но которого она желала, иначе бы ничего не вышло.

Мелиша – боль мужской части, зависть женской, и ничто в моих глазах.

– Пять человек заходят, остальные продолжают молиться! – из-за двери показался предовольный Трокосто и тут же скрылся за ней.

Вот этого мудака мне меньше всего хотелось видеть, но здесь я не мог осуществить свое желание. Схватив Розу, я поволок ее к дверям кабинета: первым идти лучше, я был уверен в этом.

– Подожди, Гавриил, подожди! – пищала Роза за моей спиной. – Я еще не все повторила!

– Тебе это не к чему! Все равно больше, чем положено, в голову не вобьешь!

– Здравствуйте мистер Прей и мисс Фреч! – протянул загробным голосом Трокосто и улыбнулся, как нарисованное солнце цветом детской неожиданности. – Мистер Прей, боюсь, Вам придется отпустить мисс Фреч, так как сидеть вы будете в разных рядах. Отпустите ее, отпустите!

«Скот» – первая моя мысль. По его смиренно-довольному лицу я понял, что нам, мягко говоря, будет не совсем приятно. Полулысый говнюк трахал прямо на наших глазах надежду поизмываться над нашими мозгами и нервами. И самое ужасное, что надежде нравилось, как ее трахают, что совсем не нравилось мне. Я даже не знаю, заметила ли Роза большую жопу, повисшую над нашими головами.

С нами было еще три человека: Лиос Нэйкэйч, Клейс Лерта и всеми любимый староста – Серж Сток. Каким чудом он затесался в ряды отважных батанов, всегда идущих везде первыми, имея в запасе несколько жизней, от саперов, я не знал. Да и какое мне было дело? Не наплевать ли мне должно было на это? Я просто понял, что Трокосто собирается распотрошить и грохнуть нас морально. Он готовился к групповому сношению с моим много страдальческим мозгом.

Нас рассадили настолько далеко друг от друга, что мне южный и северный полюса показались ближе. Трокосто подошел ко мне с кипой мелких листков и навис над партой. На его ужасном лице застыла улыбка голландского наркомана. Мне было интересно, торчал ли этот мудака или его по жизни так перло?

– Мистер Прей – протянул он и прищурил глаза.

Честное слово, я думал, он сейчас замурчит, настолько у него была хитрая рожа.

– Да? – улыбнулся я в ответ.

– Ваше имя? – любезно спросил он, покачиваясь около

моей парты, как испорченный метроном.

– Гавриил, сэр! – не задумываясь, ответил я, сделав невинный взгляд. – Думаете, что кто-то один из нас будет сдавать все экзамены?

– Все возможно, мистер Прей! – улыбнулся Трокосто. – В моей жизни уже бывали близнецы. Я видел, на что они способны, когда хорошо понимают друг друга, как они могут сотрудничать, что пока тяжело сказать о Вас с братом. Хотя, все равно, Вы можете разыграть меня!

– Нет, профессор, не можем! – улыбнулся я. – Дело даже не в том, что мы не всегда находим общий язык с братом. Дело в том, что ни один из нас не является батаном, поэтому меняться с ним местами – затея не из лучших. Толку – ноль!

– Ну что ж, мистер Прей, в любом случае, я должен был уточнить! Тяните билет! – Трокосто развернул передо мной веер из экзаменационных билетов.

Не глядя я вытащил бумажную ленту:

«1. Разновидности Лжи

2. Определение реальности»

Вот такую херню я прочитал на бумажке. Я сглотнул и поднял глаза на улыбающегося профессора.

– Номер билета? – спросил он так, словно я сидел у следователя и давал важные показания.

– Четвертый, профессор! – уже без особого веселья сооб-

шил я.

С грустью я взял ручку в руки и уткнулся в самый красивый белый лист, лежащий передо мной. Стоит ли говорить, что знал я немного не то, что было в билете?

Вот, я смело пережил самый жуткий момент на сессии. ведь практически все студенты нервничают в день экзамена до тех пор, пока не вытащат свой «счастливый» билет. Дальше обычно может быть две реакции: продолжать нервничать, так как написанные в билете предложения, составлены из слов, которые не несут в себе должной смысловой нагрузки (хотя, черт возьми, должны бы) или расслабиться, найдя в этих предложениях хоть какой-то сраный смысл. Я начал немного нервничать, ибо смысла я не мог найти. В тот момент мне было проще найти хренов смысл в человеческой жизни и мозгах, но не в билете.

– Сорок минут, Гавриил, дальше Вы идете отвечать первым! – заявил Трокосто, стоя над моей душой и уже по моим выпученным глазам он все понял, что, судя по всему, сейчас будет весело.

– Удачи! – глумливо шепнул он и пошел к следующему «счастливчику».

Я нервничал, нервничал и нервничал. «Разновидности лжи». Я нервничал. «Определение реальности». Я продолжал нервничать. «Разновидности лжи». «Определение реальности». Я нервничал. Внезапно в моей голове понесли яркие вспышки с воспоминаниями, где Трокосто, как в ре-

альности давал свои лекции. Я нервничал. «...Ложь имеет несколько форм. Мы отходим от научных столетней давности определений и углубляемся в жизнь...». «Определение реальности». Я улыбался и нервничал. Я вспомнил. Я... вспомнил.

– Мистер Прей! – позвал меня Трокосто, продолжая улыбаться, как полный кретин. – Прошу Вас! Надеюсь, Вы готовы!

– Я тоже надеюсь! – ответил я и пошел к его столу с испи-
санным листком, билетом и зачеткой.

Я не нервничал.

Уже в тот момент я был уверен, что точно наговорю что-
нибудь ему на тройку, поэтому совсем расслабился. Пока я
шел к нему, мельком посмотрел на Розу: она что-то усердно
писала, ни на кого не смотря. Я знал только номер ее билета
– семь. Что было в нем – тайна.

– Позвольте? – Трокосто вытянул руку, явно ожидая уви-
деть содержимое моего билета. Я не заставил его долго ждать
и протянул бумажку.

Профессор что-то пометил на своем листке и в тетради, я
молча наблюдал. Трокосто писал куриным почерком и пери-
одически издавал звуки, напоминающие коровье мычание.

Я посмотрел на Розу: белоснежный ангел с черной гели-
евой ручкой в руках писал стенографическим почерком. У
меня защемило в чертовой груди. Я совсем мурак! Мне надо
было сдавать экзамен, а я зарывался в любви к этому бело-

снежному ангелу.

– Я слушаю Вас, мистер Прей! – наконец, Трокосто прекратил записывать свою белиберду.

Я почему-то был уверен, что он рисовал с меня портрет в полной уверенности, что мы с братом попытаемся его обмануть.

– На какой вопрос будет отвечать первым?

– На первый и буду отвечать! – растянулся я в фальшивой улыбке дауна и завертел ручкой в руках.

– Начинайте! – профессор развалился на стуле, словно жирный босс в какой-нибудь богатенькой компании.

– Существует несколько форм лжи. – Начал я, как будто сам был профессором. – Начнем с самой маленькой и безобидной, на мой взгляд – это умолчание.

– Что такое умолчание? – Трокосто вопросительно поднял брови.

– Умолчание – одна из форм лжи, подразумевающая под собой сокрытие правды, то есть человек не говорит то, что является истиной информацией. По мне, так умолчание – самая безобидная форма. Далее я хотел бы назвать так называемую «белую ложь» – умышленное сокрытие и изменение истинной информации, рассказываемой человеку в благих намерениях. Как Вы нам говорили, «белая ложь» – святая ложь, за которую ни ад, ни рай никогда не покарает. Обычно, используя белую ложь, благо принадлежит человеку, говорящему ложь, то есть собеседник по большому счету бла-

го не получает. Цель достаточно проста – красиво соврать, притвориться, что делается это кому-то во благо, при этом неплохо поиметь с этого лично самому, рассказывая о своем героизме друзьям с печальным лицом.

– Хорошо, мистер Прей! – Трокосто улыбнулся и склонил голову. – Продолжайте.

– Существует такой вид лжи, как патологическая. Я считаю, что это люди-наркоманы, которые вместо наркотиков постоянно говорят неправду, при этом они получают несказанное удовольствие, кайфуют одним словом. Если в человеке сочетается белая ложь и патологическая, то можно сказать – это самое идеальное сочетание: и благо всегда под рукой и удовольствие от сказанного, плюс окружающие думают, что ты герой. По моему мнению, самая ужасная ложь – неосознанная, потому что человек врет, грубо говоря, сам того не желая, ввиду каких-либо обстоятельств, то есть не получает ни удовольствия, ни благо, а такое поведение приравнивается к катастрофе и измывательством над собственным организмом. Ибо человек без благо – просто одноклеточная козявка...

– Что Вы можете сказать об осознанной лжи? – профессор хитро прищурил глаза и поджал губы.

Эта сволочь жаждала моего провала, а я не мог доставить ему такого удовольствия.

– А...сэр, я бы сказал, что белая ложь в какой-то степени относится к сознательной лжи, так как сознательная ложь –

это умышленное и продуманное извращение реальности, и даже возможно ради собственного блага. Белая ложь является осознанной ложью во спасение, чаще всего в свое собственное спасение под предлогом кого-либо или чего-либо.

– Вы сказали «искажение реальности...», как я вижу в Вашем билете второй вопрос как раз о реальности. Дайте определение этому замечательному слову, как Вы его понимаете, разрешаю своими словами, отходя от определения, которое я давал на лекции.

Я усмехнулся и посмотрел на Розу. Она сидела с ручкой во рту и смотрела на меня восторженными глазами. На свое несчастье я увидел, как ее язычок дотрагивается до колпачка ручки. Твою ж мать, я чуть с ума не сошел, и то, что творилось у меня в штанах, напрочь выбивало меня из колеи.

– Мистер Прей?! – позвал Трокосто. – Я жду.

– Э...Хм...реальность – я молился сам себе, чтобы образ Розы с дрянной ручкой в ее благолепном ротике свалил из моей головы и вернул мне определение реальности.

– Да, реальность! – профессор растянулся в коварной улыбке, думая, что я просто не знаю ответ на этот «мудреный» вопрос, да черта-с-два он угадал! – Мистер Прей, Вы же знаете, что я не могу поставить Вам оценку, даже если у вас засчитан один ответ.

– Реальность – это «сейчас», происходящее в данный момент, то, что нельзя выкинуть или потрогать. Это некое бытие, от которого нельзя избавиться и невозможно присвоить.

Реальность – это мы с Вами, деревья, падающий снег за окном и так далее. А искажение реальности будет, если я скажу Вам, что за окном идет дождь, меня зовут Люцифер, а Вы – женщина. Реальность может быть поделена на некие подвиды, такие как – реальность-галлюцинация. У человека под наркотиками, точнее под LSD или псилоцибиновыми грибами, например, реальность искажена, деформированы плоские объекты и так далее. Существует виртуальная реальность, которой все мы должны быть благодарны за то, что именно она делает из нас людей – это компьютерная реальность. Также мы можем смело утверждать, что реальность у каждого своя собственная.

– Что Вы подразумеваете под этим? – Трокосто загадочно улыбнулся.

– Под этим я подразумеваю, что не существует одинаковой реальности для двух людей. Каждый человек воспринимает все по-своему: например цвет Ваших глаз, цвет моих глаз, размер Вашей одежды, размер моей и тому подобное. Все это мы видим по-своему и каждый человек видит нас по-своему... Мы можем рассмотреть реальность, как истину, то, что происходит на самом деле...

Я говорил и говорил, мне казалось, что я говорю бесконечно. Порой Трокосто усмехался, что, скорее всего, означало, что я нес бред. На самом деле, я даже не думал об искренности своих собственных слов. Я не верил самому себе. Какого черта? Как так можно существовать, не веря себе? Нет

реальности, нет правды, соответственно нет лжи, это, черт возьми, как бог и сатана – невозможно существование одного без другого, всемирный инь-янь. Но не верить себе – крайняя степень идиотизма, столь успешно распространенного людьми. Какая на хер реальность? Какая к черту ложь? Ничего этого нет, есть только то, во что человек хочет верить. Если ложь – это искажение реальности, а реальность у каждого своя, значит, лжи не существует вовсе! Человек лишь говорит то, что извлекает из своей реальности и мгновенно называется лжецом. Но, черт побери, как показать свою собственную реальность другому человеку? Это же не возможно ни фига! Во-первых, надо заставить другого человека отказать от своей реальности и показать ему другую. Но вот вопрос: человек может видеть только то, что он видит, чужую реальность ему на хрен не надо видеть. То есть, он не хочет становиться лжецом, будучи являясь им с самого рождения, с самого сраного рождения.

Если же представить, что реальности не существует, то ложь опять-таки не может существовать, потому что в таком сраном случае нечего исказить! Реальность – фрагмент настоящего? Сукин сын, настоящего же тоже не существует: нет той паскудной секунды, что задержалась бы в настоящем, нет той миллисекунды, нет ни атомов, и молекул, ни нейронов, ни протонов существующих в несуществующем настоящем.

Часы – самый, мать его, коварный показатель будуще-

го и прошлого, но даже это мудреное и мерзопакостное устройство, умеющее отсчитывать проклятое время (которого, кстати, всегда мало), не может указать настоящее. На циферблате есть секунда в прошлом и секунда в будущем, но ее никогда не будет в настоящем. Фотографии хранят прошлое так же, как память, хранит планы и вариации мудацкого будущего, но что хранит несуществующее настоящее? Ничто. Никак. Нигде.

Трокосто с чистой совестью поставил мне твердую четверку, испоганил мою девственную зачетку своей мерзкой подписью и отправил за дверь, указательным пальцем подманивая к себе Розу с гондонской улыбкой на лице.

– Позовите Люцифера! – крикнул он мне вслед и устоял на мою белоснежную жемчужину.

– Иди, выродок! – подошел я к брату и шепнул ему на ухо, пока он терся у очередной дамочки.

– Я не хочу сейчас! – отрезал брат и снова прицепился своими цепкими клешнями к девушке.

– Да кто ж тебя спрашивал-то о твоих гнилых желаниях? – усмехнулся я. – Трокосто ждет тебя прямо сейчас!

– Сволочь! – выругался Люц, чмокнул девушку и вошел в кабинет.

«Вот урод!», подумал я, глядя ему вслед. Я нисколько не переживал за брата, ибо эта сволочь могла выкрутиться из любого дерьма. Мне просто хотелось дождаться Розу и пойти куда-нибудь погулять.

– Гавриил? Ну что там? Он зверь? – услышал я за спиной открывающуюся помойку Мелиши.

Что было хуже всего, так это то, что помимо того, что я услышал ее голос, я еще и почувствовал ее руку на спине, как она провела вдоль моего позвоночника и остановилась почти что у задницы. Я четко это прочувствовал, так как был в легкой кофте с длинными рукавами, которая превратилась в шелк (сраная моя реальность) от ее прикосновений.

– Нет, разве что полевая мышь, которая потеряла свою норку в поле и охренительно зла из-за этого! А так больше ничего не было! – сказал я вполоборота, слегка улыбаясь.

Я не видел ее баснословного лица, но ее горячую руку на нижней части моей спины все еще чувствовал. Эта несуществующая для меня девушка видимо не собиралась убирать руку.

– Мне стоит его опасаться? – чертова дрянь занялась флиртом, ведь она даже не догадывалась, что для меня она всего лишь – призрак.

– Тебе стоит выкопать новую норку для расшвырявшей мышки, иначе ты станешь зерном подсолнуха и тебя проглотят вместе с очистками! – прошептал я ей на ухо, аккуратно убирая ее руку с поясницы.

– Ты мне нравишься, Гавриил! – Мелиша растянулась в белоснежной улыбке.

Шоку моему предела не было! Я нравился Мелише! Что ж за твою мать-то? Не могу сказать, что я обрадовался или

расстроился, но то, что я до безумия удивился – это да!

– Э... кажется, снег перестал! – ответил я и тут же мне захотелось двинуть себе по лбу так, чтобы глаза вывалились!

В коридоре не было окон, а я, как всесильный ведьмак рассказывал об изменениях в погоде в ответ на выраженную симпатию! Какое же я золотце, не правда ли? Судя по удивленному лицу Мелиши, она тоже была искренне шокирована моими паранормальными способностями. Почему-то в тот момент мне показалось, что я всю свою сознательную жизнь буду чувствовать себя мудаком из-за того, что из моего рта вылетает потрясающие смысловые предложения на хрен никому не нужные и мне в том числе. А после этих умных слов я чувствовал себя главой притона педерастов!

– Гавриил! – я услышал спасательный возглас, принадлежащий Розе.

Как же, черт возьми, я обрадовался, что мне не придется выдумывать интересную историю о том, как я узнал, что снег прекратился и к чему, вообще, я это сказал и тому подобные вещи.

– Пока! – полебезил я, пропищав тонким голоском прощальное слово и ломанулся к Розе.

Тут мне словно кол в задницу вогнали: невооруженным глазом было видно, что на лице моей девушки носилась разъяренная ненависть! Как же я обрадовался! Меня ревновали!

– Как сдала? – спросил я и уставился на нее.

Я был похож на бешеного пса с торчащим языком и капающими слюнями. Я был просто в дичайшем восторге из-за увиденной ревности.

– Пять! – ухмыльнувшись, ответила она. – Чего Мелиша хотела от тебя?

– Спросила, как проходит экзамен, пытается ли Трокосто студентов раскаленными щипцами! – быстро ответил я и взял ее за руку.

Ее холодные пальцы казались мне безжизненными в моей ладони. Роза не сжимала мою руку! Вот так мерзопакость-то! Она обиделась!

– В чем дело? – спросил я, упорно делая вид, что все ж нормально и, вообще, я ни черта не понимаю, что происходит.

– Не в чем. Пошли! – сухо ответила она и двинулась вперед.

Я дернул ее за руку и подтащил к себе. Роза подняла глаза, огромные океаны и посмотрела на меня, захлопав ресницами. Господи, я поражался, с какой скоростью менялись эмоции на ее лице: злость, ревность, ненависть, злость, любовь, ненависть... Я крепко держал ее за руку, на всякий случай, вдруг мадам взбредет в голову залепить мне пощечину прямо перед всем университетом.

– В чем дело, Роза? – спросил я еще раз, превосходно скрывая свои эмоции.

Роза хлопала пушистыми ресницами и пыхтела, как па-

ровоз из детской железной дороги. Я был безумно рад, что поймал ее на ревности, мне даже было нестрашно, что, возможно, я буду должен извиниться.

– Мне не нравится, когда Мелиша разговаривает с тобой! – Роза не стала ходить вокруг да около: она точно испытывала приступ ревности.

– Она просто спрашивала...

– Эта тупая девочка положила глаз на твоего брата. Одной совместной ночи ей показалось маловато, она хочет больше. Но так как ей глубоко наплевать кто из вас Люцифер, а кто Гавриил, она может и к тебе домогаться!

Пока я слушал ее, у меня чуть ли судороги не начались оттого, что я слышал, от счастья!

– Роза, ты не можешь обидеться на меня только потому, что Мелиша спросила меня об экзамене!

– А я и не обижаюсь, я просто злюсь! – на меня уставились пылающие огнем глаза.

– Успокойся, ладно? Я только лицом похож с братом, поведение у нас совершенно разное, как ты уже могла в этом убедиться! Я не собираюсь приставать к Мелише – этой девушки для меня не существует... – Ну вот, я уже начал оправдываться в том, чего не делал, чего не было даже в мыслях.

За все время общения с Розой я все больше и больше убеждался, что она манипулирует мной, а я не всегда хотел сопротивляться этим манипуляциям. Девушки все вре-

меня пытаются заставить мужчин сделать три самых желанных вещи: они хотят услышать слова любви, слова сожаления, неважно кто был виноват на самом деле (типа виноваты всегда двое, но извиняются только ребята) и слова «ты всегда права, дорогая». Да, в тот момент я оправдывался во избежание ссоры. Но я не хотел говорить ни одну из тех фраз, которую Роза явно ожидала услышать.

– Просто пойдем, прогуляемся? – предложил я.

Она смотрела на меня так, словно я предложил ей заняться групповым сексом прилюдно. Я дотронулся до ее лба и погладил милую морщинку, которая придавала ей суровый вид. Я хотел, чтобы эта морщина разгладилась, но вместо этого там появилась еще одна – только удивленная. Какое же я все-таки сентиментальное ничтожество!

– Хорошо. – Пропустила Роза сквозь зубы.

Было видно, как все безумные чувства боролись в ней. Своей чудной, белоснежной головкой Роза понимала, что несет херню. Но она уже начала ее нести, а остановиться – это слишком до хрена сил нужно. Роза была слаба, настолько эмоционально слаба, что мне ее просто было жалко. Милая девушка обожала нести собачью чушь, и каждый раз, когда она это понимала, ее лицо менялось. В щенячьих глазах читалось «блин, какая чушь!», но рот продолжал выплевывать незаслуженные проклятия.

– А ты брата не хочешь подождать? – спросила она внезапно.

Вот я снова удивился. Почему ее опять интересует это отродье?

– Нет. Зачем? – сделал я удивленное лицо, вместо разгневанного.

Может, как только Роза оказывалась в затруднительном, неловком положении передо мной, она тут же приплетала Люца, специально, чтобы побесить меня?

– Не знаю...

– Ты с ним хочешь погулять? – я спросил прямо.

– Нет! – с легкой агрессией ответила она и пошла вперед.

Мои предательские глаза поползли по ее круглой попе, а руки вспомнили то чувство, когда они дотрагиваются до ее тела! Я, как озабоченный маньяк, шел сзади нее и пускал слюни. Я хотел схватить ее, затащить за угол и насладиться шипастым цветком.

Мы пошли в парк, умудрились купить пива и сигарет. Хотя и на улице все-таки шел снег, было невообразимо тепло и приятный холодок пощипывал щеки. Мы шли в обнимку и глотали ледяное пиво. Роза уже успокоилась и вроде бы даже забыла о существовании Мелиши и Люцифера.

Пусть я буду выглядеть полной развалюхой, слабаком, но я был счастлив в тот момент. Невозможно описать счастье в такие идиотские минуты. Не существует таких слов, ни матерных, ни высокопарных, никаких, чтобы сказать то, что говорит внутри. Сраное счастье, передача чувств и опыта не поддаются описанию. Поглядеть на это ближе? Что тут счаст-

ливого? Зима, таскаешься по улице с пивом, где в бутылке плавает лед, рядом идет девушка с жутко покрашенными бровями, которая полчаса назад пыталась сравнить меня с калом, выудить из меня идиотские слова, которые повторяют в бестолковых сериалах. А в это время, ты идешь и понимаешь, что ты, черт возьми, счастлив, и даже не можешь описать своего грандиозного счастья. Хочется назвать такого человека ремарковским «последним романтиком»? Нет, последней, бессловесной тварью.

Настроение у Розы поднималось, как ртуть в градуснике у лихорадочного больного. Я счастливо и отрешено думал, какого ж хера мне делать дальше? Тринадцатое января, а девятнадцатого – у Розы день рождения, а двадцатого января в расписании экзаменов стоял зловещий предмет Лафортаньяны. Но мне было наплевать на эту психованную истеричку, я переживал, что у меня было всего пять дней, чтобы девятнадцатого января Роза была счастливой. Сраное счастье, которое я должен был ей подарить. Ненавистные люди всю свою жизнь становятся консерваторами, либералистами, идеалистами, херистами, но беда в том, что неважно какую философию человек избирает – счастье он получает не от своих идиотских мыслей или иной херни, а от материализма. Люди мгновенно становятся материалистами, как только речь заходит о счастье, при этом у нас хватает наглости говорить всем подряд, что я – идеалист, я питаюсь никчемной духовной пищей. Ха-ха! Сколько бы мы не сожрали своей ду-

ховной пищи, все равно без материальной пищи – сдохнем. А женщина сдохнет без материального подарка. Это же элементарно, стоит просто представить лицо девушки, когда ты даришь ей билет в консерваторию на затраханный до мозга костей концерт Вивальди, который лбом, наверное, пробил уже крышку гроба, от исполнения его произведений нелепыми и бездарными музыкантами. А представить лицо девушки, когда перед ней открывается что-то дорогое, блестящее или конверт, испускающий запах денег и тому подобная херня.

Мне не было жалко для любимой девушки никакой херни, я не против материализма, но где мне было взять основное материальное говно – деньги, на фигню, желаемую девушкой?

– Ты меня любишь? – вот от этого вопроса я чуть не выронил бутылку, не споткнулся об собственную ногу и не выругался матом.

Я остановился и уставился на запорошенные снегом деревья. Это был охренительный провал. Если я хотя бы смотрел на нее, а не на гадкие снежные ветки, может я бы быстро ответил на этот наглый вопрос.

– В чем дело? – спросила она, пытаясь отвлечь меня от злосчастного дерева.

– Ни в чем... – прошептал я.

Мне было не по себе от таких вопросов. Я впал в ступор, а Роза, судя по ее лицу, впала в приступ бешенства. Девуш-

ки думают, что парням нечего стесняться, что мы не имеем права бояться, смущаться... В общем, мужик – это сраный робот, которого природа сотворила для воспроизведения потомства, больше от нас толку никакого. Роза не понимала, что я смущался говорить такие слова, то есть она считала меня мудлом, который боится сказать о том, что чувствует. И мне было плевать на это!

– Что значит «ни в чем»? – переспросила она, приподняв брови.

Она приготовилась нападать на меня по своей глупости.

– Ты не хочешь отвечать на мой вопрос? Или ты стесняешься?

Я посмотрел в ее большие голубые глаза и улыбнулся. Внешне я сохранял спокойствие, но внутри меня творился полноценный ад. Мы были вместе пять месяцев...я должен был сказать о своих чувствах. Но неужели она ничего сама не видела, как я к ней отношусь? Неужели она не чувствовала меня?... На кой черт нужно было спрашивать такие вопросы? Польстить самолюбию?

– Ты не замерзла? – спросил я очередную глупость за тот день.

– Нет. Я хочу, чтобы ты ответил на мой вопрос. – Розы улыбнулась и прижалась ко мне, специально пробуждая мое мужское начало, которому было абсолютно наплевать на зимнее время.

– Господи... – прошептал я, обнимая ее, ужасно желая и

жутко ненавидя одновременно.

Пару раз в неделю я стабильно спрашивал себя «почему именно эта девушка?». Импульсивная, крикливая, постоянно обижается, безумно любит себя, хочет быть еще женственнее, чем ее сделала природа, хохотушка, скандалистка, упертая... «Почему именно эта девушка рядом со мной?». Но ответа не было, даже если бы какой-нибудь невидимый мудак все-таки сообщил мне ответ, я бы все равно не услышал его, как бы не старался. Почему именно я должен был говорить ей эти слова? Почему я вообще должен был говорить? Моя душа никак не хотела мириться со словом «должен», а мозги, неугомонная гадость, прекрасно понимали, что это моя жизненная стезя.

– Почему ты молчишь? – Голос Розы медленно, с каждой буквой, переходил на сопрано. – Тебе вообще нечего мне сказать? Я ничего не значу для тебя?

У меня перед глазами промелькнула пара картин из сопливых мелодрам, которые любила смотреть наша мать. И недолго думая, я воспользовался одной из них! Я просто нагло поцеловал ее, чтобы она помолчала немного, а мой тупой мозг сообразил бы интенсивнее, что делать дальше. Ну, никак я не хотел говорить слова любви именно в тот момент. Но Розе было невозможно объяснить, что «я люблю тебя» должно вырываться из тела само, естественным путем, а никогда кто-то выпрашивает сраные признания. Я никогда в жизни так долго не целовался, да я просто боялся прекращать це-

ловать ее, боялся, что она продолжит задавать глупые вопросы, заставляя меня говорить то, что хочет слышать. Через какое-то время она отпрянула от меня, хватая ртом воздух и слегка задыхаясь.

– Фух! – рассмеялась Роза, хватаясь за меня руками. – Это было забавно! Что на тебя нашло?

– Ничего! – я опустил голову и смущенно улыбнулся. – Пойдем!

Вечером мы с Розой сидели на кухне и пили чай. Она больше не вспоминала о своем вопросе, ну или делала вид, что забыла о нем. Мы обсуждали с ней гадкий университет, который порядком мне надоел и к тому же стал вмешиваться в мою личную жизнь.

– Ты даже не подождал меня, дружище! – уже совсем вечером Люц ввалился в дом.

Он был немного пьян и как всегда весел.

– Ты сдал что ли? – спросил я, разглядывая его измазанную в помаде физиономию.

– У меня был выход? – спросил он, присаживаясь к нам за стол. – Конечно, сдал! Пять!

– Пять? – Роза открыла рот и вытаращила глаза.

Если мне было наплевать на оценки брата, да и на свои тоже, главное, что мы сдали этот унылый кал, то Розу очень беспокоили циферки в ее зачетке и не только. Она так тщательно готовилась к экзамену, чтобы получить убогую пятерку, и, конечно же, ее взбесило то, что Люцифер, который

трахался, бухал и шлялся все время перед экзаменом, тоже получил пять.

– Ага! Злишься, лапушка? – гневно спросил он ее.

Я хотел начать ревновать, но передумал: назревала очередная перепалка, чего я-то должен был тратить нервы на бессмысленную ревность?

– Как? – выдавила из себя Роза, скрипя зубами.

В тот момент я решил абстрагироваться от реальности и молча понаблюдать за глупой разборкой.

Меня поразила внезапная красота Розы. Для меня она была неким, мать его, божеством, ангелом. Но к моему великому счастью или несчастью я умел смотреть глазами любовника и глазами постороннего человека. Со стороны Роза была безумно симпатичной, но не красивой. В момент ее злобы, я мог спорить с кем угодно, что она была красива: белоснежная, рваная челка падала на глаза, расширенные черные зрачки блистали гневом Ареса – вот, что пятерки делают с девушками!

– Как-как... – передразнил ее Люцифер. – Я умею разговаривать с людьми, Золотце! Особенно с такими, как Трокосто! Я раскусил его!

– Что это значит? – спросила Роза.

Я смотрел на ее безумные глаза и ждал что из них вот-вот посыплются искры.

– Это значит, что Трокосто – несчастный, использованный гондон! – рассмеялся Люцифер и прикурил сигарету, неот-

рывно разглядывая большущие глаза Розы.

– Да, Люцифер! – выдержав паузу, сказала Роза. – Очень содержательно и доступно, а главное, как понятно-то! Ты знаешь, тебя противно слушать! Вместо рта у тебя просто помойка! Если тебе нравится жевать помои, я не в силах запретить тебе делать это, но я в силах запретить тебе разговаривать со мной так! Я не желаю слушать эту... мерзость! – Роза встала и пошла наверх.

С улыбкой на губах я проводил ее взглядом. Что же случилось, если бы она могла залезть в мою голову и увидеть мозг, заваленный жутким словесным поносом?

Самое ужасное – я был не совсем против этого навоза в голове и на языке.

– Ну что, Золотце? – переспросил я брата, глядя на его постную рожу – он, видимо, хотел еще чуток полаяться с Розой и никак не ожидал, что она уйдет.

– А вот ты, отвали от меня! – Люц снова улыбнулся и переключился на меня. – Уж перед твоей рожей я точно слова выбирать не буду! Чего это она такая неженка? Я же лично ей ничего оскорбительного не сказал!

– Оскорбительно было то, что ты вообще появился на кухне! – улыбаясь, ответил я. – Ты действительно нашел общий язык с Трокосто? Как? Что ты ему наплел?

– Случаи из жизни, братишка! На самом деле я немного раздражен. В пабе сидел с очень миловидной дамочкой. Уже собирался тащить ее домой и обмывать женским теплом

свой первый экзамен, как эта дрянь пошла в туалет и больше не вернулась! Я, черт, прождал ее полчаса, когда понял, что меня тупо надули! Как ты думаешь, что я сейчас испытываю?

– Я думаю, что тебе паршиво, но это хорошо. Отдохни хоть одну ночьку. Послушай тишину, раз ты сегодня неудачник, но зато с пятеркой!

– Пошел ты! – Люц второй раз послал меня и развалился на стуле, попивая пиво и улыбочиво посматривая на меня.

– Люц, что мне делать? – прошептал я, уставившись в стол.

Люцифер икнул и поставил бутылку на стол.

– Чего? Ты о чем? – спросил он, ничего не понимая. – Куда ты вляпался?

– Никуда! – быстро ответил я все тем же шепотом. – И не мог бы ты орать потише!

– Мог! – Люцифер перестал орать на весь дом. – Что ты натворил?!

– Ничего! У Розы день рождения девятнадцатого! Вот чего! – сказал я и скосил глаза в сторону.

– А... ну это жопа! – брат улыбнулся и снова схватился за бутылку. – Глубокая, ни хрена не светлая жопа, брат!

– Спасибо, Люц! Ты мне просто охренительно помог! – я злился.

Разговаривать с братом на такие темы – полезное дело, тренирующее мозги и нервы. С одной стороны можно было все сделать и без его помощи, но с другой – через его постель

прошла ни одна рота девушек, которые перед этим изливали ему души. Люцифер – просто депо женских переживаний, плачей, радостей, желаний и соплей. Говорить о какой-либо девушке без брата, означало целую кучу кала высыпанную на голову.

– Какие мысли? – спросил он расслабившись. – Я могу с легкостью охарактеризовать твою даму, без специальной подготовки!

– Валяй! – почему-то впервые мне стало интересно мнение брата, зная, что он будет высказывать его жестко, используя нелицеприятную лексику, а я очень не любил, когда кто-либо оскорблял мою девушку.

– Человек может все, брат мой, абсолютно все. Нет никаких рамок и пределов ни для кого, кроме тех, которые он сам создает себе, чтобы потом всем ныть, какой он, твою мать, несчастный, потому что у него ничего нет, и видите ли, взять ему это неоткуда! А все потому, что некая ленивая дрянь сидит и только мечтает о том, чтобы что-то свалилось ей на пустую голову. Я ведь никогда не был против детских наивных мечтаний, но мы же взрослые люди, мы научились пользоваться письками и иногда мозгами... которые приносят нам идиотские барьеры, типа мешающие достичь реальности!

Я смотрел на брата и думал, а не двинулся ли он умом окончательно? На кой хер он говорил мне такие странные вещи, что он хотел сказать этим? Он что, мудака? Я его спросил об одном, а он выдал мне престранную тираду, не име-

ющую ни одной общей нитки с темой разговора!

– Люц, ты как? Все нормально? – почему-то спросил я, немного все-таки распереживавшись за душевное состояние единственного родственника.

– Ты ни черта не понял! – огрызнулся он с легкой улыбкой на гнусной роже.

Я расслабился: брат был в порядке, никакой злобный дух не завладел им.

– А что я должен был понять из твоего офигенно философского ответа, который вообще не имеет места здесь быть! Я спрашивал о Розе и ее дне рождения, а не про способности человека!

– Очень даже все имеет место быть! Человеческие способности и день рождения твоей мегеры чуть ли не эквиваленты! – рассмеялся брат.

В тот момент я почувствовал себя до невозможности тупым. Я просто не понимал, о чем говорил новорожденный философ.

– Да... совсем плохо дело! – продолжил Люц, глядя на мой отсутствующий взгляд. – У тебя пять дней до всемирного счастья! Ей же восемнадцать будет? Нет? Да мне по боку на самом деле! В общем, что я могу тебе посоветовать: топай на вокзал, сейчас там наверняка пришло пару товарняков и алкаши как всегда не справляются с разгрузкой. Иди, помоги им. За пять ночей, я думаю, ты нагорбатишься ей на золотое колечко.

– Золотое колечко? – изумился я.

Да ешкин же кот, он что доконать меня хотел? Золотое, черт возьми, колечко!

– На кой черт Розе золотое колечко?

– Брат, ты вообще что ли наглухо тупой или ты поржать задумал надо мной? – Люц изумился или взбился, я не понял его эмоцию, но точно осознал, что он не шутил. – Алле, Гавриил? Ты – молодой человек, в твоей кровати – девушка. Девушки и аурум вступают в потрясающую химическую связь. Ты спрашиваешь, на кой черт ей это колечко? На кой черт водороду одна молекула кислорода в воде? Это ты знаешь, да? То же самое и с девушками – аурум – это их вторая молекула, без которой не будет воды. Не все этого требуют, но ни одна не откажется! Выбор за тобой, братишка! – Люц жадно присосался к своему пиву, лукаво рассматривая меня.

Золото. Девушка. Может Люц был в чем-то прав, я не знал наверняка. Девушка. Золото. Почему именно с этим металлом? Почему не с железом? Почему хотя бы не сраный аргентум? Забавно, что я являлся переходником для этой чудной реакции. Но я не заметил в Розе потребности в желтом металле.

– ... Слушай... Она не должна знать, что я работаю по ночам...

– Думаешь, она будет переживать за твое драгоценное здоровье? – перебил меня Люцифер.

– Да нет, просто тогда это будет не сюрприз, если она узна-

ет, что я хожу на подработку. Ей сразу же станет интересно, почему я это делаю. Понимаешь? – тихо и с некой печалью в голосе сказал я.

Мне просто стало хреново из-за слов брата о девушках и золоте. Я не верил, что то же самое можно было сказать о Розе. Черт, о ком угодно, только не о ней. Мой седовласый ангел класть хотел на металл гепатитного цвета. Эта девушка была выше всяких побрякушек... Но я должен был проверить! Да, да! Я верил ей, но не совсем. Как можно кому-то полностью доверять, как... черт, я даже не знаю, как кому. Ты сам себе не веришь полностью, а уж другому человеку – очень сомнительно! И конечно, независимо от реакции Розы на золото, я все равно буду любить ее... Самовнушение...

– Люц, короче, она не должна знать, что меня нет дома! – выпалил я, сделав серьезную рожу для полной убедительности, что я не шутил.

– Ну, я могу с ней покувыркаться, пока ты будешь потеть... Уверен, она не заметит разницы! – Люц растянулся в паршивой улыбке.

– Тогда я буду думать, что положить тебе в гроб! – проскрипел я, очень сильно надеясь, что этот козленок шутил, используя свой ничтожный юмор.

– Вот когда-нибудь я дождусь от тебя благодарности! – он рассмеялся. – К кому же тебе идти за помощью, как не к брату? Я сделаю все, чтобы она не заметила!

– Не вздумай к ней притрагиваться! – мне было не смеш-

но.

Ему я тоже не верил. Ему, черт, я, наверное, меньше всего верил! Но идея мне нравилась. Его рожа отвлечет...ладно, заменит мою, и он прав... Роза не заметит разницы... Я даже не знал, обидеться ли на нее мысленно за это или это нормально? Ведь никто не видел разницы между нами, кроме нашей матери.

– Доверься мне, братишка! – Люц подмигнул мне и поплелся наверх в гордом одиночестве.

Я уже забыл, когда в последний раз видел его одного, идущего в спальню. Наверное, это было к лучшему – пусть отдохнет.

Когда я поднялся к Розе в комнату, было уже около двух часов ночи. Роза спала. На ее лицо падал свет фонаря и, черт возьми, она была прекрасна: нимфа, сбежавшая из сказки Андерсена. Я так страстно желал эту нимфу...но ее день рождения...вагоны. Я коснулся ее руки и улыбнулся: если ей нужны молекулы аурума, я достану их для нее.

До пяти утра я тягал огромные тюки, деревянные коробки, бочки и какую-то другую херню. Я опьянел от усталости и снова отрезвел. Я распотрошил не один вагон за это время. Работал очень быстро: чем больше вагонов, тем больше денег. Я даже сам не знал, что способен на такое. Я тягал, складывал...брал, тащил, отпускал, время шло. Я спотыкался, но тащил, руки тряслись, но я держал. Я успел так много, сколько раньше не получалось. Раньше я не верил в себя, а

тогда поверил в нужду. Вот такая замечательная фигня эта нужда – поверишь во все силы и в себя заодно. А если рядом есть еще и человек, который подкинул эту нужду, то все получится в два раза быстрее. Роза была именно этим человеком, а я всего лишь сраная пешка, помогающая достать ей нужду.

Утром я пришел домой, быстро ополоснулся и буквально упал рядом с девушкой, ради которой отключил на хер свой мозг. Не каждый человек может заставить себя отключить мозги и пользоваться только конечным роботом. Роза заставила меня сказать голове «все отлично, нам было хорошо вдвоем!».

В восемь утра Роза открыла свои замечательные, голубые глаза и, конечно же, пнула меня: чего это я сплю-то? Я проснулся. Я сделал вид, что выспался. Я ненавидел ее в тот момент! Искренне ненавидел, но выспался!

***

Девятнадцатое января. Я трясся от холода под дверью ювелирного магазина, в то время как Роза нежилась в кровати, наслаждаясь сном. О...сон. За пять дней жуткой работы я стал похож на наркомана с огромным стажем, который одной ногой стоит в могиле: у меня появились синяки под глазами, сосуды все полопались – то есть, мои глаза были все время красными, руки тряслись, голова болела. Почувствуй

себя стариком в девятнадцать лет. Но девятнадцатое января не думало об этом! Голова была занята только днем рождения Розы.

Я стащил одно из ее колец, чтобы подобрать новое по размеру и надеялся, что она не успеет проснуться до моего возвращения, ну или просто не успеет прийти в себя.

Утро было чертовски холодным, я проклинал всех и вся, кроме Розы. Но я ждал. В течение пяти дней я не потратил ни одной копейки. Я не ел, не пил, не срал, не ссал... да чего уж там, я не жил. Пять дней выпали из моей жизни. Всего чего я хотел – это подарить Розе необходимый компонент для того, чтобы она вступила в реакцию, сказать ей, что я все-таки люблю ее и упасть спать. Мне кажется, я проспал бы пол своей жизни. Люц рассказал, что за все пять дней ему пришлось только один раз притвориться мною.

Роза проснулась ночью и пошла искать меня. Каким-то чудом услышав это, Люц прокрался на кухню и сел за стол, притворяясь, что что-то пишет. Естественно, Роза, увидев чувака в моей майке и трусах, держащего ручку в руках и знающего, что с ней делать, сразу же подумала, что перед ней не может сидеть отморозок Люцифер. Но этого отморозка мне до сих пор хочется прибить. Ведь когда Роза решила, что это – я, то стала допытывать, какого черта я там вырисовываю. Мой ненаглядный братик не смог придумать ничего более умного, чем сказать: *«Пишу стихи для тебя»*. И затем он клятвенно пообещал вручить их ей девятнадцатого янва-

ря, то есть в тот день, когда я хотел сделать Розу счастливой.

В общем, спасая мою многострадальческую задницу, он навалил на нее еще больше кала. Так что помимо ночных разгрузок мне, черт возьми, надо было еще и стих чертов сочинить.

Стоит ли говорить, что я очень смутно помнил, как выглядят стихи, я даже не говорил о какой-либо возможности написать самому эту херню. Конечно же, спасибо я брату сказал в троекратном размере. Я ненавидел его. Хоть он и доказывал, что у него не было выбора, я все равно думал, что это было сделано специально. Ну и в результате, пока Роза готовилась к встрече с чокнутой Лафортаньяной, я, вместо того, чтобы спать в этот момент, сидел и пытался притвориться поэтом. Для этого у меня было почти все – ручка, бумага, девушка, нищета, молодость и любовь... Но мне не хватало боли! А это очень сильный недостаток! За неимением боли писать искренне не выйдет. Без боли все получается слишком лживым. Чего стоит написать стих, посвященный любви без боли? Ничего. Но найти смысл этих строк будет проблемно. Пустота чернильных строк – стих без боли. Но одна лишь черта, проведенная болью вмещает в себя ни одну страждущую жизнь и все что с ней связано... Твою мать, у меня не было боли... и я писал пустынную чушь на белоснежном листе, которая вылезала из моей головы по строкам, как нежеланные дети. Там не хватало только песчаных бурь и перекаати-поле. Это все, на что я был способен.

Я писал...мял и выкидывал. Перекати-поле. Пустота пустыни. Я писал. Мял. Ничего не выходило. Время убежало...Время утекало... Время послало меня на хер. На листе оставалась чернильная пустыня. Я писал... Времени не было. Я написал. Я поверил, а вдруг Роза любит пустыню и перекаати-поле...

Магазин должен был открыться через пятнадцать минут. Я достал клочок бумаги с писаниной в форме стиха и прочел еще раз.

*Однажды кто-то проснется,
Кто-то закроет глаза навсегда,
Лишь цепь вопросов замкнется.
Кажется, свет не исчезнет никогда.
Что взбаламутит кого-то?
Где же тот секрет?
Для любви...но нет, не то!
А может это бред?
Однажды кто-то поймет,
Рассвет – это мнимый ответ.
Цепь вопросов – один лишь гнет.
Глупые люди, помните слово «нет».
Однажды будет одно лишь мгновенье,
Возможно, придаст нужных сил,
Попытка прожить в мучении.
Крик души из сизых жил.*

*Однажды будет луна вместо солнца,
Будет лишь мрак везде и всегда.
И по прошествии мига
Последняя глупость исчезнет в никуда.*

*Но все-таки странно, немного отважно
Вдруг не наступит больное однажды.*

Как-то не был похож мой стих на признание в любви в день рождения любимой девушки. Стих пустыни. Я ненавижу Люцифера за его язык. Я надеялся, что Роза очень обрадуется кольцу и забудет о стихах. Но какая-то тварь во мне подло рушила все надежды, говоря, что у меня заберут и кольцо и бредовые стихи.

– Вы что-то хотели? – к двери магазина подбежал мужчина с красным носом.

Я кивнул ему в ответ, ожидая, когда он откроет дверь. В тот момент мой мозг был занят лишь одним вопросом: у меня такой же красный нос? На какое-то сраное мгновение я забыл о своих несуразных стихах, о Розе, о ее дне, а Люцифере и о его охренительной помощи.

Красный ли у меня нос?

Ничего больше не могло отвлечь меня от этой мысли, пока я не начал выбирать кольцо. Как наивный гондон, я полагал, что моих заработанных кровью и потом денег хватит на какое-то особое, красивое кольцо. Я отменно повеселил про-

давца! Узнав, сколько у меня денег, он культурно намекнул, что у витрины с белым золотом и бриллиантами ловить мне нечего. Указательным пальцем мне ткнули на скудный ряд нищенских колечек из желтого золота. В том ряду выбирать было не из чего. Я взял тонкое колечко, желтого цвета, без каких-либо украшений и излишеств.

Выйдя из магазина, я понял, что я в полном дерьме: нищенское кольцо и мудацкий стишок – все для любимой девушки. Я брел по улочкам к дому. Я не спешил. Да какого черта спешить – мне было страшно! Я боялся испортить Розе настроение своими никчемными подарками. Но какой у меня был выход? Мне очень хотелось провалиться сквозь землю... Или можно было пойти, двинуть кому-нибудь по голове, забрать деньги и купить красивое кольцо... Какая же глупость развлекалась у меня в голове! Земля никогда в жизни не разверзнется передо мной и не позволит свалиться еще одному говну в ее недра. А лупить прохожих по голове... да с чего это они должны скидываться на подарки для моей девушки? Тогда я буду выглядеть совсем и окончательно мураком.

Я тащился по улице. Начался снег. Огромные ватрушки снежных хлопьев падали с неба. Мне было уже нехолодно по мере приближения к дому, где спал мой постаревший на год ангел. Мой нос теперь, наверное, был бледен, как у мертвеца. Я сам был как мертвец из-за своего собственного идиотизма...

Дверь тихонько скрипнула и я вошел в коридор. В доме стояла невозможная тишина, она разрывала мне голову и грудь. Мне было тяжело дышать... Я даже не думал, что чей-либо день рождения может повергнуть меня в такой шок.

Роза спала. У входной двери, на первом этаже, мне показалось, что я слышал, как она спит, как дышит, как она прекрасна без накрашенных бровей.

Я еще не спал после рабочей ночи...и я не хотел спать. Почему-то мне стало так хреново морально. Но я знал, что как только Роза проснется, я должен был сделать вид, что моему сраному счастью нет несчастного предела.

– Привет! – вниз спускалась девушка ослепительной красоты, в одной лишь рубашке Люца.

Золотистые волосы, густые, как будто на ней был парик. Я никогда не видел, чтобы у человека было столько волос, честное слово. Ее волосы, как волна океана, спускались к пояснице. Глаза, золотисто-коричневого цвета, как клиновые листья красочной осенью. Сумасшедшие, нереальные глаза... Ресницы, темно-коричневые брови...белая кожа...Твою мать... Она должна была быть живой, она не могла быть куклой. Бледно-красные, пухлые губы...Идеальная, гладкая кожа... Как же я хотел, чтобы это чудо оказалось всего лишь миражом моего воспаленного мозга.

– Привет... – брызнув слюнями, ответил я ей.

Девушка улыбнулась и весело спустилась вниз, ближе ко мне. Впервые, мне стало жалко девушку Люцифера. Ведь он

пользовался ими только на одну ночь. Мне искренне не хотелось, чтобы золотой девушкой он воспользовался тоже только на одну ночь. Я даже не хотел спрашивать у себя, где он откопал это невозможное чудо природы, я лишь хотел, чтобы он не делал ей больно.

– Гавриил? – ее голос звучал, как идеально сыгранная мелодия Шопена.

Я кивнул в ответ.

– Люцифер рассказывал о тебе пару дней назад, но не говорил, что вы близнецы! Рада знакомству. Меня зовут Нинель!

– Ага! – ответил я и облизал губы, не зная, какого черта делать дальше.

– Как же вы похожи с братом! – пропела она, не прекращая улыбаться.

Я терялся хер знает, где из-за ее присутствия и ее улыбки. Постепенно меня начало попускать, я стал возвращаться к реальности. Эта девушка сказала, что Люц говорил обо мне пару дней назад... Это что, хреновый сон? Два дня назад! Люцифер с этой девушкой уже три дня? Либо я чокнулся, либо мой брат! Как такое было возможно, что мой брат с душою бесплатной проститутки с одной девушкой три дня? Да для него это как половина жизни прожить с одним человеком... Нет. Нет, это невозможно! Я болен! Но девушка не была моим паскудным миражом.

– Мне надо идти... – прошептал я и улыбнулся чудакова-

той улыбкой.

Я оставил это божество в коридоре, и словно вихрь, занеся на второй этаж, крадись к себе в комнату. Мой седовласый ангел спал, раскинувшись на кровати.

«Какого черта, а?» Это все, что было у меня в голове на тот момент.

Нинель.

Как же было бы офигительно, если бы Люцифер похоронил Нинель в своей голове, сердце и душе. В таком случае он перестал бы пускать свои тягучие слюни на Розу и вообще оставил бы ее в покое... А может ему было бы просто насрать?

– Привет! – прозвучал хрипловатый голос.

Я тут же взглянул на Розу. Она открыла глаза и с улыбкой смотрела на меня. Ну, вот мне и конец... с моими оголтелыми подарками. Чуть ли не со слезами на глазах я подполз к кровати, словно провинившийся щенок, и заграбастал ее в объятия. Я хотел спрятать глаза. Мне было действительно стыдно. Провалиться сквозь землю на тот момент? Это всего лишь мечта дауна, а мне надо было просто исчезнуть, как будто вылез какой-то маг-чародей и поковырялся у меня в голове своей корягой, называющейся в простонародье – волшебной палочкой. Я чувствовал себя ничтожеством...

– С Днем Рождения! – прошептал я ей на ухо, так и не показывая глаз. – Все, что я могу сказать тебе в этот чудный день... в твой день, так это – оставайся всегда такой прекрас-

ной...Больше ничего не хочу говорить, чтобы не быть до жути банальным и поверхностным...

Пока я шептал ей, пряча свои глаза, я думала о стыде и нелепости... Перед глазами пробежал образ Нинель в рубашке Люцифера. В тот момент я окончательно понял ошеломительное серьезное различие между страстью и любовью. Я любил Розу, как безумная навозная муха любит коровий кал, как комар, который не может жить без крови, как собака, обожающая глотать кости, как человек, жаждущий увидеть на небе луну и солнце одновременно, но этого никогда не случится, как растения любят воду, как пустыня, молящая о дожде... И трахнуть Нинель, как жестокий, необузданный маньяк, насладиться ее телом...ощутить ее всю, не боясь притронуться к ней, вообще не боясь... Ведь поначалу мне было страшно дотронуться до Розы, было страшно помять хоть один маленький шип, лепесток... Мне не было жалко Нинель, я не боялся... Да я просто увидел в ней необыкновенно красивый, притягательный кусок мяса. Интересно, что Люцифер увидел в ней? Наверное, то же самое, что и я. Вот чушь какая, а! Почему одни девушки созданы для чего-то большего, чем просто для секса, другие же созданы не больше, чем для секса? Почему одну любят дома, в то время, как в кровати ласкают бешеную суку?

Я решил, что мне ни к чему думать об этом и вспомнил, что обнимаю Розу и пытаюсь поздравить ее с днем рождения. Я аккуратно достал из кармана кольцо (мне не хватило

даже на низкопробную бархатную коробочку) и замер. Что я должен был делать дальше? Что сказать? Как и куда спрятать стыд?... В результате я просто надел ей кольцо на палец и опустил глаза, жаль, что они у меня не вытаскивались и не убирались в карман. Им бы там было самое место в тот момент.

– Что это? – тихо прошептала она.

Я, не отрываясь, смотрел на одеяло, и думал, что все – это конец, ну или Роза в начале поржет надо мной, а потом все равно – конец.

– Эй... – протянула она, поглаживая меня по руке. – В чем дело, Гавриил? Что с тобой?!

Я молчал и продолжал смотреть на одеяло, нервно сжимая пальцы... Мне конец...конец...Она будет смеяться, глумиться и всячески издеваться. Я не должен был этого делать...надо было просто купить букет цветов, пару ручек и тетрадок...да хер его знает, что-то полезное.

– Гавриил? – Роза снова позвала. – Ты оглох?

– Послушай... – Я повернул к ней голову, но так и не смог посмотреть в ее глаза. – Я просто хотел... Хотел, чтобы тебе понравилось...

– Да мне нравится! – перебила меня Роза. – Мне никогда раньше не дарили золото! Это самый лучший подарок! Правда!

Мне казалось, что я упаду и двинусь головой об пол от радости. Мне польстили ее слова и, в итоге, все-таки заста-

вили мои глаза осмелиться взглянуть на нее.

Роза светилась неподдельным счастьем. Я никогда не видел такой потрясающей улыбки, таких искренне живых глаз, такой непомерной радости. Короче, по словам Люцифера, Роза явно вступила в реакцию с золотом... И я был счастлив, что она радовалась. И самое милое так это то, что сам того не ожидая, я начал получать благодарность. Ее маленькие руки начали шустро расстегивать рубашку, в то время как ее голубые глаза неотрывно смотрели в мои. Тело, по приказу головного мозга, покрывалось мурашками животной страсти, дикой похоти. В ее глазах стояли слезы... Часть меня жаждала узнать, почему слезы, от чего... Но часть, которая хотела ее, как женщину, не позволяла языку задавать вопросы. Я плюнул на слезы и прикоснулся к ее горячим губам и чуть с ума не сошел.

Да каждый раз, когда мы оставались наедине друг с другом в постели, я сходил с ума. Это достаточно приятное чувство, словно что-то сильное и крепкое хватает за руки и ноги, поднимает в небо с легкостью и аккуратностью. Мое тело не чувствует ни какой опоры, сплошная невесомость, только цепкие когти безболезненно держащие мои конечности. Я, как маленькая детская башенка, витал в облаках, и самое ужасное – мне не хотелось возвращаться на землю. Витать в облаках в наше мерзопакостное время это почти нереально, невозможно. Погрязшие в убогости лжи люди не помнят этих детских радостей. Роза – единственный человек, ко-

торый опускался в эту пучину тошнотворной брезгливости, чтобы заставить меня витать в гиблых облаках. Я даже не обращал внимания на способ, который она избрала, чтобы мысленно отправлять меня на небеса...

На следующее утро я был не так весел, как мне хотелось бы, и самое ужасное, что в этом некого было винить, кроме себя самого. Роза, как продуманная девочка, не стала отмечать свой день рождения перед экзаменом у Лафортаньяны. Роза поблагодарила меня за подарок и отправилась готовиться к пыткам.

Я просидел с ней весь день и, как не прискорбно признавать, просил ее читать бредовые лекции вслух... Честно говоря, мне было не по себе от мысли, что пойду к бездушной тетке Лафортаньяне даже не прочитав ни одной лекции. Мне ж в таком случае просто не жить! Роза любезно перечитывала по несколько раз злосчастные лекции, словно они ей нравились, чего нельзя было сказать обо мне.

Если раньше я ненавидел предмет Лафортаньяны, а она сама мне просто не нравилась, то в предэкзаменационный день я ее уже ненавидел, а предмет просто ни во что не ставил. Но я был уверен: не было ни одного студента во всем университете, который бы имел дело с этой мерзкой женщиной и не опасался ее, по крайней мере. Я опасался... очень сильно. Мне было не страшно, что из-за ее жуткого предмета меня могли отчислить, а вот то, что она могла унижить меня прилюдно, не давало мне покоя.

Естественно, Люцифер занимался чем угодно, только не подготовкой к мракобесью. Что меня больше всего поражало, да нет, просто убивало, Нинель все еще была в нашем доме. Черт возьми, с одной стороны я искренне хотел порадоваться за брата – возможно, он нашел девушку, которая ему в самый раз. Но с другой стороны – мне это не нравилось. Мне не нравилось, что в нашем доме будет шлаться еще одна девушка... причем очень сексуальная и притягательная... В общем, Люцифер весело проводил время, вместо подготовки к экзаменам.

Нинель. Я даже не знал, была ли эта девушка из нашего университета, но то, что она не собиралась встречаться с Лафортаньяной – это был очевидный факт. Когда мы завтракали перед выходом в университет, к нам присоединились Люц и Нинель. На этот раз девушка была одета... по-человечески, но мой придурковатый брат смотрел на нее так, словно с ума сошел. И тогда я усмехнулся: мне в голову пришла идеальная мысль, злая, подлая и правдивая. Благодаря своему бреду я сразу все понял. Я понял, почему Люц так стремительно цеплял Розу, почему смотрел на нее, как на кусок мяса, почему в его глазах пылала страсть, обтрахавшаяся с ненавистью. Ревность. Черт побери, это была ревность. Никогда не думал, что буду ревновать этого недоноска Люцифера к бабе. Мне не нужна была его сексапильная девушка, я боялся, что она уведет Люца из дома. Но что я мог сделать? Я мог только соврать себе и сказать, что искренне желаю брату

счастья... Я все-таки эгоистичная сволочь. Хотя именно по причине ревности мой брат доставал Розу... как я думал.

Они расселись за столом. На их мерзко-блаженных рожах застыла гримаса счастья, а на моем мерзком сердце появился рубец. Я начинал ненавидеть стерву, сидящую рядом и мило воркующую с моим братом.

– Сегодня будет весело! – улыбнулся Люц Розе. – Ты готова, лапушка?

Мне захотелось заржать! В глазах Люцифера все равно металась чокнутая страсть к Розе. Я видел по нему, что он хотел ее...

Нинель – самый красивый презерватив, который когда-либо был у брата. Мне было жаль, что его, уже использованный, выкинут в унитаз, где канализация смешает его с калом. Вот, кто такая была Нинель! И понял я это именно тогда, за столом. С одной стороны мне было жутко смешно... с другой – я боялся за свои отношения...

Что сделал Люцифер после завтрака, чуть ли не лишило меня жизни, слов, разума, мыслей... Нинель ушла наверх, оставив Люца допивать кофе. Роза, с улыбкой на губах, смотрела на меня и прихлебывала чай. Люцифер встал, подошел к ней и замер, словно вкопанный. Я тоже замер.

– Роза, дорогая! – торжественно заявил он, словно меня там не было. – К сожалению, вчера у меня не было возможности поздравить тебя с днем рождения... Но сегодня я это сделаю.

Люц достал из кармана коробочку и протянул ее Розе. Я, парализованный от шока, сидел и смотрел за всем этим ужасом. Мой белоснежный ангел протянул руку и взял коробку, но на ее лице был шок, изумление и... удовольствие. Люцифер поцеловал ее в щеку, что окончательно чуть не довело меня до сумасшествия. Когда его губы прикоснулись к бархатистой нежности Розы, мне показалось, что он целует ее уже целую вечность... на моих глазах... чертову вечность... И Роза... ее губы медленно растягивались в радостной улыбке, она не прогоняла Люцифера, а наоборот, подставив щеку, сидела и наслаждалась.

– Надеюсь, тебе понравится, лапушка! – негромко сказал он, оторвавшись от ее щеки и пошел к себе в комнату, даже не посмотрев на меня.

Для них обоих я был пустым местом в тот момент. Такое никчемное, пустое место! Нет! Я был сломанным стулом, на котором уже нельзя было сидеть, нельзя было починить... но выкинуть было жалко. Мне стало дурно, словно я пил несколько дней до этого. Меня даже тошнить начало!

Роза открыла коробку – на ее ладони лежала серебряная цепочка с кулоном в виде бутона розы. Как бы мне хотелось наврать самому себе, своим глазам, но я не мог. Я отчетливо видел, что Розе нравился подарок и то, как его преподнесли.

Я вскочил со стула и понесся за Люцифером. Я настиг его на втором этаже около комнаты. Схватив его за шкуру, прижав к стене, я жаждал вырвать его сердце.

– Какого хера ты делаешь? А? – прошипел я ему на ухо, тряся его за грудки. – Какого хера?

– У тебя сейчас кровь из носа пойдет! – прошептал он мне в ответ, убирая мои руки. – Я всего лишь поздравил девушку с днем...

– Ты поздравил МОЮ девушку! – перебил его я и снова потряхнул за грудки.

Люцифер стоял около стены и улыбался, а я мечтал приклонить его к раскаленной конфорке лицом.

– Ты поздравил ее так, словно меня там не было, словно меня вообще не существует, как будто она...не моя девушка, а твоя!

– Ты чокнулся? – Люц усмехнулся еще шире. – Гавриил? Ты мой единственный родственник, я прошу тебя, не теряй рассудок! Я имею право поздравлять всех, кого хочу и как хочу! И убери руки, пока я их сам не убрал...

– Что здесь происходит? – прозвучал взволнованный голос Розы.

Я мгновенно выпустил из рук рубашку Люца и обернулся к ней. На ее шее красовался блестящий кулон, как кусок грязи, раздражающий мои нервы. Краем глаза я заметил, что на лице моего брата сияет легкая улыбка, так как он тоже увидел, что Роза надела его подарок.

– Тьфу! – плюнул я и пошел в комнату, собираться в университет.

Пока я поспешно одевался, я слышал, как Роза и Люц

о чем-то шепчутся. Наверное, в такие моменты происходят убийства, которые потом показывают во всех глупых шоу по телику. Я держался, чтобы не стать очередной ничтожной звездой мозгоразрушительного шоу.

Я выскочил из комнаты и пробежал мимо болтающей парочки, стараясь не смотреть и не обращать внимание. На улице я чуть ли не бегом бегал вокруг машины, пытаюсь придумать оправдания ей, ему и себе. Может я был болен? Действительно, что такого в том, что мой брат подарил моей девушке подарок на день рождения? Ей также мог кто-нибудь другой подарить... и скорее всего я был бы спокойнее... Пока мы ехали в университет, в машине стояла гробовая тишина, только Люц изредка издавал смешки. В руках у меня была ручка и как же сильно я хотел воткнуть ее в его руку... Я сходил с ума!

Меньше всего я думал о Лафортаньяне, а стоило бы...

– Гавриил, в чем дело? Что с тобой?! – раздался утомленный голос с заднего сиденья.

Я обернулся и посмотрел на Розу. В лучах встающего зимнего солнца переливался кулон Люца на ее шее и поблескивало кольцо на пальце, подаренное мною, а на ее лице блистала легкая улыбка.

– Все хорошо, Роза! – я попытался улыбнуться, стараясь найти и поверить в нормальность поступка моего брата.

Хотя тогда мое ничтожное сердце полыхало болью, обидой и злостью.

– Его бесит, что я поздравил тебя с днем рождения! – усмехнулся Люц и посмотрел на нее в зеркало.

– Заткнись! – прошипел я, забивая голову всякой чушью, стараясь отвлечься от мысли об убийстве брата.

– Господи, да это же просто поздравление! – вскрикнула она, изумленно, но радостно хлопая глазами. – Гавриил! Это уже перебор! Ты ко всем меня будешь ревновать?

– Я не ревную! – огрызнулся я, не поворачиваясь к ней. – Мне вообще по херу, кто и что тебе дарит!

В это время Люцифер злорадно хрюкнул, подавляя смешки. Этому уроду, как всегда, было весело. Стезя моего брата – подкинуть кучу кала близкому, а потом поржать над ним, увидев, как он смачно наступил в эту кучу. Я еще никогда в жизни не хотел убить его так, как в тот момент.

– Гавриил! – Роза произнесла мое имя так, словно по мне пели панихиду.

От звучания ее замогильного голоса мне захотелось провалиться сквозь землю и никогда больше не вылезать обратно.

– Ты что себе позволяешь? Чтобы это был первый и последний раз, когда по отношению ко мне звучат такие мерзости! И прекрати врать, в конце концов! Ты ревнуешь и занимаешься чушью. Нет причин для ревности! Но теперь у тебя есть причины, чтобы извиниться передо мной! Я не позволю, чтобы ты со мной так разговаривал, я не твоя игрушка...

Роза верещала всю дорогу до университета, даже не давая

мне возможности сказать скорбное «прости», которое она явно ждала услышать. Люцифер, словно прокаженный, неотрывно пялился на дорогу, и, судя по всему, был уже сам не рад, что спровоцировал этот разговор, точнее вопли Розы.

Мне хотелось оторвать себе голову, лишь бы только не слушать тихие, но монотонные, писклявые угрозы. Я уже давно понял, что совершил ошибку, сказав «мне по херу», но Роза не оставляла мне возможности даже пикнуть об этом. Так что, пока я слушал, какой я мудака, мысли мои были о том, что на самом деле, Люцифер – вот самый главный мудака того утра, из-за которого все началось, но который не собирался прекращать весь тот бред.

На улице шел снег. Белые пушистые снежинки... мерзкие снежинки валились с серого неба. Роза не замолкала. Люц делал вид, что он один во вселенной, а я смотрел, как убого падал снег. На кой черт он падал в тот момент? Обычно снег приносит кучу радости, но не в тот мерзопакостный момент!

Сдача экзамена приближалась, я почти не нервничал. Да нет, точнее я нервничал, но не из-за экзамена, а из-за того, что Лафортаньяна сожрет меня с говном, не успев даже ни одного вопроса по теме спросить. К тому же, я еще продолжал ненавидеть брата за то, что он сделал; за то, что он даже не нервничал перед экзаменом; за то, что ему вообще было насрать на все; за то, что он вообще родился! Я ненавидел его за то, что ему было насрать на мою ненависть!

Я стоял у кабинета, сверлил взглядом стенку, краем уха

слушая заигрывания Люцифера с однокурсницей, и словечки, вставленные Розой в их разговор. Я снова оказался крайним. Никто не понял своей ошибки! Ну чего ж там было непонятного? Люц не должен был ничего дарить, Роза, в свою очередь, не должна была принимать его подарки! И тогда бы я был как обожравшийся питон! Но нет же! Я еще и сволочью оказался!

– Она тебя зовет! – из кабинета вышел бледнолицей парень из 2А.

Я даже не помнил, как его звали, честно говоря, мне было наплевать. Я кивнул ему и вошел в кабинет. Я чувствовал спиной пожирающий взгляд Розы, а в ушах раздавались наплевательские возгласы и смешки Люца! *«Да плевать»*, подумал я и растянулся в слащавой улыбке, глядя на Лафортаньяну. Эта гадина в женском обличье тоже сидела с блаженной улыбкой.

– Здравствуйте, мистер Прей! – спокойным голосом сказала она. – Вот мы с Вами и встретились!

Вот после последнего предложения мне захотелось смеяться. Это был не просто намек, но явная угроза, злорадное предупреждение, что если я вдруг каким-то чудным образом сдам этот чертов экзамен, то за это чумное чудо, я буду расплачиваться в течение оставшихся пяти лет. А какого черта меня это вообще должно было волновать? Лафортаньяна существовала в ВУЗе для того, чтобы довести половину студентов до безумия, морального исступления, а другую –

просто уничтожить. Но стоит отдать ей должное – у нее не было любимчиков! Она всех одинаково ненавидела, чтобы никто не ревновал. Так что я смирился с участью и бытием говна в присутствии профессорши.

– Я ждал этой встречи, профессор! – я почти не соврал!

Я действительно ждал, только вот что-то я не припомнил, чтобы меня переполняли какие-то радостные чувства по этому поводу! Зато глядя на нее я точно понимал, что некое злорадство затопило ее всю, полностью. Что за идиотизм? А с другой стороны, ей вообще ничего не надо было, лишь бы только поиздеваться над студентами.

Внезапно в голову ворвалась мысль о Розе, как всегда в неподходящий момент. Я сел на стул, облокотился и закрыл глаза. Я не хотел думать о ней, о ее мерзком дне рождения, о брате, о том, что угробил целую неделю на то, чтобы сделать ей приятное... Я хотел, чтобы в моей голове появилась темнота, пропитанная ничтожной чернотой. Порой насладиться темнотой – одно из самых несбыточных желаний. Херня в том, что полную черноту перед глазами проще всего наблюдать только после того, как проснулся, пока пытаешься вспомнить очередной бредоподобный сон. В тот момент я безумно хотел видеть грязную черноту, но видел – голубые глаза, заполненные природным счастьем.

– Вы сюда поспать пришли, мистер Прей? – надо мною нависла Лафортаньяна со стопкой листов в руках.

Я медленно открыл глаза и с улыбкой посмотрел на нее.

– Нет, профессор, я вспоминал некоторые нюансы, о которых Вы упоминали в Ваших потрясающих лекциях! – мой голос был полностью пропитан иронией и сарказмом.

На кой черт я этот делал? Ведь Лафортаньяна была далеко неглупая женщина...да надо было быть законченным идиотом, чтобы не понять интонацию моего голоса!

– Смелость, мистер Прей, имеет несколько разновидностей. – Улыбчиво ответила она. – Первая, когда человек идет на медведя с голыми руками, чтобы спасти дорогого ему человека. Вторая, когда ведьма говорит в глаза инквизитору, что она – ведьма, потому что гордость не позволяет сказать: «простите, но я простой смертный человек». И третья, это человек, пытающийся прослыть умным и острым на язык, за счет другого человека! Как Вы понимаете, мистер Прей, третья смелость – самая глупая смелость, обычно приводит к тому, что над так называемым смельчаком смеются все, в том числе и тот человек, из которого пытались сделать тупицу!

Я смотрел на мегеру! Вот оно! Я этого и ждал! Лафортаньяна, наконец, запустила машину уничтожения людей. Я улыбнулся, слегка облизнул губы и опустил глаза. Ну что я мог ей ответить? У меня же был экзамен... Мне хотелось его сдать. Но после ее ответа, я уже задумался о будущем результате, записанным в зачетку...

– Где Ваш брат? – спросила она, раскладывая передо мной пасьянс из билетов, предлагая выбрать какой-нибудь.

– Ждет смертного часа...под дверью...как обычно! – пробубнил я, тщательно разглядывая листы, лежащие передо мной.

Я попытался увидеть сквозь лист, что было написано в билете. Я мечтал увидеть хотя бы одно знакомое слово... Но бумага была очень плотная, совсем не просвечивалась, тем самым лишая меня возможности сдать чертов экзамен.

– Тяните билет, смелее, представьте, что это медведь – а у вас нет никакого оружия против него, кроме рук! И те, навряд, ли помогут! – Лафортаньяна намекнула на эпичный конец экзаменационного дня.

– Вот этот! – я ткнул пальцем наугад в грудку белых листов.

Профессор улыбнулась и перевернула билет.

– Третий! – прошептала она и что-то пометила у себя на листке. – Начинайте готовиться, мистер Прей! У Вас сорок минут на все!

Краем глаза я видел, как ее круглая задница удалялась от меня. И даже глядя на ее пятую точку, я заметил там злостную улыбку и издевку.

Лафортаньяна подошла к двери и я услышал, как имя, которое я почти проклинал в тот момент, наполнило аудиторию своим звучанием. Брат вошел в кабинет с самодовольной улыбкой...мне было тошно...Совсем не хотелось сдавать экзамен, разговаривать с Лафортаньяной, чувствовать сидящего недалеко брата...

На тот момент я чувствовал себя жутко уставшим. Дей-

ствительно, я устал от ревности, от постоянных мыслей о том, что Роза может исчезнуть в любой момент. Странно: я любил ее, любил так, как никого никогда не любил, но мне так не нравилось пытаться поверить в любовь, поверить в то, что она святая и не способна причинить мне боль... Я должен был научиться верить Розе, что она могла отвечать за свои поступки... Я обязан был поверить в то, что Роза любит меня так же, как я ее, иначе я был в шаге от того, чтобы загреметь в сумасшедший дом.

Я посмотрел на билет и улыбнулся: к моему великому удивлению, мне несказанно повезло. На оба вопроса я знал ответы. Я помнил их с тех самых мрачных лекций, когда Лафортаньяна тыкала своим дьявольским трезубцем в студентов и громко смеялась, объясняя очередную бредовую идею.

Мне вспомнилась лекция, когда Крис Уэлкс, местный низкосортный клоун и болван, был изгнан из аудитории с жутким позором. На самом деле он просто сидел и аккуратно кушал сандвич под партой. К его несчастью Лафортаньяна заметила это и вызвала его к доске. После нескольких вопросов, на которые он не смог ответить, профессорша высмеяла его, сказав, что раз он такой тупой, то ему действительно надо больше кушать, чтобы не быть похожим на несчастную козявку, размазанную под партой. Она отправила его в столовую, наедать вес. Крис был красного цвета. Смеялась Лафортаньяна, смеялся весь класс... по-другому быть не могло.

Когда смеется тот, от кого ты зависишь, лучше посмеяться

с ним вместе, чем потом плакать в одиночестве. Обычно тот, кто смеется, как лидер, имеет нихеровую власть, а спорить с властью, ничего не имея при этом – лучше не стоит... Но я всегда пытался, поэтому Лафортаньяна не упускала возможности посмеяться надо мною, заставляя всю аудиторию смеяться. Я никак не мог привыкнуть к тому, что меня постоянно высмеивают, наверное, поэтому, не переставая, хамил и сам пытался поржать над ней. Стоит ли говорить, что у меня ни черта не получалось?

– Мистер Прей, Вы готовы отвечать? – ее голос прозвучал на всю аудиторию, как ржавый колокольчик.

Не поднимая головы, я улыбнулся – а что мне оставалось еще делать?

– Который, мэм? – спросил Люц, удивлено хлопая глазами.

– Ваш брат! – Лафортаньяна улыбнулась ему не так, как мне.

Я понимал ту очевидную разницу, которую она определила между нами: по каким-то мифическим причинам Лафортаньяна симпатизировала Люциферу и громко ненавидела меня, как мне казалось. А мне ничего не оставалось, как только наслаждаться этим.

– Да, профессор, готов! – не дожидаясь ее очередного вопроса, ответил я.

– Прошу Вас, Гавриил! – Лафортаньяна указала мне на пустой стул около ее стола.

Я пошел к ней. Мне казалось, что я шел несколько сраных лет эти метры. Я превратился в окаменелую черепаху, которая сама уже давно не двигается, а только с помощью ветра и эрозий. Как только я все-таки дополз до стола, я с грустной улыбкой уставился на ее бледноватое лицо.

– Садитесь! – она разбирала какие-то листы, аккуратно раскладывая их в стопки.

Ее движения говорили только об одном – она нервничала! И в тот момент я обосрался! Она нервничала не потому, что боялась меня, а потому, что была рада, что вот-вот влепит мне парашу. Эти мысли не давали ей покоя...и мне уже тоже...

Я медленно опустился на стул и неподвижно уставился на нее. Лафортаньяна не переставая ковырялась на столе, чем начала меня жутко раздражать. Но что я мог сделать? Ничего.

– Что с Вами? Вам плохо? – с долей сарказма и шаловливый улыбкой подняла на меня глаза Лафортаньяна.

– Нет! С чего Вы взяли? – быстро спросил я, в действительности же, пытаясь прийти в себя от внезапных нервов.

– Вы бледны, как полотно! – усмехнулась она. – Я так понимаю, что это не тот цвет, с которым Вы родились! Ваш брат выглядит намного натуральнее!

Она снова принялась за свое, пытаясь выставить меня жалким ничтожеством перед пятью студентами, сидящими в аудитории. Я улыбнулся ей в ответ, с видом «как же ты меня

достала, глупая стерва».

– Начинайте! – кивнула она, подперла рукой голову и при-
нялась смотреть в окно, не обращая никакого внимания на
меня, как будто меня там и не было.

В очередной раз она показывала свое превосходство и
указывала на мое ничтожное место в жизни.

Мой первый вопрос был такой же, как и мой первый долг:
про разрушение в городе. Наверное, стоит сказать, что это
было великое счастье. Я мысленно начал перечитывать до-
клад и сразу же рассказывать. Я говорил медленно, тянул
время, иногда откашливался, делал паузы... Лафортаньяне
было наплевать! Она даже не скрывала этого! Скука, лазаю-
щая по ее лицу, жутко бесила меня. Но моя участь была та-
кова, чтобы хавать все это! И я хавал!

Когда я договорил, я помолчал несколько секунд, а затем
сказал «все».

– Это было очень интересно! Правда! – Лафортаньяна зев-
нула, хорошо, что не потянулась. – Я почти не спала!

На секунду, я подумал, что мне не жаль тех нескольких
лет тюрьмы, которые мне дадут, если я воткну ручку про-
фессорше в шею. Оно того стоило. Я бы стал спасителем для
последующих курсов. Я бы освободил их от жуткой твари,
ее гнилого сарказма и цинизма, от ее гнусной рожи... Но за-
тем перед глазами пробежала одна белая и пушистая овца,
за ней другая, за ней третья... Так я досчитал до пятнадцать
и улыбнулся.

– Я старался, мэм! – громко и четко ответил я, гордо вскидывая голову.

– Ну что ж, друг мой, Вы заработали крошечный плюсик, который возможно поможет Вам сдать экзамен в итоге! – блаженным и тихим голосом сказала она.

– Почему «крошечный» плюсик? – поинтересовался я.

В билете было два вопроса, на один я ответил, так какого же черта «крошечный» плюсик? Да я почти снова впал в приступ бешенства!

– Насколько я помню, мистер Прей, этот вопрос Вы отвечали мне докладом, совсем недавно, так? Так! Ну, так вот я считаю, что вполне имею права задать Вам дополнительный вопрос, чтобы поставить полноценную оценку! Вы согласны со мной, мистер Прей?

Лафортаньяна впиалась в меня глазами, ожидая ответа... Я вспоминал, как выглядят вблизи сетчатые глаза стрекозы – мысли об этом забавном насекомом отвлекли меня от желания прибить Лафортаньяну.

– А у меня есть другой выход, как сказать «я согласен»? – спросил я, тоже улыбнувшись.

Действительно, что мне еще оставалось, только сидеть и улыбаться.

– Выход есть всегда, мистер Прей! И только от Вас зависит, что за цифра будет нарисована в Вашей зачетке! – улыбнулась Лафортаньяна. – Начинайте следующий вопрос!

Я вздохнул и посмотрел на вопрос в билете: «Парк или

два новых жилищных дома. Значимость. Решение». Все чертовы боги и божества были на моей стороне, ибо я помнил, как Лафортаньяна вычитывала лекцию о городских парках и застройках. Я отчетливо помнил, как она говорила о совершенстве, комфорте, удобстве и других важных выгодах для человека при стройке. Я помнил, как она говорила: «... что толку от этих никчемных парков? Животных там нет, молодежь устраивает вечеринки, вместо того, чтобы заниматься чем-то полезном, учебой например. Парки, особенно с незначительными прудиками, отвлекают людей от важных дел. Воздуха, как такого, парки дать не могут. В этом можно убедиться, зайдя в городской «лес» и выйдя – ни один из вас не почувствует разницы между воздухом в парке и вне. Деревья, несчастные кустарники с разными ядовитыми ягодами, которые, кстати, иногда едят дети и умирают от этого, также бесполезны. А по осени слишком много сухих листьев, которые засоряют пешеходные дороги даже вне парка. Парки занимают не маленькие территории, на которых могли бы появиться несколько жилых домов с большей выгодой для человека, нежели пара деревьев, одно из которых хвойное. Постройка домов дает большое преимущество человеку в виде места жительства. Стройки приносят крупные доходы государству, подумайте о благосостоянии вашей страны...».

Весь этот бред я вспомнил и с горечью подумал о том, что у меня все-таки не было выхода, как только повторить речь Лафортаньяны, которую она жаждала услышать. Как можно

было вообще сравнивать природу и несчастные жилые постройки, которые падают, как карточные домики при легком дуновении ветерка? Как эта дура, Лафортаньяна, не могла понять, что рано или поздно природа все равно трахнет человечество в тупую голову так, что мы исчезнем не оставив даже грязного следа после себя. Для Лафортаньяны мелкий парк не значил ничего... Но как я мог ей объяснить, что для меня парк, например, место, где мы гуляли с Розой, значит больше, чем ничтожный дом! Мне снова стало грустно...но делать было нечего и я медленно начал мямлить ее слова ей же, пока она опять таращилась в окно...

– Достаточно! – минут через десять она уставилась на меня с легкой улыбкой раздражения.

Я был в шоке: вот это да! Она раздражалась из-за того, что я отвечал ей... Совершенно чокнутая женщина!

– На несчастную тройку Вы уже достаточно ответили! – тихо сказала она и снова уставилась в окно.

Я хотел спросить, почему на тройку? Ведь я достаточно хорошо ответил на два экзаменационных вопроса... можно сказать, даже на пятерку! Но потом я подумал, а не все ли равно, что эта идиотина мне поставит? Что такое оценка? Кто дал ей право оценивать меня? Оценка, во многих случаях, зависит от отношения преподавателя к студенту. Отношение ко мне было оценено в туманную тройку, чуть ли не в парашу... Но я был уверен, что мой брат получит твердую четверку, если не туманную пятерку. Нет, как я уже сказал,

у Лафортаньяны не было любимчиков, она просто специально поступала так с моим братом, чтобы позлить меня. Но я твердо сказал себе, что мне должно быть все равно...

Лафортаньяна молчала, я тоже. Спросить что-либо — означало нарваться на очередную порцию унижений, честно говоря, мне больше уже не хотелось. Я скосил глаза на брата. Он, подперев голову рукой пустым взглядом таращился на меня. Правильно, зачем ему готовиться к ответу?!...

— Последний вопрос, мистер Прей! — тихо сказала она, поворачивая ко мне голову.

«Давай, завали меня уже, и мы оба отмучаемся», подумал я. Ее безразличные глаза снова уставились на меня и повисал жуткая тишина. Лафортаньяна хмурилась, мрачнела и молчала.

— Давайте зачетку, Вы мне надоели! — строго, даже раздражено заявила она, окидывая меня недовольным взглядом.

Ничего не понимая, я протянул ей зачетку и мельком посмотрел на брата: он пялился в окно.

— Счастливо! — выкрикнула Лафортаньяна, сунула мне зачетку и позвала следующего неудачника — моего брата.

Я вышел из кабинета, даже не посмотрев на оценку. В коридоре было полно народу... там была Роза. Я попытался перезагрузить голову, удалив оттуда всю информацию... неприятную информацию.

— Как ты? — я обнял ее и прижал к себе. — Прости...

Ну хер с этим со всем. Плохо мне было, плохо чувствовать

дрянь у себя в теле, осадок после ссоры... Черт с Люцифером...плевать на все.

Она улыбнулась и уткнулась мне в грудь. Может я и был мудаком в тот момент, но это было такое счастье – чувствовать ее тепло и видеть нежную улыбку, понимая, что я прощен.

Роза пошла сдавать экзамен, а я остался ждать ее под дверью. В это время из-за нее показался ненаглядный братец. Ну, вот на него мне совсем не хотелось смотреть и я отвернулся.

– Эй, братишка! – но Люцифер не любил, когда к нему поворачивались спиной.

– Ну? – буркнул я, но решил все-таки остановиться.

Люцифер подошел ко мне. На его лице, как и обычно, в общем-то, бегала легкая улыбочка. Для моего брата словно не существовало ничего святого...ничего.

– Ты действительно дуешься на меня из-за подарка? – спросил он, жуя жвачку.

Как же мне хотелось двинуть ему по роже...а что мне мешало это сделать? Ничего! Я и двинул, да так, что у меня кости на руки свело. Братишка же не заставил себя долго ждать! Дальше я ничего не понял, что произошло: кулаки, звезды, ноги, пыль, снова кулаки, крики... Крик Трокосто и дальше мы повисли у него в руках, как несчастные щенки, но продолжали брыкаться, пытаясь дать друг другу по морде.

– Вы совсем обнаглели? – Трокосто вернул мне немного

разума, но это не все...

Через секунду выскочила Лафортаньяна, услышав вопли в коридоре.

– Что здесь происходит? Вы, двое, почему еще здесь? – спросила она грозно, затем, наконец, заметила Трокосто. – Профессор?

– Просите, профессор... – я попытался извиниться, лишь бы только ничего не выслушивать, но я опоздал...

– Драка? – взвизгнула Лафортаньяна, увидев кровь на лице Люца. – Вы что, совсем бессовестные? Срывать мне экзамен своими глупыми криками и драками? Что все это значит? Глупые дети! Почему вы вообще еще здесь, около кабинета? У вас уже есть оценки, а вы мешаете мне аттестовывать других! Обнаглели...

– Профессор, я разберусь! – улыбнулся Трокосто. – Продолжайте экзамен! За мной!

Трокосто отпустил нас и пошел вперед. Лафортаньяна продолжала что-то орать. Мы с братом поплелись следом за Трокосто.

– Мудак! – шепнул мне Люц.

У меня сжались кулаки и мне снова захотелось двинуть ему по роже, но провоцировать Трокосто мне не хотелось...

– Заткнись! – буркнул я и отвернулся от него.

Не хотелось признаваться, но настроение у меня поднялось, адреналин разыграл и мне стало как-то легче и горячее!

– Что это было? – строго спросил Трокосто, как только мы

оказались у него в кабинете.

– Ничего, сэр! – ответил я.

– Что-то не очень похоже на «ничего». Врать вы еще не научились так, чтобы выглядело правдоподобно! Я слушаю!

Люцифер сглотнул и с веселой рожей уставился в окно. Я просто пялился на книги, стоящие в шкафу. Придурок! На кой черт ему нужно было знать причину нашего семейного конфликта? Почему мы должны были выкладывать ему наши проблемы? На паршивого психолога он был не очень похож... а чистить нам мозги – мне совсем этого не хотелось!

– Пока я не услышу ответ, вы никуда не пойдете! – Трокосто окинул нас сумеречным взглядом. – У меня уйма свободного времени! Выбор за вами!

Я шмыгнул носом и вдруг понял, как сильно он болит. На руке я обнаружил капли крови. Облизнув губы, я почувствовал соленый вкус. Неужели было можно еще ненавидеть кого-то так сильно, как я ненавидел своего брата? Я мечтал что-нибудь сломать ему! Но как бы я ни ненавидел его – я ни разу не пожелал ему смерти! А надо было бы!

– Чего молчите-то? В коридоре вы не были такими молчаливыми! – Трокосто уселся за стол.

– Что Вы хотите от нас? – спросил Люц.

– Я хочу услышать причину драки между братьями... родными! – он заострил внимание на нашем ненавистном родстве. – Единственное, что... нет, кто, может спровоцировать такое в вашем возрасте, так это девушка! Сознайтесь мне,

олухи, что разбитые носы и губы из-за девушки?

Я мельком взглянул на брата: он облизнул кровавые губы и усмехнулся. Он еще и усмехается! Мерзкий жук!

– Что если это так? Дальше что, профессор? – Люц вопросительно поднял брови. – Неужто Вы хотите запретите нам, парням, драться из-за девчонок?

– Хе-хе... – я услышал смешок от Трокосто. – Все-таки девушка...

Я закатил глаза: все, сейчас начнется, мы будем выслушивать длинную мораль... Ненависть к брату была беспредельная, всеобъемлющая и бездонная!

– Неужели вы считаете, что девушка достойна драки между братьями? – с загадочной улыбкой спросил он. – Если да, то вы оба должны понимать, чего стоит эта девушка! Кто из вас влюблен в нее?

– Я, сэр! – быстро крикнул я и окинул взглядом Люцифера.

Он улыбался. Его улыбка, обычно циничная и жестокая, в тот раз была мягкой и доброй. На какое-то мгновение я даже подумал, что он искренне рад за меня и желает мне только счастья.

– Бравый рыцарь современности... – протянул Трокосто. Выглянувшее солнце бросило свои золотые и холодные лучи на лысину профессора – мне так хотелось увидеть мармотичных солнечных зайчиков, прыгающих по скучному и убогому кабинету!

– Ладно уж, профессор! – усмехнулся я. – Давайте уже, скажите, назовите меня каким-нибудь словом...

– Рыцарь... – снова прошептал Трокосто. – Я расскажу вам кое-что в следующем году! Вы свободны, и я прошу вас, не деритесь друг с другом...ни одна...не стоит... Идете!

***

Апрель. Наверное, даже середина апреля. Зимние каникулы прошли, как несколько секунд, но таких счастливых и радостных секунд, которые поселились в моих венах, наполняя тело теплом, страстью и желанием к Розе. Мы почти не ссорились. Каждый день мы ходили в злосчастный университет, ненавидели профессоров, но обожали друг друга.

В начале апреля мы справили с братом день рождения, где изрядно нажрались и чуть не устроили мордобой, но Роза не позволила. Нам исполнилось двадцать лет... разницы я не заметил. С братом мы постоянно конфликтовали, пререкались, иногда обижались и не разговаривали друг с другом.

Я почти свыкся с мыслью, что Люцифер и Роза могут мило общаться друг с другом. На дне рождения они даже танцевали. Естественно, я жаждал переломать брату ноги, но в то время я учил себя терпению. Все же орут в одно горло, что терпение – сраный вид счастья! Терпи, когда с твоей девушкой танцуют. Терпи, когда твою девушку целуют. Терпи, когда твою девушку трахают. Человечество – современ-

ные терпила без тормозов. Какой у меня был выход – только вступить в их ряды! Стать одаренным терпилой!

Я позволил Розе и Люцу общаться, закрыл глаза на их общение. Именно поэтому мы не ссорились с ней, а не потому, что Роза внезапно стала идеальной девушкой. Я – несчастный кусок хлебной корки, лежащий в слякоти, по которой проходят тысячи людей, а меня даже голуби не хотели жрать. Я был этой коркой потому, что отчетливо понимал всю зыбкость своего априори незавидного и глупого положения. Ведь я прекрасно осознавал, что Роза вьет из меня гнездо, тыкая соломинками и палочками. Конечно, мне это совсем не нравилось, к тому же, Роза, по своей неумелости и глупости, не могла всего этого скрыть. Но я так хотел сраной, несуществующей идиллии с этой девушкой... И я просто плюнул на все, переступил через себя и решил не трепать нервы ни себе, ни ей. Хотелось ей шептаться с гадом Люцифером, пускай шепчется. Я переживу... зато у нас не будет очередной ссоры, как в бесконечной Санта-Барбаре.

Я просто устал говорить этим двум людям, моему особо тупому брату и моей особо любимой девушки, что мне неприятно смотреть и слушать, как они мило общаются между собой. Ладно Люц, ему всю жизнь было наплевать на всех, кроме себя и собственного хера, мне же было больше всего обидно, что Розе тоже наплевать на мои чувства и переживания. Ей хотелось тусить с моим братом – она тусила, делая вид, что меня, точнее моих просьб, не существует, их просто

не было.

Порой, когда они ругались, а это явление для них было не редким, Роза вбегала в комнату и кричала, кричала так громко, что мой брат невыносимый мудака и нет ли какой возможности избавиться от его постоянного присутствия. Я, как влюбленный егерь в Белоснежку, пытался успокоить ее и объяснить, что для Люца хамить девушке – было нормально.

Что такое успокоить Розу? На самом деле, теорию относительности Эйнштейна проще опровергнуть и снова доказать, чем успокоить Розу. Когда она была чем-то расстроена, ее голос становился похож на мерзкую сирену, у которой нет ни проводов, которые можно было бы отрезать, ни батареи, которую можно было бы вынуть. В ней не было ничего, что смогло бы заставить сирену заткнуться. Роза могла говорить чрезвычайное количество слов в минуту, оскорбляя, к примеру, моего брата.

Я слушал, какой он дурак, мудака, неуч, бестолковщина... какой он не совершенный. Я же думал, ведь у нас с братом были одинаковые рожи, почему же он вообще несовершенен, а я типа прошел фейс-контроль. Я слушал, слушал и слушал. Роза просто визжала.

Что делал Люцифер в такие моменты, я понятия не имею! Но я ни разу не слышал и не видел, чтобы он извинился перед ней за то или иное слово, которое она посчитала обидным или восприняла как повод для того, чтобы устроит истерику. Иногда мне хотелось притащить Люца за шкирку к

Розе и сказать: «Смотри, сволочь, что ты наделал!» а после заставить его извиняться. А потом я думал, а зачем я должен это делать? Что от этого изменится? Эти двое померяются через пару дней и буду хохотать во всю глотку, сидя на кухне.

Порой Роза обвиняла меня в том, что я не веду себя как мужик. По ее мнению я должен был разбить брату рожу. Я же так не считал. Люц не переходил рамки дозволенного. К тому же он не хамил, как казалось ей, более того всегда подбирал различные уменьшительно-ласкательные словечки и в итоге получалось: лапушка, солнышко, милочка, дорогуша и тому подобные высказывания, которые меня жутко раздражали, зато Розу радовали. Я молча переживал внутри весь тот ад, а Роза явно выказывала, что ей приятно, как с ней обходится Люц. В этом плане она была молодец: она говорила и показывала, когда брат бесил ее и когда нет.

Как-то так. Со временем я начал привыкать к беспределу в нашем доме. У брата постоянно были разные девушки и мне казалось, что их круговорот никогда не кончится. Я даже не мог поверить в то, что в нашем затхлом городишке было столько девушек. Люцифер, питаемый энергией природы, никогда не останавливался. Был бы я на его месте, я бы просто утомился сношаться каждую ночь, пытаясь ублажить очередную дуру! Это реально отнимает много сил. Поэтому я думал, что Люцифер существует за счет солнечной энергии, ну или еще что-нибудь такое. У брата не было ничего нового, его жизнь одного сперматозоида просто продолжа-

лась.

Порой Роза смотрела на его девушек, как на что-то чрезвычайно заразное, с некой брезгливостью в глазах... с ревностью. Но я сразу же начинал вести разговор сам с собой, типа, «ты чего, чувак, чокнулся? Совсем уже оскотинился?». Вроде после прочтения лекций самому себе, я становился спокойнее, ревность к Люциферу в глазах Розы исчезала.

В какой-то момент я начал замечать, какой отпечаток оставлял на нас наш злополучный ВУЗ... особенно на Розе.

Почти с каждой неделей она менялась. Она становилась все тяжелее и тяжелее. Мне было тяжело носить ее в голове. Она сменила стиль одежды, стала более вызывающе что ли, броской и вульгарной. Роза одевалась так, чтобы подчеркнуть фигуру, чтобы уничтожить меня морально. Она почти перестала убого красить свои брови. На каждой паре, которую вел мужик, Роза была просто бесподобна. Она медленно превращалась в стерву, пока только во внешности. Поначалу я был чуть-чуть рад этому: уж слишком она была хороша, что, несомненно, стало причиной для ревности.

Но я опять же молчал. Честно, я не хотел ничего говорить ей, чтобы не поругаться. Мне очень не нравилось когда мы с ней были в ссоре. Но как же хреново, когда всякое говно переживается внутри, особенно ревность, когда хочется снести голову, а ты можешь только улыбаться и говорить о любви.

Я учился властвовать над собой, своими «негативными» эмоциями, своей ревностью. В то время как Роза станови-

лась редчайшим цветком, глядя на который хочется сорвать, положить его в книгу и засушить. Сухой цветок в руках – лучше, чем никакого. Роза действительно стала ангелом. Ее белоснежное каре, тонкая шея, большие голубые глаза, идеальная осанка, тонкая талия, длинные ноги... Ух! Это чудо принадлежало мне! Это чудо хотело, чтобы на нее смотрели... смотрели все мужчины, не только я! Ее повадки, лисьи или кошачьи, я не знаю, но они сводили меня с ума... ну и не только меня. Когда она прищуривалась, а делала она это часто, потому что знала, как хороша, то ее черные пушистые ресницы придавали ей чертовски привлекательный вид! Я обожал ее прищур, и плевать мне было на то, что после него обычно следовала обида и все такое.

Я не знаю, что происходило в университете, но там что-то явно происходило! Как и было обещано, Алогэ разделила нас: группа парней и группа девчонок. Естественно, занимались мы по-отдельности. Я понятия не имел, о чем говорили девчонкам, но говорили, видимо, складно и интересно, поскольку именно те пары влияли на изменения Розы.

Ребятам, то есть нам, говорили достаточно странные вещи, типа жизненные. Я раньше даже не думал и не подозревал, что такому вообще учат. Например, как то мы с братом пришли на очередную лекцию к Алогэ. Люцифер, как всегда, забурился в первые ряды: оттуда лучше видно на какой несчастной сопле держится пуговица на груди у Алогэ. Я же все-таки предпочитал садиться подальше. Чего уж там скры-

вать – потрясающие формы профессорши не могли оставить равнодушным никого. Но чтобы мой мозг не перегревался я садился подальше.

После звонка вошла Алогэ и вот оно блаженство – тишина и блаженные вздохи по всей аудитории. Я смотрел в окно, держа свои мысли подальше от пуговки.

В общем Алогэ рассказывала, как нужно вести себя с девушками, чтобы она...ну, за мужика в доме держала. Больше всего меня поражало то, что профессор говорила о физическом воздействии на любимую. То есть в наше время очень даже поощряется насилие над слабыми, неважно девушка или парень, неважно в каком виде оно будет проявляться. Я не мог уложить эти мысли у себя в голове. Как? Как можно ударить любимую девушку? Ладно, хер с ним, как вообще можно ударить девушку? Как сама женщина могла говорить об этом? Дикий ужас просто не укладывался во мне. Общество современности диктует нам мораль наших поступков, оправдывая насилие и подлость, и оговаривая идеалы, воспитанные многовековым поколением прямоходящих! Та сексапильная женщина у огромной черной доски, с умопомрачительной фигурой, стояла и рассказывала о таких ужасах! Кусок идиота! Как я мог даже подумать о том, что я смог бы ударить Розу, эту хрупкую девушку? Какая чушь! Алогэ, наверное, сама не понимала, о чем говорила. Ее кощунственная речь лилась с такой легкостью – меня тошнило. Меня вообще тошнило от университета, от одного

его только вида! От того, о чем там говорили, я просто ходил с ума... естественно, от злости.

Всякий раз, когда Роза спрашивала меня о том, что нам говорили на парах, пока у девчонок была другая пара – я молчал в ответ! Что мне ей было ответить? Знаешь, моя любимая Роза, мне сказали навалить тебе как следует, предварительно нажравшись, обозвать некой тварью, которая испортила всю мою жизнь, запрещая все самые интересные вещи. Звучало бы это так: ««Не бухай!», я сказала «хватит курить!», я сказала извинись»... Ну зачем Розе это надо было знать? Я посчитал, что вовсе не к чему. Я молчал, старательно делая вид, что тот смешной и жалкий предмет совершенно не стоит внимания. Он на самом деле не стоил внимания! Никакая чушь не заслуживает внимания!

Роза тоже не рассказывала, что говорили им на парах. Но она и не говорила, что это какой-то ничтожный предмет! Я не слышал несколько ноток раздражения в ее голосе. Я не чувствовал от нее никакого разочарования. Роза только говорила, что эта пара посвящена «женским секретам». А раз это сраный секрет, то он должен был оставаться секретом, то есть мне его знать было не положено.

Женский секрет – звучит, как сморкающийся мужик в носовой платок. Кто-кто, но женщины абсолютно не способны хранить тайну...особенно, которую им не выгодно хранить! Станный секрет университетских женских пар видимо был очень выгодным, раз Роза старательно пыталась отвлечь ме-

ня, всякий раз, когда я спрашивал ее об этом. Она начинала как-то по-глупому смеяться, чесать затылок и нести полную чушь, не связанные между собой слова, значащие: «расслабься, чувак! Ничего важного для мужчин там не говорят!». В один прекрасный момент я сказал себе: «Плывать мне на вашу пару, знать ничего не желаю!». Незнание – замечательная вещь. Можно самому придумать всю херню и переживать по этому поводу. Но кому какое дело? Кто чего знал...а у каждого свое знание. Я ни разу не встречал людей, знающих одинаково один секрет...

Профессора же в университете продолжали настаивать на необходимости получения идиотского образования. На каждой паре, на каждой перемене, в столовой, в спортзале, в коридорах...езде, они, словно низкие и подлые горгульи, появлялись и заявляли о святости диплома и о голове, забитой знаниями, как помойка отходами. А я, с каждой минутой своей жизни в заведении, сходил с ума от «обязательства». Зачем надо было так стремиться к диплому? Ведь порой образование только мешает и рушит гениальные планы, мысли и идеи. Я могу представить, как хреново живет музыкантам с профессиональным образованием. Ведь образование загоняет человека в жуткие рамки, говоря, что правильно, а чего быть никак не должно!

Композитор не может написать ни одной лишней ноты, если это запрещают правила музыки, ни один филолог не скажет предложение на другом языке так, как бы хотелось

ему, если этого не позволяют правила. По поводу правил, мы с Трокосто не раз спорили. Стоит ли говорить, что наш куратор был в действительности помешан и одержим всякого рода правилами? Он пытался доказать мне, что правила сохраняют и поддерживают воспитание человека. Я же считал, что правила только разрушают жизни человечества, загоняют таланты в бетонные рамки. Потом этот талантливый мудака будет биться головой об эти стены, желая порушить их. Да вот только хер чего у него выйдет! Воспитание человечества? Херня! Всем было, есть и будет плевать на эти правила.

Мы – болезнь нашего образования. Тебе никогда не позволят сказать то, что ты хочешь! Человек, забитый правилами никогда не осмелится сделать что-то против.

Мы больны образованием. Трокосто всегда мило улыбался, когда я высказывал ему свою точку зрения. Вообще, в какой-то момент я понял, что Трокосто был очень даже не плохим мужиком и почти превосходным куратором.

Он все время следил у кого какие проблемы, сколько двоек и по каким предметам, сколько прогулов и так далее. Хотя и Трокосто порой строил из себя что-то откровенно злое, напущенное, но я все равно понял его доброе нутро. К тому же я заметил его не здоровую любовь к нам с братом. Профессор просто обожал нас! Естественно, вся группа ненавидела нас за это. Конечно, что мне, что брату было наплевать на всю группу. После драки во время зимней сессии Трокосто не раз говорил нам, что мы никогда не должны драться друг

с другом и все такое.

Лафортаньяна же продолжала отрываться на несчастных студентах, так что я не был сраным исключением. Меньше всего доставалось брату, он, как кусок некого позитива, всегда радовал глаз профессоров.

Как ни странно, все, абсолютно все сдали первую сессию, многие даже на «отлично», например, Роза.

У Люца вообще одни пятерки были, словно он сам не далеко ушел от батанов. Из всех экзаменов у меня была только одна тройка у Лафортаньяны. Эта мразь все-таки завалила меня, с чем я ее и хотел поздравить.

Во время учебы, начиная с февраля второго семестра я начал замечать странные нападки Мелиши... К моему великому чертовому горю Роза тоже начала их замечать.

Пол семестра Мелиша была всегда просто рядом, но молчала. Пару раз она ночевала у брата в комнате: брат никогда не отказывался от красивых девушек, особенно от тех, которые сами лезли к нему в трусы. Его трусы были свободны и открыты для всех желающих. Так что в течение семестра я постоянно ощущал некое присутствие Мелиши. В конце концов, как опытный йог, я занялся самовнушением, что мне все мерещится. Ну, с чего бы Мелиша стала таскаться за мной, зная, что у меня есть девушка? Все потому, что я откровенный идиот!

В один прекрасный день я топал в бар на разгрузку, чтобы немного подзаработать. Роза осталась дома, зубрить му-

датские лекции – это было ее хобби. Люц тоже пошел куда-то подзаработать. По дороге, мой старый, полуразвалившийся телефон взвизгнул как теплоходный гудок, отчего я подпрыгнул, как горный козел. Мне вообще очень редко звонили на мобильный, так как все нужные и близкие мне люди всегда были рядом. Им не зачем было разыскивать меня. Прибывая в неподдельном удивлении, я выволок двумя пальцами телефон из штанов, чтобы он не развалился. Эта развалюха была не в состоянии даже входящий номер определить: на экране были просто черные пунктирные линии. Я, как всегда, почувствовал себя каким-то гадом с допотопным мобильником.

Сразу же вспомнились вопли матери Розы, что с каким же бомжом живет ее ненаглядная дочь, что она против, что я рушу ее дочери жизнь, ломаю будущее и все такое. Спасибо ей за то, что она все-таки, не смотря на свои угрозы, подкидывала деньжат своей дочери. Каждый раз, когда Роза предлагала мне денег, я чувствовал себя плинтусом у порога, о который все кому не лень оббивают ноги. Если когда я и брал у нее денег, то всегда подкладывал ей их обратно в кошелек, чтобы она не заметила и не попыталась вернуть мне их. Я не хотел денег ее матери, которая была хорошо обеспечена, сидя дома.

Отчим Розы хорошо зарабатывал и особо-то не ненавидел меня, как ни странно. Он лелеял надежду, что я закончу ВУЗ и устроюсь на престижную работу с карьерным ростом

и смогу обеспечивать Розу. Я только улыбался и кивал головой ему в ответ. С родителями Розы я старался не общаться, хотя каждый раз, когда она ходила к ним, звала меня с собой. Естественно, практически всегда у меня находились веские причины, чтобы отказать ей. Роза тоже была не дурой и прекрасно понимала, что я просто-напросто не хочу идти и слушать, какой я мудака, ломающий жизнь их ненаглядной дочери. Вот именно поэтому я топал в бар разгружать машину.

– Да? – со вздохом ответил я на телефонный звонок.

– Как поживаешь?

Если меня когда-нибудь ударит молния, я, возможно, почувствую то же самое, что я почувствовал, услышав тот голос.

– Ээ... Откуда у тебя мой номер? – неожиданно спросил я, мне даже показалось, что это было не много грубо.

– А это имеет значение? – усмехнулся голос в трубке – Ты узнал, кто это?

Узнал ли я, кто это? Конечно, твою мать, я узнал тот голос, обладательница которого, считалась чуть ли не самой красивой девушкой в университете.

– Как дела, Мелиша? – усмехнувшись, спросил я, окинув небо взглядом.

Оно было хмурым, а вокруг был туман. Вот он – любимый выходной – унылый, тусклый и безжизненный. Хмурый день, хмурый путь, хмурая жизнь.

– Я хочу тебя увидеть! – голос проигнорировал мой во-

прос, в то время, как я хлопал глазами от шока и идиотского удивления.

Чего это вдруг Мелиша захотела меня увидеть? Чего она хотела от меня? Я молчал в трубку. В моей голове был космический вакуум, ни гравитации, ни притяжения, вообще ни хера! Я даже приблизительно не знал, что ей ответить. В такие моменты я не мог не чувствовать себя умалишенным дауном, таким вот...придурком!

– Эй...ты здесь? – Мелиша была не из тех, кто говорит «извините, я этого не хотел». Такие, как Мелиша обычно говорят «я жду! Не заставляй меня ждать!».

Я, иногда, принадлежал к категории людей, которые несут полную чушь, не зная, что еще делать.

– Ага, похоже на то! – буркнул я и снова сделал шаг вперед, мне ведь надо было идти разгружать!

– Так что насчет встретиться? – настойчивость и непоколебимость Мелиши просто уничтожали меня.

Опять от меня требовали ответа, опять девушка! Ну что, я действительно был похож на ничтожного хлюпика, с которого постоянно требовали?

– Приходи в бар! – недолго думая выпалил я, а затем рассказал куда идти.

Всю дорогу я думал на какой хер я это сделал, зачем сказал прийти ко мне? Что из этого выйдет? Я действительно думал, что сделал глупость и возможно я об этом не хреново пожалею.

Действительно! Так же жутко скучно жить, когда чувствуешь себя нормальным человеком. Намного забористее и веселее жить, понимая, что ты, полный маразматик, от которого даже дурдом откажется, и неважно, что еще тынатворил. Нет, психам нелегко живется, совсем нелегко! Я был убежден в этом, и ничто на свете не смогло бы заставить меня думать по-другому. Для психа жизнь совсем не однообразна, а разнообразие вообще дается нелегко. Так что, тяжек путь идиота. Мне ничего не оставалось, как насладиться своим идиотизмом.

После разгрузки, к вечеру я вышел в зал, взял себе пива и огляделся. Как я и предполагал, красивое лицо Мелиши заискивающе смотрело на меня с сумасшедшим вождением. Боже ты мой, как я хотел... жаждал, чтобы все это мне казалось, мерещилось... Но хер я угадал! Девушка плавно слезла с высокого стула и подошла ко мне чуть ли не вплотную. Я был выше ее сантиметров на десять-пятнадцать, но ее высокие шпильки сократили мой рост.

Мелиша стояла и молчала, с восторгом разглядывая меня. Я решил не мешать ей: пусть разглядывает. Интересно, какую часть меня Роза оторвала бы, узнай она, что Мелиша стояла в двух сантиметрах от меня?... И у нас типа «свидание»? А сколько воплей мне пришлось бы выслушать? Ух!

– Какой же ты красивый! – наконец, Мелиша заговорила. Эти заявлением она напрочь выбила меня из калии. Я? Красивый? Нет, конечно, я не считал себя уродом, наоборот,

даже симпатичным парнем...но красивым?...

Я был приятно удивлен, ведь Роза никогда не говорила мне таких вещей. Роза жаждала комплементов, но никогда не говорила их сама! Я точно знал, что я был высок, где-то метр девяносто-девяносто пять, мускулист, у меня были правильные черты лица, темно-карие глаза, темно-каштановые волосы, у меня не было прыщей, по утрам я брил вечернюю щетину, у меня были белые зубы, несмотря на то, что я курил, и мой вес – девяносто пять килограмм. Все то же самое касалось моего брата, который являлся моей копией.

Почему Мелиша говорила мне о моей красоте после того, как полгода назад переспала впервые с Люцифером? Почему красота брата ничем ее не зацепила? Или чем зацепила ее моя красота?

– Расслабься! Не хотела смущать тебя! – рассмеялась она и прикоснулась губами к моей щеке.

Тут же лицо Розы вспыхнуло у меня перед глазами. С бешеной скоростью я начал говорить сам себе, что это всего лишь приветственный поцелуй, что так делает пол университета! Чем я хуже-то?

– Я не смущаюсь! – ответил я и, обойдя ее, пошел к столу.

Я слышал, как ее каблуки постукивали сзади меня... Роза! Я действительно чувствовал себя неким ничтожеством, предавшим ее!

– Чего ты хотела, Мелиша? – спросил я ее, сев за стол.

Она молчала. Я ждал. Вокруг все галдели, народу станови-

лось все больше. Я посмотрел на нее. Девушка сидела, подперев подбородок рукой и неотрывно смотрела на меня. Ну, какого ж черта надо было так пялиться и смущать меня своим взглядом?

Случайно я заметил слезу, скатившуюся по ее щеке. Ее лицо, сказочной красоты, с жемчужными слезами... Ну кому я врал? Она была очень красива! А я очень любил Розу, но я мог судить о красоте других девушек... И девушка, университетская шлюха, которая сидела напротив меня, была бесподобна красива! Но у шлюх нет лица... Я отвернулся. Я забыл о ее слезах. Раз у шлюх нет лица, слез там быть тоже не может...

– Есть ли у меня шансы? – прошептала она, прикрывая лицо трясущимися руками.

Жалость? Ничего подобного! Мне не было ее жалко! Я не понимал, чего она хотела... Я просто не хотел понимать ее.

– Какие шансы? О чем ты? – спросил я и улыбнулся.

– Шансы... на то, что Роза исчезнет из твоей жизни? – спросила она.

Ух! Могу представить какая у меня была рожа, услышав такого рода вопрос. Роза исчезнет из моей жизни? Я даже не знал, то ли мне обезуметь от такого вопроса, то ли просто уйти, то ли еще что сделать... Я действительно не знал, что делать.

–... Роза исчезнет из моей жизни только тогда, когда моя жизнь исчезнет!

– Опа! – над моим ухом раздался восторженный голос.

Можно сказать, что я уже практически пожалел, что родился на свет! Голос принадлежал моему брату! Вот хер-ня-то!

– Какой замечательный компромат теперь у меня есть! – воскликнул он. – И что это вы тут оба делаете? Как дела у Розы? Что она учит сейчас? «Разруху»? «Соц. Ячейки»? Почему ты ее не позвал?!

Брат был как помело! Я улыбнулся и уставился на столешницу. Естественно, мне захотелось двинуть пинтой ему по лбу, но я решил не начинать конфликт, опасаясь, что Мелиша неправильно воспримет его, решив, что она – причина драки. Тем временем Люц подсел к Мелише, положил руку ей на плечо, так, по-хозяйски, словно она не то чтобы его женой была, а так, собачкой. Мелиша была не против такого отношения к себе, то есть руку-то она не скидывала.

Вообще, я должен отметить, что Мелиша позволяла обращаться с собой так только тем, кому хотела позволять. Если какой-то мудака ей не нравился, то хер он когда вообще дотронулся бы до нее, не то что руку положить на плечо. Эта шлюха была избирательна, так что я был почти в почетных рядах!

– Как дела, солнышко? – брат смотрел ей в глаза, словно был влюблен в нее уже несколько веков.

Я заметил, как он поглаживает ее по челюсти пальцем. Честно, я ожидал, что Мелиша вот-вот замурлыкает. Она как

будто забыла о моем существовании, точнее мне так хотелось думать, что она забыла. Но глядя в ее глаза я понимал, что это не так, обо мне помнили и от меня чего-то ждали, сидя в обнимку с моим братом. Ну что она, совсем была больна? Неужто, она думала, что я скажу: «Да, конечно, Мелиша, к черту Розу, я весь твой! Я даже не против, что ты периодически трахаешься с моим братом!». Это она хотела услышать или что? Я тупо молчал. На моей роже танцевала собственная Люциферу улыбка, я прям чувствовал ее! Даже не знаю, что на меня нашло. Обычно я старался вести себя более культурно при девушках.

– Хорошо... – услышал я шепот Мелиши.

Люц улыбнулся ей. Черт его побери, с какой же нежностью он смотрел на нее! Я не верил своим глазам. Да как я мог им поверить? Люцифер. Нежность. Херня полная.

– Может, пойдем ко мне, раз ты здесь? – он снова погладил ее.

Она улыбнулась.

– Ты же в курсе, да? Это – мой брат, Гавриил! У него есть дама. А я так одинок, мне не хватает женского внимания...

Вот сучонок! Я молча наблюдал за ним и пытался перестать лыбиться. Но никак не получалось! Люцифер жутко смешил меня... зато явно нравился Мелише. На мгновение я представил, как ей на самом деле было плохо. Ведь трахаясь с Люцом, она даже не могла представить меня! Только имя мысленно повторять.

– Хорошо... – Снова совершенно беззвучно ответила она, словно ей предложил сходить на гильотину. – Сейчас вернусь.

Мелиша встала и пошла в сторону туалета. Я уставился на Люца. Он тоже тарасился на меня с такой беззаботной улыбкой, словно я прилюдно изменил Розе, а потом еще и начал бегать и рассказывать всем об этом, а она, такая несчастная дура, сидит дома и кухарит, ничего не подозревая.

– Попался, братишка! – наконец-то выдавил он из себя.

Я продолжал улыбаться.

– Не понимаю, о чем ты говоришь... – Я отвернулся от него.

Честно, мне уже хотелось ржать!

– На твоём месте я бы уже давно просил меня нечего не рассказывать Розе... – Намекнул он и, прищулив глаза, посмотрел на меня.

Прошло пять минут с момента, как он появился в баре, а я уже не знал, чего еще хорошего пожелать ему про себя.

– Слушай, а не пойти ли бы тебе, а? – спросил я его, явно ожидая серьезного ответа.

Но Люц не умел отвечать серьезно.

– Что здесь делала Мелиша? – спросил он, наконец, забыв о моем ответе.

Он не смотрел на меня, он смотрел в свою кружку, на пивную пену, а рукой дергал пачку сигарет. Я вздохнул.

Мне было всего двадцать лет, а я уже так утомился быть

обязанным и постоянно отвечать всем на их дурацкие вопросы. Откуда у людей вообще столько вопросов, и какого черта они высыпали их на меня всякий раз, когда им в голову взбредет? Я не был похож на кладезь информации! А в такие моменты, когда я не знал, что ответить, все эти люди вынуждали меня своими вопросами врать! Но врать Люцу – это просто нонсенс! Он знал меня, как облупленного. Он видел меня в таких ситуациях, что уж точно знал, что творится у меня с рожей, когда я врал. Да и с чего я должен был врать брату? Чтобы он ни говорил, как бы по убудски себя не вел, чем бы не угрожал – он никогда бы не сдал меня и мою деятельность Розе... Неважно, чтобы делал я. Да, черт возьми, как не крути, он был моим братом. Мне всегда было стыдно признаваться, но я любил Люца. Да, я мог не верить ему, мог ненавидеть, мог двинуть по его гнусной роже, но в глубине души я был рад, что у меня был именно такой, убудский брат. Другого я не хотел.

– Она пришла встретиться со мной! – ответил я и посмотрел Люцу в глаза.

Иногда мне казалось, что я смотрю в свое отражение, которое хотелось замазать каким-нибудь ластиком.

– В тебе наконец-то проснулось мужское начало и ты решил обзавестись любовницей? – одобрительно улыбнулся Люц.

Как же я мечтал хоть раз нормально поговорить с этим недоноском. Но это был Люцифер!

– По-моему ты переслушал Алогэ! – изумился я.

– Тогда зачем ты назначил Мелише свидание? – Люц захлопал глазами.

– А я и не назначал! – не задумываясь, буркнул я в ответ.

Я даже промолчу о том, что пожалел о своем ответе, ибо лицо Люца засверкало, как будто было сделано из фальшивых бриллиантов. Ему не надо было долго и упорно объяснять, он все и так уже понял, без моих объяснений.

– Пошли? – около стола появилась Мелиша, как яркое солнце на горизонте.

Люц подмигнул мне, взял ее за руку и пошел к выходу.

Еще пару часов я сидел и размышлял над абсурдностью той глупости, которой я позволил совершиться. Думал о том, что творилось внутри у Мелиши после того, как появился Люц, или ей было пофиг? Мне было бы обидно. Очевидно же, что Люц ее использовал, когда хотел и как хотел, а она в это время думает обо мне... Какая нескладуха!

Был бы я на ее месте, я бы отказал Люцу, хотя бы из уважения к себе. Это очень редкий дар – уважать себя. К другим уважение на хер не надо. Если бы только научиться уважать себя и тогда уже много бы чего изменилось по отношению к другим. Я так же думал, а правильно ли я сделал? Ведь я мог поступить совсем по-другому, более выгодно для себя... как поступил Люц. Горе девушки – праздник для парня.

Уже почти ночью я пришел домой. Естественно, Розе я не стал ничего говорить, дабы не травмировать ее нежную пси-

хику и мои чувствительные уши. Я не стал есть, только налил чаю и пошел в комнату. Проходя мимо берлоги Люца, я ожидал услышать там привычные охи и вздохи, но там была гробовая тишина. Что можно было делать с девушкой в такой тишине? Я пожал плечами и пошел дальше – проверять мне не хотелось.

В моей же комнате тухло горел замученный до смерти ночник со стороны Розы. Она не спала. Облокотившись на все подушки, она лежала и что-то выписывала из какой-то книги в тетрадь. Она даже словно не замечала меня: писала себе и писала. Я остановился у дверей и уставился на нее. Горячая кружка обжигала мне руки, но я не мог пошевелиться, сам не знаю, почему.

Роза провела рукой по щеке, убрала белоснежные волосы за ухо и, видимо, увидела меня. Она сразу же скинула учебники и тетрадки и подошла ко мне.

– Где ты был так долго? – спросила она, улыбаясь.

Я молча смотрел в ее большие глаза: они были прекрасны, глубокие и наивные. Иногда мне казалось, что они умели менять цвет. В принципе это всегда был цвет океана, но порой он мог быть нежно-голубым, когда у нее было хорошее настроение. А иногда, как тогда, они были темно-серого цвета.

Нет, Роза не злилась. Обычно в синеве ее глаз отображалась светская страсть, которая требовала меня. Я, как слабак, не мог отказать девушке в таком желании. Я не стал отвечать на нее вопрос, просто приобнял рукой за талию и медлен-

но двинулся к столу – мне срочно нужно было поставить куда-нибудь кружку, ибо мои руки были словно на сковородке, от них почти что уже шел пар.

Добравшись до стола и избавившись от проклятой посуды, я начал целовать Розу, мысленно забывая о боли на ладони. Роза могла прикинуться подорожником, причем очень эффективным...

В ту ночь я был удивлен: звуки страсти разносились из моей комнаты, а в комнате Люца, как будто ядерная война прошла – ни жизни, ни смерти, ничего. Я уже подумал, что они к Мелише пошли.

На самом деле меня это не очень интересовало, я не вел записей о своих сексуальных похождениях, в отличие от брата, но когда я проснулся почти под утро и пошел вниз сделать чайку (это было вполне нормальным что для меня, что для брата). Я обнаружил на кухне Люцифера, с безумно постно рожей и с чаем в руках. Значит, нервотреп все-таки был дома, раз сидел в одних трусах, с взъерошенными волосами, что говорило о том, что он, видимо, спал, ну или хотя бы валялся.

Я прошел мимо, не стал разговаривать с ним. Но мне показалось, что у него на лице некая, почти глубочайшая скорбь. Дальше я уже не мог молча ходить и делать вид, что все замечательно. Поймать тоску на роже Люца было равносильно поймать фотоаппаратом молнию в небе. Этот ублюдок, в принципе, не умел печалиться, он был настолько отча-

янным, самовлюбленным и самоуверенным, что все минорные чувства просто презирал, что опять же дано не каждому. Поэтому мне даже стало интересно, что, черт возьми, могло случиться, что заставило жизнерадостного кретина сидеть и грустить.

Вдруг неожиданно я подумал, а вдруг мне все снится, что это просто мой глупый сон. Ну, никак я не мог поверить в увиденное!

– Ты чокнулся? Приболел? – спросил я, не выдержав, пока кипятился чайник. – Разум потерял?

– Ладно, ладно! – проскулил он, жалобно усмехаясь. – На самом деле, это ты должен сидеть здесь и грустить, вместо меня.

– С чего бы? Люц, у меня вполне счастливая жизнь: девушка, сраная учеба, секс по ночам вперемешку с работой. Я почти не свожу концы с концами! С чего мне грустить-то?

– Мелиша влюбилась в тебя! – выдал брат и подло улыбнулся.

После такого заявления я сам грохнулся за стол с открытым ртом от неожиданности.

Потолок. Клевый потолок, высокий и с хорошей побелкой. Наша мать очень любила дом, поэтому старалась улучшить его, привнести что-то новое. Перед смертью она успела сделать ремонт на кухне. Какого хера я думал о потолке? Нет, потолок лучше!

– Вот теперь и ты с постной рожей сидишь! – Люц вздох-

нул. — Она не стала спать со мной! Представляешь, она отказала мне... из-за тебя! Ненависти моей предела не было! Как ты посмел вторгнуться в мою жизнь?

— О чем ты говоришь? — изумился я обвинению, да я просто опешил. — С чего ты взял, что она влюбилась в меня?

— Да потому что она полночи рассказывала мне, какой ты замечательный, красивый, сексуальный, нежный, нет, черт возьми, заткнись и слушай, нежный, значит, умный, какие у тебя руки сильные, приятное тело... Ты рад? Вот, вместо того, чтобы наслаждаться плотскими утехами, я слушал эту чушь!

— Твою мать, при чем тут я? — еще больше удивился я. — Я не заставлял ее влюбляться в меня. И вообще... ты знаешь, сколько раз я отрывал от себя твоих девушек, которые кидались мне на шею на улице и рассказывали какой ты замечательный? Я не виноват в том, что тебе не дали этой ночью... Шел бы поспал лучше, отдохнул чуть-чуть.

— Да не могу я спать! — крикнул Люц.

— Заткнись, придурок! — шикнул я, боясь, что его вопли разбудят Розу. — У тебя бессонница без секса начинается?

— Нет, идиота ты кусок, в моей кровати спит девушка, которая призналась в любви, но не мне и отказала, на этот раз мне! Я что, по-твоему, еще должен спать с ней?

Вот это сюрприз! Мой брат пытался ненавидеть меня из-за какой-то херни! В доме спали две девушки, обе влюбленные в меня. Мой брат жаждал каждую из них и обе ему от-

казывали. Ну почему вся эта херня происходила именно со мной?

С одной стороны я совсем не понимал Люца: ведь кому-кому, а ему никакая любовь была не нужна, ну подумаешь без секса остался? В нашем возрасте куча ребят остается без секса, он и так был счастливчиком, у которого девушек было больше, чем волос на голове.

С другой стороны я не понимал Мелишу. О какой любви она говорила, побывав у брата в постели, и ни раз? Что за заскок был в ее голове, который я должен был расхлебывать? Зачем ей любовь? Моя любовь? Мне было тошно...

Я снова отправился в комнату так и не попив чаю, мне не хотелось сидеть с Люцом и выслушивать его несчастье. Проходя мимо комнаты брата, я увидел, что дверь приоткрыта. Не знаю, что на меня нашло, но я решил заглянуть туда.

Я бесшумно толкнул дверь и зашел в комнату. Как всегда, там творился жуткий бардак, шторы были задернуты, горы бычков на столе, куча вещей на стульях и пуфиках.

Мелиша спала, как и сказал Люц, в штанах и в его футболке. Она лежала на боку, руки под головой – некая поза эмбриона. Я подошел к кровати.

Кровать Люцифера была больше, чем моя, шире, длиннее. Я присел на край и уставился на лицо Мелиши, освещенное коридорным светом. В моей голове не было толком никаких мыслей, я просто смотрел на нее, пытался, наверное, понять, что творилось у нее в голове.

– Что ты тут делаешь? – в комнату вошел Люцифер с вытаращенными глазами. – Комнатой ошибся?

Люц шептал... Я улыбнулся. Какой бы он не был подонок, что бы он ни строил из себя, все-таки чувства в нем были... Он говорил шепотом, потому что не хотел будить Мелишу.

Возможно, мне показалось. Может он не хотел будить ее потому, что не хотел снова выслушивать ее любовные рассказы и переживания.

– Да, я мимо проходил! – буркнул я в ответ, встал с кровати и пошел к двери, но Люцифер схватил меня за руку и приблизился к уху.

«Иди сюда», он вытащил меня в коридор.

– Не будь таким гуттаперчевым, брат! Не поддавайся своим чувствам жалости... она не стоит этого! Эта жалкая шлюха...

– Так нельзя, Люцифер... нельзя так говорить о девушках... – прошептал я.

Брат усмехнулся и отпустил мою руку.

– Так нельзя говорить о девушках, которые влюблены в тебя или обо всех девушках? Не затрудняйся с ответом! Гавр, о людях надо говорить то, что они заслуживают. Неважно, девушка это или мужчина. Если она шлюха, в этом нет ничего постыдного, назвать ее так...

– Кто дал тебе право считать, что она заслуживает ярлык «шлюха»? По какому принципу ты это определяешь, Люцифер?

– По такому, по какому и ты! – улыбнулся он. – Когда мы сидели в кафе, ты смотрел на нее, как на шлюху, потому что не знал, что она пришла объясняться в любви к тебе. А сейчас ты узнал... В тебе разыгралась жалость и Мелиша вдруг перестала быть шлюхой. Жалость украшает людей, которых жалко...

Я смотрел на Люца. А ведь он был прав: несколько часов назад я сам думал о Мелише не совсем хорошие мысли, и мне даже в голову не приходило, что она внезапно станет... Твою мать, мне стало ее жалко из-за того, что она влюбилась. Я становился слишком податливым, когда слышал о влюбленных людях.

Я молчал, брат смотрел на меня. Слава богу, он пошутил, он не держал на меня зла из-за пустынной ночи. А я не знал, что мне делать дальше с любовью шлюхи.

Утром, точнее, через часик после разговора с Люцифером, я пошел в ванную..

Я прислушался – там никого не было. Роза все еще спала, хоть я ей и сказал, что пора вставать. Мое отражение было уставшим, не выспавшимся, но полное жизни. Жаль, я не мог понять такой жизни конкретно, скучной и нездоровый или веселой и долгожданной.

Я засунул щетку в рот и замер. В зеркале, сзади меня стояла Мелиша. Я не слышал, как она вошла. Девушка была похожа на призрак: бледная кожа, огромные глаза за счет синяков усталости, растрепанные волосы. Она была похо-

жа на больную, истощавшую креветку. Но почему я раньше этого не замечал? Почему всего за одну ночь она превратилась из аленького цветочка в чахнувшее на глазах создание? Я несчастный мудак! Мне надо было избавиться от жалости... тогда ее красота бы вернулась!

Пока я думал, я не менял своей позиции – молча стоял со щеткой во рту. За эти несчастные минуты, полные тишины, я съел столько зубной пасты, что уже подумывал отказаться от завтрака. Я так и тарачился на девушку в зеркале.

Внезапно она подошла ко мне и обняла сзади, я даже почувствовал, как она уткнулась мне лбом в спину. Честное слово, я чуть щетку не проглотил от такой выходки! Первая моя мысль, которая посетила голову, была о Розе. Я испугался, что она войдет и увидит эту бессмысленную картину.

– Прости... – еле слышно прошептала Мелиша, но меня не отпускала.

Я так и стоял молча, разглядывая, как ее руки сжимают мое тело. Я не мог видеть ее за собой, только руки. Наконец, сознание вроде вернулось ко мне, и я аккуратным движением высвободился от девушки.

– За что? – спросил я, вытащив уже чистую щетку изо рта – я съел всю пасту.

На секунду я подумал, что это сон, очень херовый, страшный, но сон. Как же я хотел, чтобы ни черта из того, что происходило в ванне, не было реальностью.

Мелиша посмотрела мне в глаза, пожала плечами и вышла

из ванны к Люцу в комнату. «Что это было?», вот что крутилось в моей голове. Я так и смотрел на дверь, ведущую в комнату брата.

– Доброе утро! – Роза вошла в ванную.

От неожиданного ее появления, я подпрыгнул, снова засунул щетку в рот и уставился на нее, как на надвигающийся смерч.

– Угу! – гукнул я и даже попытался улыбнуться.

Затем я обнял ее и поставил блокаду в голове, отталкивающую мысли о Мелиши и ее любви. Я был рад Розе. Все, всех к черту! Никого не существовало, только я и Роза. Я и Роза... Брат и Мелиша в соседней комнате.

За завтраком стояла гробовая тишина. По лицу Розы я видел, что ее жутко раздражало присутствие Мелиши, даже не смотря на то, что они с Люцом строил из себя милую парочку. Конечно, Роза не знала всей правды, поэтому она была просто недовольна.

На самом деле я просто поражался Люциферу! Как у него так поучалось? Как он умел быть таким, изображать идиотскую радость и улыбку на лице, как будто той ночью ничего не было, не было Мелиши, никого не было в доме. Он был один...неважно, кем он был окружен. Он умудрялся считать себя единственным человеком во вселенной. Его никогда ничего не беспокоило, а если и беспокоило, то он опять делал вид, что он один... Я завидовал ему! Меня-то беспокоило все, что случалось.

Мне было грустно...и я очень старался не вызывать у Розы подозрений. В университете я практически забыл о Мелише. Как только она вошла в это проклятое здание, она сразу же вернулась к своему обычному поведению. Она ментально нашла, кто подаст руку, кто откроет дверь, кто угостит завтраком... Я решил, что все нормально, к ней вернулись разум и адекватность.

Между второй и третьей парами, случилось нечто неожиданное для меня. Я стоял около двери кабинета и ждал, когда появится Лафортаньяна.

Роза пошла в библиотеку, вернуть книжку. Я хотел пойти с ней, но почему-то она попросила меня подождать около кабинета. Я так и сделал. Где-то за пять минут до начала пары я увидел Розу, идущую по коридору. Она шла так медленно, крепко прижимая к себе тетради или книги, я не мог разглядеть. Ее белоснежная голова была опущена, словно у ангела. Она шла, немного скрючившись, и казалось, что она плакала...я не мог понять. Я просто опешил от этой картины! Я отошел от двери и встал посреди коридора, с тревогой разглядывая ее приближение.

Роза не смотрела на меня, но знала, что я жду ее. Мне же было как-то тревожно и не по себе на душе. Я все думал, кто посмел ее обидеть и зачем? Я хотел убить этого человека, заставившего моего ангела меланхолично брести вдоль коридора.

– Что случилось? – спросил я, когда она подошла ко мне.

Роза не отвечала. Она продолжала стоять с опущенной головой, и как я, наконец, понял, она плакала. Я попытался обнять ее, но Роза отпрянула от меня, словно я был обгорелым трупом, восставшим из мертвых.

– В чем дело, Роз? – снова спросил я, вообще уже ничего не понимая.

Она подняла голову: ее лицо было неестественного красного цвета, а в глазах были слезы. Неожиданно она залепила мне по морде и так и ничего не сказав, пошла к кабинету...

На горизонте появилась Лафортаньяна. Я молча стоял и держался за щеку, прибывая в полной прострации. И тут я понял, в каком идиотском положении нахожусь: на меня тарщилась моя группа, вся 2А и другие студенты. Половина из них, заткнув рот рукой, пыталась не заржать во всю глотку. Другая половина удивленно хлопала глазами.

Интересно, они думали, кто я – Люцифер или Гавриил? Странно, но брата девушки не били, несмотря даже не то, что он откровенно ими пользовался. Почему вся кара солнечной системы доставалась только мне? За что меня ударила любимая девушка? Я был в монументальном шоке.

– Ну и что? – раздался голос Лафортаньяны.

Спасибо ей, черт побери, большое! Мне без нее уже жить не хотелось!

– В чем дело? Пара началась, почему до сих пор в коридоре?

– Иду, мэм! – тихо ответил я, наконец, отцепившись от

щеки.

– Бегу мэм, а не иду! – крикнула она, впиваясь в меня своими бешеными глазами.

Я чего-то не понимал. С чего вся женская часть этого «чудесного» ВУЗа хотела меня унижить?! Или как? Одна руками машет, вторая орет. На вторую мне, в принципе, было наплевать, но вот на первую! Какого хера-то? Почему это надо было делать прилюдно? Почему это вообще надо было делать?

Я вошел в кабинет. Рассвирепевшая Роза сидела, как всегда, у окна, но на моем месте, соседнем от нее, сидел какой-то чувак из 2А, я даже не помнил, как его звали.

Убогий намек я понял, поэтому прошел мимо нее и сел за последнюю парту. Пока я шел, я чувствовал, как по мне ползут насмешливые взгляды, слышал, как кто-то шепчется, а кто-то хихикает.

– Извините, можно? – в дверях нарисовался мой братец.

Где был этот урод? А вообще, хорошо, что его не было потому, что он был бы тогда в первых рядах поржать надо мной. В любом случае, я должен был рассказать ему о случившемся, но я думал, сделать это дома будет лучше.

– Сколько времени прошло от начала пары? – строго спросила Лафортаньяна, осматривая моего брата надменным и циничным взглядом.

– Минута... Две... Мэм! – сказал он, смутившись.

Я улыбнулся не заметной улыбкой. Смутившийся Люцифер – это было уже слишком само по себе. Смутился он толь-

ко потому, что воспринял вопросы Лафортаньяны, как, ну грубо говоря, «наезд». Я очень хорошо знал поводки брата, и он не любил и, в общем-то, не очень позволял разговаривать так с собой без причины.

– Вы должны быть в кабинете за одну минуту до звонка! – крикнула она.

– А если я в туалет захотел? – тут же ответил Люц.

Боялся ли он ее? Нет. Ему было наплевать.

– У Вас что, времени не хватило на туалет на перемене? – Лафортаньяна продолжила свой глупый допрос.

– У меня организм работает не по часам! – брат гневно уставился на нее.

«Заткнись ты уже, придурок», подумал я, забавляясь зрелищной картиной. Мне все-таки хотелось бы, чтобы Люц прекратил эти пустые пререкания.

– Вместо того, чтобы препираться со мной, Вы бы лучше извинились! – профессорша не стала скромничать.

Люцифер и извиниться – Хе-хе! Я чуть слюнями не брызнул!

– За что? – взревел Люц. – За то, что я захотел в туалет? Может мне теперь надо извиняться каждый раз, когда я захочу есть, пить, гадить...

– Вон отсюда! – крикнула Лафортаньяна и покрылась красным цветом.

Сидя даже на задней парте, я все равно видел, как ее начало трясти мелкой дрожью, как ее глаза приобрели форму

теннисных мячей. Она просто ненавидела Люцифера.

– За что? – брат просто недоумевал, стоя в дверях.

– Я не обязана перед Вами отчитываться! Закройте дверь с той стороны! – снова крикнула она.

Люцифера не надо было долго упрашивать, поэтому он отвесил издевательский поклон и захлопнул дверь с такой дури, что я думал, идиотские портреты со стены попадают на пол.

– Хам! – она галантно произнесла три буквы. – Передайте своему брату, что эта сессия станет для него настоящим адом!

Лафортаньяна вскрикнула очередную угрозу и принялась выяснять, кого именно она выгнала: Люцифера или Гавриила, после чего уж начала свою лекцию.

Тема была посвящена вырубке парков или просто деревьев для создания наземных парковок и автомоек. Лафортаньяна говорила, что машина должна иметь свое парковочное место, к тому же она всегда должна быть чистой, как показатель, что у владельца есть финансы на содержание машины. Сраный престиж, чего уж там! В очередной раз, она говорила, что разве есть какой толк от деревьев в городе? Нет никакого преимущества в том, что у кого-то под окном растет зеленая чушь, она только мешает кругозору. Людей много, машин соответственно еще больше, и им нужны места для парковок и мытья...

Я уже давно перестал пытаться доказать свою точку зре-

ния. У Лафортаньяны это было вообще бесполезно. Она плевать хотела на любую точку зрения! Только ее мнение имело место быть, только она всегда была права, а мы, жалкие гусеницы, должны были только пресмыкаться перед ней. Так что, разве мог я сказать ей, что машины надо на свалку отправлять, а не деревья вырубать. Была у меня мысль, чтобы машины были только у тех, кто живет за городом, а кто живет в городе – имели бы велосипеды: дешевле, практичнее, не надо ничего рубить и застраивать свободные места мойками и парковками. Но в то же время я понимал, что дело было не только в Лафортаньяне. Дело было в том, что всем насрать на природу и ее дальнейшую участь. Какая на хер природа? У меня изумительный джип и срать мне на деревья, мне же надо ставить куда-то этот джип, чтобы по утрам в пробках загрязнять им воздух. Конечно, разве справится одно дерево с таким количеством выхлопных газов? Нет? Ну, тогда надо его к черту вырубить! Чего оно стоит-то, территорию занимает? Не порядок! Вот все замечательные мысли Лафортаньяны и еще нескольких миллионов человек. Машина – это все, окружающая среда – уже достала! Да и сдохла бы она поскорее, а то у меня уже сердце разрывалось смотреть на то, что с ней делают люди, а потом вот эту херню проповедуют в университетах.

Ну, в общем, пока ненавистная профессорша с упоением рассказывала об очередном закате глупо-мыслящих идиотов, я смотрел на Розу.

Она величаво сидела, демонстративно отвернувшись от меня и мило болтала с сидящим рядом мальчиком. Я ухмыльнулся: Роза особо-то не разговаривала на уроках. Значит, вывод был такой – она делала это специально. Но я не злился. Я ревновал только тогда, когда видел, что в ее поступках нет наигранности и напыщенности. Поэтому всю пару с ухмылкой я наблюдал за своей девушкой, пытаясь игнорировать бред, который несла Лафортаньяна.

В тот момент я жутко завидовал брату. Наверное, он уже был в каком-нибудь баре, обнимался с девчонкой и его жизнь, естественно, налаживалась, в отличие от моей.

У раздевалки после пары я снова подошел к Розе. Она ненавистно надевала пальто и наматывала шарф. Я стоял рядом и скулил, пытаясь выяснить причину, по которой она меня ударила.

Ну что я могу сказать, так жутко меня еще не игнорировали. Может я был бы и не против такого «наказания», если бы хотя бы знал, за что. Но узнать что-то от Розы в тот момент было практически невозможно: она напрочь отказывалась разговаривать со мной! Вообще, я был упертым... очень упертым, поэтому продолжал ныть, выясняя причину.

– Я с тобой даже разговаривать не хочу! – развернувшись ко мне лицом, наконец, она соизволила что-то сказать.

– Спасибо! – буркнул я. – Это я уже понял! Можно причину услышать? И честное слово, я отстану от тебя!

– Ты издеваешься надо мной? – она вытаращила глаза, а

я почувствовал себя еще большим мудаком.

От меня явно хотели полнейшего осознания вины, а я, вместо того, чтобы пасть к ногам, стоял и не понимал, о чем шла речь.

– Нет, господи, Роза! Я действительно не понимаю, что сделал такого, что ты решила лупить меня! – я могу представить, что творилось с моим лицом в тот момент.

Наверное, Роза еще никогда не видела такой тупой рожи.

– Ладно, раз ты уж собрался притворяться, что типа ничего не помнишь и не понимаешь, то я тебе напомню! – Роза повысила на меня голос и наконец-то прекратила судорожно тормошить шарф, который давно уже был завязан. – Ты что, думал я ничего не узнаю? Думал, что тебе все так просто с рук сойдет? – она подняла вопросительно брови.

Я тоже поднял свои и еще более не понимающим взглядом посмотрел на нее. После ее высказывания я подумал о Люцифере, который очевидно что-то натворил, Роза как-то узнала об этом и подумала, что это был я. Но в то же время я отчетливо понимал, что за сказочный бред рассказываю сам себе. Я же всегда был с Розой, так что при всем желании не смог бы ничего натворить.

– Клейс сказал, что видел вас... то есть, тебя и Мелишу в баре вечером. Ваши посиделка была похожа на свидание!

– Он может перепутал меня с Люцом?! – спросил я, вспомнив, что именно брат обнимался с Мелишей в тот вечер.

– Я задала тот же самый вопрос! – огрызнулась Роза. – Он сказал, что это был ты, так как он видел, как Люц входил в бар с каким-то другом, который назвал его по имени. Так что не надо делать из меня дурочку!

– Да мы просто сидели! – наконец, я понял, на что она намекает и в чем обвиняет.

Я тут же получил очередную затрещину. Ох, как меня это бесило! Я схватил ее за руку.

– Как долго это будет продолжаться? – прошептал я ей на ухо.

Роза хлопала глазами, судорожно пытаясь выдернуть руку. Но я крепко держал ее запястье и не собирался отпускать. Она ведь могла еще раз залепить мне по морде не понятно за что и почему, прямо на глазах у всего университета!

– Отпусти меня! – Пропищала она, дергая руку.

– Ага, чтобы ты снова начала колошматить меня? – усмеялся я. – Нет.

– Я сказала, отпусти меня! – раздался оглушительный визг, испугавшись которого я отпустил ее руку.

Она толкнула меня и громко и отчетливо прошипела:

– Не смей даже приближаться ко мне на метр! Я тебя ненавижу и не хочу, чтобы ты ко мне прикасался! Между нами все кончено! Я тебе не верю!

...В ту ночь она впервые не пришла домой ночевать.

***

В ту ночь я совсем не спал. В голове блуждали разного плана мысли. Естественно, они все были о Розе, о ее громких словах, о ее руках, о ее гневных глазах. «Я тебе не верю», вот, это нормальная фраза! Трокосто бы одобрил! Какая же бездарная чушь! Мне вдруг захотелось смеяться! Она мне не верила! Как же так получилось?

Идет человек по пустынной улице. Внезапно он останавливается и начинает судорожно осматриваться. Глядя на него, каждый идиот поймет, что человек заблудился. С кем не бывает? Каждый, абсолютно каждый где-то блуждал. Конечно же, заблудившийся подходит к первому встречному и спрашивает дорогу. Вроде бы обычная ситуация: чего тут такого? Подойти дорогу спросить? А дело в том, что заблудившаяся Роза поверила первому встречному, а не мне, кто сопровождал ее. Как же жутко меня это бесило! Бесило то, что «я лучше выйду на улицу и поверю какому-нибудь немытому мудаку, чем человеку, с которым я живу!». Ну как так-то? Что за идиотизм? Где серое вещество-то?

Я лежал в кровати, с великим воодушевлением рассматривая потолок. Честно, я как последний, ничтожный, бесхребетный слизняк ждал, что Роза вот-вот войдет в дом, поднимется в спальню и скажет «Я сказала чушь!». Но Роза не поднималась. Ее, черт возьми, не было! Хотел бы я знать, где она была, с кем и что делала... В моей голове было столько вопросов, которые я не знал кому задать, что за мудака смо-

жет дать мне на них гениальные ответы.

Я лежал и думал о ее пощечинах, которые она так залихватски раздавала мне. Неужто Алогэ девчонкам говорила тоже, что и нам, только с точностью да наоборот, типа «Бейте мужиков. Они всегда этого заслуживают», ну или что-нибудь в этом духе. Как вообще нормальному человеку может взбрести в голову начать размахивать руками при такой еще сомнительной публике?

Я пытался понять себя, почему меня это так бесило. Нет особой-то боли, звездочек тоже не было, ничего не было...только идиотская злость. Я даже не понимал, на кого злился: на себя или на нее. Высокоцивилизованное общество соорудило кучку законов, которым свято поклоняется, повелевая всем веровать в них! Ударить девушку в ответ? Мне вспомнились слова Алогэ. Была ли это смелость с ее стороны подойти и двинуть по морде? Нет, сраная самоуверенность, что ей никто не двинет в ответ. Ей никто и не двинул, а я был унижен. Меня бесила общественная неспособность ответить. Ведь когда тебя бьют, автоматически возникает желание, нет, это даже инстинкт, двинуть в ответ. А что делается в голове, когда понимаешь, что перед тобой девушка? Инстинкт – природная херня, к ней привыкаешь и живешь с ней, ничему не удивляясь... Но, черт побери, в природе слабость никогда не прыгнет на силу! Поэтому инстинкты просто теряются в догадках, как же поступить в ответ.

В какой-то момент я даже решил подумать, может это

действительно моя какая-то чрезвычайно серьезная оплошность? Может я больше не имел права общаться с противоположенным полом? Особенно с Мелишей? Но это же бред! Роза не могла запретить мне общаться с девушками...

– Жив еще? Где твоя «пила»? – в комнату постучался Люцифер.

Он еще ничего не знал.

После того, как Лафортаньяна отправила его в райское путешествие, он только вернулся из него.

– Жив... – ответил я, даже не удосужившись взглянуть на протиснувшуюся физиономию брата в дверь.

Я не знал, что ему сказать, как и надо ли вообще. Его реакция – я изначально знал, что Люцифер всегда смеялся над такого рода ситуациями. Он не знал, что такое сраная боль, фальшивое счастье с любимой девушкой, любовь... Он ни хрена не знал или очень умело притворялся, что не знал, что, несомненно, облегчало его без того паскудно-слащавое существование.

– Паршиво выглядишь, братец! – заключил он и открыл дверь пошире так, что свет из коридора осветил пол моей комнаты.

Сзади него прошла очередная девушка, по направлению его руки к следующей комнате – комнате Люцифера.

– Похоже, что это мой новый стиль... – все также безучастно к окружающему ответил я. – Иди, развлекайся.

Увидев девушку, я окончательно потерял надежду погово-

ритель с братом. Конечно, я мог сказать ему «иди сюда, мне надо поговорить». Но почему человек, чье существование насквозь светится идиотскими лучами тошнотворного не существующего солнца, должен тратить свое беззаботное время препровождения на унылое говно вроде меня, выслушивая результаты маразматичных поступков моей любимой девушки.

Я просто отвернулся на бок и услышал, как дверь слегка скрипнув закрылась. В комнате наступила тишина, сраная тишина и такой маниакально-соблазнительный свет вечернего бытия. Черт его побери, он валялся у меня на полу, под окном. Морально я упрасивал кого-то в голове, чтобы мой ненаглядный брат вел себя потише ночью: у меня совсем не было настроения слушать их лживые вздохи выдуманной одноночной любви. Но брат умудрился удивить меня.

Где-то через полчаса в дверь раздался стук. Честно, я был слегка шокирован – стук. Совершенно не адекватное поведение для моего импульсивного брата. Более того, это было не адекватно хотя бы потому, что он был не один. Я развернулся и молча уставился на дверь. *«Может он случайно задел?»*, подумал я, продолжая смотреть на дверь. На этаже стояла тишина, которую снова нарушил стук в дверь.

– Ну, чего затих-то? – раздался возмущенный вопль Люца.

Я вздохнул и крикнул ему, чтобы он заходил. Брат вошел в комнату, закрыл за собой дверь и с улыбкой больного ре-

бенка подошел ко мне. Без фамильярностей он грохнулся на мою кровать и молча уставился на меня. Через две минуты он заговорил.

– Кажется, я предупреждал, что ты окажешься в очередном дерьме из-за очередной бабы! – произнес он злорадно.

Стоит ли говорить, что его злорадно-издевательская рожда просто выпрашивала, чтобы что-нибудь по ней съездило. Можно сказать, что я прибывал в депрессии, а тут пришло это гнусное лицо, ехидничает и улыбается.

– Что ты здесь делаешь? – выдавил я из себя, укрощая раздражающуюся злость внутри.

Хочет ржать – пусть ржет! Пусть хоть пузо себе порвет от смеха!

– Пришел узнать, не чиркаешь ли ты тут лезвием по венкам! – усмехнулся брат.

– Очень смешно! – я изобразил идиотскую улыбку.

Ну почему родной брат всегда выбирал такие неудачные моменты, чтобы поржать надо мной? Почему ему вообще надо было надо мной ржать, даже несмотря на то, что иногда он за это получал?

– Что случилось-то? – внезапно, к моему удивлению, Люцифер обрел некую серьезность, от которой меня просто начало мутить, ибо я подумал, что он просто окончательно издевается надо мной!

– Тебе лишний повод поржать нужен? Кого хера ты вообще здесь сидишь? Разве тебе не пора удовлетворять свою

ночную шлюху? – взревел я, проклиная брата, его мудацкие издевки и предложения.

Люц снова улыбнулся и опустил голову. Совершенно нагло и ни грамма не смущаясь он достал сигареты, прикурил, полуразвалился, чем притеснил меня и уставился в потолок.

Мы молчали. Мы сидели в темноте. Наши одинаковые лица были устремлены вверх.

– Мой дорогой братец! – тихим голосом сказал он, так и не отрывая взгляда от потолка. – На твоём скорбном лице нет места даже для уродливого горя, так как там слишком до хера отчаяния. Мою ночную шлюху я отправил домой. Я, конечно, хотел бы почувствовать себя полным гондоном, трахаться всю ночь, спать пол утра... Что случилось, Гавр? – снова спросил он, наконец, посмотрев на меня.

Я вздохнул.

Что случилось? Беспроглядная, идиотическая пучина, вот что случилось. Я зажмурился, потер руками лицо и сел удобнее, разглядывая лицо брата.

– Ничего хорошего не случилось... – прошептал я.

– Я и спрашиваю, что случилось плохого? Про хорошее обычно не спрашивают, да и с такой рожей не сидят! – он попытался улыбнуться по-доброму. – Где Роза?

Честно, я даже не знал, что мне ответить на этот вопрос. Начать рассказывать всю ту херню – сравнимо с жалобой, а я не привык жаловаться... тем более брату, надменному, циничному, да просто шлюхе в мужском обличье, которая

ничего не понимает и глумится над любовью.

– Я не знаю... – Я решил все-таки поболтать с Люцифером.

Пусть он окончательно смешает меня с говном, мне было уже наплевать.

– Как так-то? – удивился он и снова улыбнулся.

– Она не пришла домой, как видишь! – с долей цинизма ответил я, все еще ожидая, что Люц вот-вот начнет ржать.

Но он сидел, всего лишь с легкой лыбой на лице.

– Ты ее обидел? – он удивленно захлопал глазами, сам не веря в то, что спросил.

Вот после этого вопроса я не смог не улыбнуться. Я обидел Розу! Ха-ха! Я все рассказал ему: почему Роза так поступила, о ее пощечинах при всем ВУЗе, о Мелише, о моей так называемой измене, предательстве или, не знаю, как там это Роза называла. Пока я говорил, брат, как ни странно, молчал, но как только я закончил свою «утопию», Люц сказал «извини» и разразился жутким хохотом. Чуть ли не впервые в жизни я не хотел разбить ему лицо, более того, через несколько секунд я ржал вместе с ним.

– Гавриил, у тебя уникальная способность встречать в такого рода чушь! К тому же ты умудряешься сам остаться без бабы и мне всю ночь изгадить! Можешь начинать писать диссертации, вымаливая в них прощения, при этом собирай кучу свидетелей, кто подтвердит твою незаинтересованность в «любовнице», покупай наколенники, чтобы свои не стереть.

– Да... Мое охренительное будущее меня почти устраивает! Вот только почему опять я должен валяться в ногах? Просить прощения за то, что ей что-то померещилось, за ее пощечины?...

– Ты сам выбрал себе такое развлечение. Постоянное присутствие девушки требует кучку усилий и волшебной фразы: *ты всегда ей должен*, пофиг что, но ты должен. Я тебя предупреждал, ты сказал, что твои отношения совершенно другие. Да, я не спорю, может они и другие, но приплыл ты все-таки в ту же самую кучу говна, где и любил бывать до этого...

Я сидел, смотрел на своего брата и искал рукой сигареты на тумбочке. Меня даже не злило, что он был прав...опять. Его циничные, пропитанные сарказмом фразы говорили мне только об одном – опять я мудака. Я уже начал переживать, а не мой ли это удел – быть мудаком всю жизнь? Чего-чего, а такая перспектива меня совершенно не радовала. Мне было также интересно, откуда в светлой голове Люца появлялись такого рода мысли. Если я не хотел быть мудаком, то брат старательно косил под него. У него были свои планы на жизнь и хер кто с ним поспорил бы по этому поводу.

– Как же все забавно складывается...но только не для меня! – усмехнувшись, сказал я.

– Вставай, горе-любовник, пойдем чаю попьем! – предложил он и пошел к двери.

Я снова улыбнулся, встал и пошел за ним.

Я был жутко рад, что в тот момент у меня был рядом брат. Конечно, я был удивлен, нет, даже смертельно шокирован, что Люцифер отказался от секса, чтобы выслушивать мое ночное вытье. Возможно, в тот момент я начал понимать, что значит иметь брата: оказывается, в этом есть хоть какие-то плюсы. Все-таки Люц любил меня как брата, неважно, что он при этом творит, кем прикидывается, что говорит. Он был моим братом! Я его любил, ненавидел, я хотел, чтобы он был рядом.

До самого утра он что-то говорил мне, пытался успокоить, приводил какие-то доводы, подтверждающие его правоту. Люц был уверен, что девушек обучали такому поведению на парах у Алогэ, вход на которые нам был заказан. Люц рассказал мне, что как-то раз он вышел в туалет с немецкого, и узнал кое-что интересное. Проходя мимо кабинета, где были открыты двери, Люц решил остановиться. Это была пара у Алогэ, как раз женская часть. Почему-то до этого момента я никогда не думал, что можно ведь подслушать, о чем говорят и чему учат девчонок. В общем, Люц рассказал, о чем Алогэ театрально распиналась перед женской аудиторией.

—... Милые девушки, вы не должны позволять обращаться с собой плохо. Если вам что-то не нравится, скажите об этом так, как считаете нужным. Но есть одно «но». Прежде всего, чтобы научиться манипулировать мужской частью, вы должны быть уверены, что вас любят или в вас должно быть что-то такое, чего у других нет, чтобы вам не могли соста-

вить конкуренцию. Одним словом, вы должны держать своего мужчину не в ежовых рукавицах, а кое-чем, чего он не захочет терять, так, чтобы ему было очень больно, но он знал, что без этой боли ему будет еще больнее. Мы же все знаем, как мужчины относятся к боли. Вы может сделать его зависимым от вас. Какими путями это можно сделать, мы с вами будем разбирать на дальнейших парах. Например, если вы ждете от своего парня извинений, будет так любезны дожидаться их, не идите первыми на контакт, ибо дальше вам будет все сложнее и сложнее вытащить из него слова сожаления...

Рассказывая эту чушь, Люцифер смеялся жутким смехом, в то время, как в у меня в груди сердце покрывалось пугающим холодом. Мои догадки подтверждались: девчонок все-таки учили быть суками, причем не хорошими, а такими, которым хочется ломать головы. Я почувствовал себя несчастным подопытным кроликом, на котором Роза оттачивала свое «мастерство».

Люцифер продолжался смеяться – у него не было постоянства, он не понимал всего ужаса. На мгновение я представил, что случится с Розой к моменту нашего выпуска, да и не только с ней, а со всеми девушками, которые пока еще в свои семнадцать-восемнадцать лет могут улыбнуться, потому что им действительно захотелось это сделать, по-настоящему.

Значит, после таких пар девичьи улыбки станут фальшивыми, сердца – гнилыми, тела – пустыми. Девушек готовили

к тому, что они должны продать душу жирному пузу, страшной роже, идущей рядом с ними за пару пачек долларов. На хер нам душа? Что с ней можно сделать в современном мире? Ничего. А люди современности бесполезный хлам не держат. Выкинь душу – обогатись материально – забудь слово «мораль». *То, что нельзя потрогать, не достойно обсуждаться!* – вот, чему нас учили. Наверное, тогда у меня началась настоящая депрессия за все человечество, которое хотело этому учиться и восторгалось своими успехами.

Моя любимая девушка пыталась стать идеальной частью благовоспитанного общества. У нее все было нормально, у нее не было никаких проблем, единственной ее проблемой был я, как мне казалось. Она ждала от меня извинений. Нет, это мягко сказано. Она хотела, чтобы я ползал у нее в ногах с лезвием в руках и молил о пощаде. И каждый раз, когда она говорила *еще*, я резал бы себе по венам, показывая, свою бесконечную любовь. Ведь *слово* само себе – это *морально*, его нельзя потрогать, а раз его не существует в современности, значит режь на хер вены, может хотя бы что-то докажешь. У людей, имеющих деньги, все было намного проще: потряхнул купюрами перед носом или прошуршал одной перед ухом – все – теорема доказана! Прощен!

Люцифер также прекрасно понимал всю мутатень, но держался значительно лучше. Хотел бы я спросить его: ему действительно плевать или он так просто потрясающе прикидывается, но я боялся услышать ответ.

До выхода в университет у нас оставалось два часа. Вначале, я не хотел туда идти, но затем, поговорив с Люцом, мною завладело любопытство. Я ведь прекрасно знал, как Роза выглядела и после чего. Я решил сходить и посмотреть на нее. «Материально» или «морально» может еще как, но я любил ее... Ха, я был готов ползать у нее в ногах и просить прощения потому, что любил ее.

Я подумал, что мне абсолютно наплевать на себя, я хотел, чтобы она была рядом и раз для этого я должен был извиниться, то я сделаю... Мне было наплевать, что Люц полночи рассказывал мне, что Роза не стоит таких сумасбродных мыслей, что ни одна из девушек не должна получать любовь путем морального унижения. Если она прикидывается душой лишь бы только услышать очередное *прости*, то надо ее потихоньку начинать ненавидеть, ибо она собирается обосрать всю жизнь. Плевать на все! Я любил и извиниться для меня не было проблемой! Поэтому я должен был поехать в университет потому, что помимо моего любопытства, я должен был извиниться...

Я пошел поспать хотя бы часок. В молодости так не хватает сна. Я бы все отдал за хороший, ежедневный сон. Как было бы прекрасно иметь сон и Розу... Но, как обычно, в сраной реальности то, чего больше всего желаешь, хер когда поимеешь.

- Ты куда? – спросил Люц, застегивая рубашку.
- Туда же, куда и ты! – ответил я, хлебая молоко.

Люц остановился и посмотрел с печальной улыбкой и даже, наверное, с издевкой продолжил:

– Ты едешь к ней? – спросил он замогильным голосом.

– Нет, я еду на пары. – Недолго думая, я почему-то соврал.

Конечно же, Люц услышал эту ложь. Как же резко у него поменялось выражение лица.

– Ты что, мудака? – спросил он, снова возвращаясь к пуговицам на черной рубашке.

Я посмотрел на него исподлобья: имел ли он право на такие высказывания? Или я действительно был мудаком?

– Я еду на пары! – снова повторил я, решив проигнорировать странный вопрос брата.

– Забей на пары, тебе отдохнуть надо, ты еле живой, всю ночь не спал...

– Я еду на пары! – перебил его я и пошел в прихожую.

Одним прыжком Люцифер оказался около меня. Он схватил меня за руку и безмолвно таращился мне в глаза. Я смотрел на него, как на свое отражение в зеркале, но видел совершенно другое лицо.

– Ты едешь к ней... – прошептал он, покачивая головой. – Я потратил ночь впустую, объясняя тебе всю эту чушь! Я отказался от секса, желая помочь тебе... И вот она благодарность – ты едешь к ней! К суке, которая начала равнять тебя с землей!

– Я не просил тебя работать моей сиделкой! И не надо говорить так о Розе!

Люцифер взглянул на меня, горько улыбнулся и отпустил мою руку. Я молча смотрел на него и понимал, что раз во мне хватает сил на то, чтобы злиться, то попросить прощения будет не проблемой.

– Давай, идиот, пошли, а то упустишь шанс повалиться у нее в ногах! – сострил Люцифер и пошел к входной двери.

Я досчитал до десяти, чтобы не двинуть ему по морде за столь издевательские высказывания и пошел за ним.

Всю дорогу мы молчали. Я был уверен, что мой брат ненавидел меня... Я его понимал. Я понимал его правду, его желания, но мои желания также были сильными. Если Люцу хотелось ненавидеть меня, я не мог возражать ему – вперед! *«Ненавидьте меня все, обижайтесь на меня все. Я – богопротивный кусок мяса, обделенный пониманием, не имеющий жалости к себе. Сравняйте меня с говном – я заслуживаю этого!»*, я смеялся про себя над собой. Что ж мне еще оставалось делать, если все ржут надо мной?

А солнцу-то как было на всех наплевать! Оно укрывалось пушистыми белыми облаками, пускало лучи на землю. Я любовался природой, пытаюсь абстрагироваться от неумелых, идиотских мыслей о Розе, о Люце и о себе. Я курил сигарету, пялился на солнце, сжигая себе глаза и... улыбался, предвкушая разговор с Розой.

Мы подъехали к университету. Брат заглушил мотор и уставился на меня со свойственной ему улыбкой говнюка.

– Вали, чего же ты ждешь? Вон твоя зазноба! – Люц усмех-

нулся.

– Я посижу еще пару минут, речь продумаю...

– Машину закрой! – Люцифер кинул мне ключи на колени, вышел из машины и направился к университету.

Я наблюдал за ним. Он подошел к Розе, улыбнулся, а затем, как мне показалось, он прижался к ее щеке. Но приглядевшись, я понял, что он что-то шепчет ей. Мне было жутко интересно что, потому что от этого шепота выражение лица Розы становилось более озадаченным. Еще интереснее мне было, как он сумел доказать ей, что он – это Люцифер?

Я докурил, вылез из машины и направился к ней. Люц улыбнулся и пошел дальше. Я приблизился к Розе. Белоснежное каре на солнце отдавало перламутром. Голубые глаза почему-то были преисполнены добротой. Хорошо ли это было? Вчера она чуть ли не воткнула мне нож в спину, а сегодня смотрит, как Офелия на Гамлета.

– Привет! – сказал я, жутко нервничая.

Я ведь не знал, что она мне скажет, куда пошлет. Но она ничего не говорила, просто стояла и смотрела. С каждой минутой я все больше и больше чувствовал себя неловко.

– Где ты была? – спросил я, не надеясь получить никакого ответа.

Девушка улыбнулась и легкой походкой пошла в курилку. Как и предполагалось, я поплелся за ней. Через две минуты должна была начаться пара у Лафортаньяны, если мы там не появимся, это означало – у каждого долг. Хех...мне было

наплевать... Розе, видимо, тоже.

– Знаешь, – ее голос, божественный голос...

Я не слышал его так долго, мне казалось, что целую вечность и не одну. Она шла, а у меня в ушах эхом играло слово «знаешь» с ее обычной вопросительной интонацией.

– Что? – спросил я воодушевлено.

– Когда ты пришел после разгрузки... Ну или после встречи с Мелишей, так правильнее сказать, я ведь тоже спрашивала тебя, где ты был. Вместо ответа ты затащил меня в койку и после уснул младенческим сном.

– Роза, у меня не было свидания с Мелишей...

– Ты сидел с ней за одним столом... вдвоем... с пивом. Как ты это называешь, если это не свидание?

– Дружеская встреча... – я никак не мог понять, откуда она знает подробности.

Видимо, заметив мою озадаченность, Роза сказала, что спрашивала у Мелиши о деталях нашего «свидания». Мое сердце бешено заколотилось, услышав такое заявление, ведь Мелиша могла наговорить все, что угодно, а Роза проявляла слабость к чрезмерной вере посторонним. Я вжался и замолчал. Роза тоже не спешила с ответом. Она словно нити из меня вытягивала, как из какой-то марионетки. Роза явно наслаждалась своим положением, возможно, правильнее будет сказать, что она упивалась всем этим.

– Это была... ей просто надо было поговорить со мной...

– О чем? – спросила Роза.

Ее взгляд был устремлен к небу, к пустому чистому небу.

– Мне сказать за тебя? Или ты наберешься сил и сам, наконец, скажешь?

Вот не понятная черта характера! Такие люди, как Роза способны душу из человека вытащить, не то что пару слов.

–...она влюбилась в меня, решила рассказать мне об этом...

Опять послышался шлепок, по щеке пробежался легкий холодок.

Я судорожно начал рыться в прошлом, вспоминать кролика, который когда-то у нас жил. Да, да! Большой, такой домашний кролик! Мы с братом периодически таскали его за уши, а мать орала на нас из-за этого. У нее была миссия – спасти кролика. Ей все время казалось, что он в опасности, и неважно, что при этом делали мы. В итоге он умер...от старости, а не оттого, что мы допекли его. Вот об этом я думал, пока пощечина остывала на моем лице.

Меня это уже не просто злило, я буквально пылал от ярости, гнева и ненависти. Мне очень хотелось ударить эту девушку. Я был в шоке от себя. Я раньше часто думал, что у меня никогда даже мысли не будет о том, чтобы ударить Розу или хоть как-то навредить ей, причинить боль. Но тогда, после очередной затрещины (хорошо, что студентов кругом не было), я действительно хотел схватить ее за горло, придушить, ударить, не знаю, толкнуть...

– Ты мне противен! – ярость, звучавшая в ее голосе, про-

сто сводила меня с ума.

Почему? Почему она так отреагировала? Значило ли это, что Мелиша сказала что-то не то... Значит Мелиша соврала!

– Я не разговаривала с Мелишей! – продолжила Роза. – Что я, совсем себя не уважаю что ли? Я специально тебе так сказала, чтобы ты мне все сам рассказал! И ты рассказал! Она значит любит? Ты теперь счастлив? А? Ты доволен? Тебя любят две девушки и одна из этих дур – я!

Она заплакала, оттолкнула меня и убежала в университет, даже не докурив сигарету. Я остался один в полном замешательстве. На сером асфальте тлел ее бычок, одиноко и мерзко так же, как и я, тлел, стоя в мусорных помойках. Я был настолько озадачен, что терялся в собственных чувствах, догадках и ощущениях.

Черт побери, я не знал, что мне делать: удариться головой о дерево, упасть на асфальт и забиться в конвульсивном плаче или смехе, поржать и пойти напиться? Что? У меня в груди что-то рвало до жути больно и отчаянно... может сигаретный дым, может отчаяние, может еще какая херня, не знаю, но комок в горле начал надоедать мне.

Я написал Люциферу сообщение, что моя сраная жизнь настолько прекрасна, что, пожалуй, я пойду домой и впаду там в спячку депрессии, самобичевания и ненависти, может выпью яда и все такое... Чушь, конечно, мне просто хотелось уползти в свою бетонную раковину, как рак-отшельник, чтобы меня никто не трогал. Я не мог представить себе, как в

таким «воодушевленном» состоянии можно было идти к Лафортаньяне? Можно, если бы мне только окончательно захотелось убедиться в собственном бытии конченного неудачника. На тот момент мне казалось, что я и без Лафортаньяны все понимал.

На следующий день все повторилось, за исключением того, что Люцифер не особо-то хотел успокаивать меня, и Роза вроде не была больше. А так, ночь она провела опять не со мной, я рвал на себе волосы от горя и обиды, Люц всю ночь трахался! Ну чего мне было жаловаться-то? У меня все было прекрасно...почти...

Мы сидели у Рэйта. Перемена уже закончилась, но профессора не было, похоже он опаздывал. Я сидел на последней парте, рядом был Люц, Роза, как всегда, на своем месте у окна. Это была уже третья пара, а девушка даже не посмотрела на меня за весь день, словно меня не существовало, она вела себя так, будто мы никогда не были знакомы, она никогда не любила меня, она не знала, кто такой Гавриил! Вот так выглядело ее поведение. В моей голове постоянно мелькала фраза *«тебя любят две девушки, и одна из этих дур – я»*. То есть, грубо говоря, она призналась мне в любви, но при этом знать меня не хотела. Весь этот дурдом ломал мне голову и очень даже успешно: я чувствовал себя почти имбицилом.

Люцифер сидел рядом, но он тоже особо-то не спешил вести одушевленную беседу. Я его понимал: он был обижен...но мне было по херу. Обида брата – такая мелочь! Я

знал, что он никуда не денется, а вот Роза... Перед ней были открыты все дороги, а я метался и не знал, на какую из них встать, чтобы перекрыть собою путь.

– Обещание. – Рэйт как всегда влетел в кабинет.

У него был вид вечно опаздывающего человека, у которого нет времени, чтобы жить размеренно, не задыхаясь и не теряя себя в ничтожных крысиных бегах за каким-то неясным хером. Рэйт же всегда начинал так свои лекции: вбегал, как ошпаренный в кабинет, на ходу орал одно слово, кое означало тему лекции, и начинал свой жуткий речитатив. Он никогда не проводил переключку, ему просто было наплевать на присутствующих. Мы привыкли. Мы научились записывать его лекции стенографическим почерк, что потом сами же не могли разобрать его.

Да пофиг – меня это все равно не касалось. Я также продолжал ходить с одной лишь несчастной тетрадкой, честно говоря, теряясь в догадках, как же ее все-таки подписать. Это была одна тонкая тетрадь на все предметы. Я даже не знал, были ли чернила в моей ручке, пока не начинал рисовать.

– Обещание – снова повторил Рэйт, наконец, добежав до своего стола. – Сегодняшняя лекция посвящена тому, чего мы хотим сделать и чего от нас ожидают и что мы делаем. Заметьте, я не сказал «на что мы способны», потому что человек вообще способен на многие вещи... правда, если он захочет. Обещание – это форма несдержанности или невыполнимости, как вам больше нравится, смысл тот же. Чест-

но говоря, само слово уже считается архаизмом, люди его практически не употребляют. Его вы можете услышать только в низких сословиях, у низких классов и бомжей. В высшем свете – звучание этого слова редко. Немного хотелось бы сказать о его семантике. Ранее люди употребляли его, как залог того, что человек сделает то, о чем говорит. Со временем, «обещание» стало претерпевать изменения и в данный момент получило определение, как форма несбыточности, несдержанности или невыполнимости. Что это значит? На самом деле все очень просто: если человек что-то обещает, то девяносто-девять процентов того, что он сделает все с точностью наоборот – в лучшем случае, или по статистике – вообще ничего не сделает. Если вам кто-то что-то обещает, вам стоит улыбнуться в знак того, что вы поняли – вам нечего ожидать от этого человека. В наши дни «обещание» сохранилось формально, так как люди просто обожают всякие такие формальности – ими достаточно легко и примитивно заполняются пустоты в разговоре и к тому же они не требуют никаких обязательств. Вы ведь знаете о всепоглощающей людской любви к беззаботности и жуткого страха и кровавой ненависти обязательств. Именно эти чувства привели к тому, что мы имеем сейчас. Если же вам действительно что-то надо от кого-то, то услышать его «обещание» в ответ и успокоиться на этом будет означать, что вы останетесь в меньшинстве в самом плохом смысле этого слова! В серьезных и важных делах лучше всего обратиться к юридиче-

ским лицам. Но, не все так просто, как звучит в этом кабинете. Чтобы получить хоть какой-то прок или выгоду от посещения юридических офисов, вам следует прихватить с собой «немножко» денег. В таком случае, вначале вы получите нотариально утвержденное «обещание» от нужного вам человека, что, несомненно, заставит его произвести какие-то, нет, не какие-то, а необходимые вам действия. Вывод прост: «я обещаю» – это между так называемыми друзьями, а «будет решаться судом и взыскаться морально» – для дел. Кстати, последнее вполне можно использовать между друзьями. Мы ведь уже не раз сталкивались с тем, что «друзья» злоупотребляют «обещаниями» и «святой верой» в них...

Вот так вот протекала очередная пара, на которой я не знал, что делать: то ли плакать, слушая лекцию, то ли забыть и пытаться продумать план по примирению с Розой. Я даже не злился...ибо почти был согласен с лекцией! Обещаниям никто не верит, потому что никто их не выполняет, но я был совершенно не согласен с решением проблемы! Хотя какая это проблема? Мир давно не верит сам себе, единственное, что может хоть как-то дать сраную веру друг другу, так это адвокаты.

Наслушавшись панихидной лекции, мне стало совсем не весело. Я, как слепая и глухая собака, продолжал верить в обещания. Наша мать учила нас по-другому... К моему великому, нет, превеликому счастью, она не училась в ВУЗе. Она закончила школу, а потом пошла работать поваром в

церковь, по совместительству уборщицей. И, черт побери! Она приходила в грязной одежде домой, с полупустой сумкой продуктов (самых дешевых), но счастливая и улыбочивая. На свои несчастные копейки она подарила нам с Люцом это «корыто», на котором мы ездили в университет. Ну, так вот, наша мать всегда говорила, что язык – это прародитель действий, за которые говорящий ответственен перед самим собой, а ответственность перед самим собой намного ценнее, чем параноидальная туалетная бумага с кривыми напечатанными буквами и печатью юриста. Но так говорили наша мать, а кто такая была наша мать? Как бы ее назвали – низший класс, без семейного древа, без имени, без денег, без нечего. Она была никем окруженная ничем. Поэтому ее слова помнили только мы с братом, потому что для нас она была всем. Я стал ценить ее еще больше, чем когда-либо, когда начал учиться в гнилом месте... Ее слова, и только ее, были путеводителем для меня по моей сраной жизни.

Я также испытывал сильнейшее расстройство из-за Розы. Ведь до этой лекции я намеривался еще раз извиниться и пообещать ей, что все мои действия она будет знать наперед. Но я был уверен, что прослушав столько «ценные» акты на лекции Рэйта, Роза просто не поверит мне на слово. Идти к адвокату и ставить росписи под его печатью – у меня не было денег. Господи, как же мерзко было на душе уже четко зная, что «на слово» – ненавистный многими людьми арханизм, о котором даже не хотят вспоминать... В тот день я по-

что смирился с ценностями «падшего» стада... Слава богу, что у дня есть конец.

Посреди лекции Люцифер толкнул меня в бок и подsunул сложенный лист бумаги. Записку.

Поначалу, мое сердце бешено заколотилось, ведь я наивно предположил, что она от Розы, но потом вспомнил, что я – никто или, наверное, даже ничто для нее, а писать пустоте записки – так можно в дурку загреметь. Поэтому я просто вздохнул и развернул лист. По почерку я сразу же догадался, кто является автором сия творения: полудурок – Люцифер.

«Как тебе новые познания? Впервые я рад, что матери нет,

она бы просто не пережила, узнай она, чему нас тут учат!

Скажи мне честно, брат, о чем ты сейчас думал? Где взять

денег, чтобы сходить к адвокату, который заверит твое ничтожное

обещание в вечной любви к ней? Или пойдешь почитать средневековых поэтов, чтобы набраться красивых и в то же

время жвачных слов, которые будут потом окутывать ее, замороженной идеей красного диплома, мозг? Или может

ты, как здравомыслящий человек, коем я тебя считал до

этого,

*спустишься на землю и забудешь ее? В этой лекции есть
немного
о тебе и твоей горе-любви...*

*P.S. Я видел, как она ударила тебя вчера... Но я решил
быть ничего*

*незамечающим гондоном, до сегодняшнего момента... Тя-
жело быть*

*мудаком, когда твой брат действительно становится
мудаком. Это твоя ошибка, сделай ее сам... Но я хотел
бы помочь*

*тебе, чтобы у тебя была возможность либо исправить
эту ошибку,*

либо забыть о ней!»

Я перечитал несколько раз чертову записку и почему-то мне стало еще противнее. Я ненавидел стиль его разговора. Зачем ему все это надо было? Почему он постоянно говорил болью...моей чертовой болью? Столько насмешки в его чертовых строках, которая заставляла мою кровь кипеть. Как я мог научиться воспринимать все так легко? Так наплева-тельски? Он снова вызывал во мне чувства зависти...

Я не стал отвечать ему, просто убрал письмо в тетрадь (теперь в ней будут хоть какие-то чернила) и посмотрел на брата краем глаза. Безднадежный, никчемный кусок, наверное,

даже каменного сердца брата вряд ли когда почувствует что-либо к девушке... Его единственный и самый чувствительный орган в его штанах рано или поздно умрет, и Люц останется совсем один. Ха-ха! В любом случае мы оба останемся неудачниками: он без хера и в гордом одиночестве, а я – может быть с хером, но без девушки, и так же в полном одиночестве, как и наша мать... Семейное проклятье? Или я драматизировал? Да плевать...

Как только прозвенел звонок свободы, я встал и пошел в курилку. Тот день был чуть ли не единственным, когда я стоял в гордом одиночестве. Со мной не было брата, не было Розы, у меня не было даже друзей... Я нашел одну из своих ошибок. Как только мы поступили в злободневный университет, я сразу же обзавелся девушкой, соответственно мне было уже не до дружбы. Плюс, я думал, что Люцифер всегда будет рядом... Откуда же я знал, что этот засранец способен обижаться? В общем, апрель первого курса был ну очень «удачливым», я не знал, что сотворить на радостях: нажраться, заболеть, просто закрыться в комнате... всем ведь наплевать!

У нас была еще одна пара – четвертая, которая началась только во втором семестре: «Экономика. Математика». Профессора звали Лило Вянор. Это была женщина лет сорока с миловидной внешностью, добродушным настроением, спокойным голосом. «Экономика. Математика» – был почти адекватный предмет, как ни странно. Просто на этих парах

нас учили вычитать что-то у кого-то и за что-то, короче, очередная бредятинa, правда, математическая, рассказывающая, как кого-нибудь хорошенько надуть. Профессор Вянон рассказывала о важности знаний об экономическом состоянии страны, так как они либо способствует собственному финансовому росту, либо наоборот. Лило давала кучу формул с иксами, игреками, зетами... в которых я ничего не понимал. Зато мой брат был отменным счетоводом. Лило очень любила нас, в общем-то, как и всю группу. Она никогда не ставила двоек, даже если что-то было не сделано, она всегда ставила тройки и говорила: «Да, считать – это тяжело, я не настаиваю, но не просчитайте свою жизнь, вам за это три уже не поставят». Я кивал головой, иногда даже улыбался, мне не сложно. Я просто был рад, что хоть один профессор был более-менее адекватен!

Люциферу она тоже нравилась – он не прогулял ни одной пары – для него это был странный рекорд.

Роза же, банально, даже в сраных бессмысленных (да простит меня Пифагор) цифрах находила глубочайший смысл для своей будущей жизни. Она решала эти жутко выглядящее уравнения, словно это были детские задачки, типа сколько будет два зайца плюс еще один? По математике у нее была твердая, жирная и недвижимая пятерка. Порой я себя спрашивал, будет ли хоть один предмет, который вызовет у Розы проблемы, который ей не понравится? Ее грандиозные успехи в учебе говорили лишь об одном – ей жутко нравил-

ся весь этот бред... В противном случае пятерок было бы меньше.

В общем, на этой последней паре я решил воспользоваться идеей Люцифера – написать записку.

«Милая Роза... Прости меня за то, что сразу ничего не рассказал.

Клянусь, я не подумал, что двухминутный разговор с девушкой

не о чем, вызовете такие тяжкие для меня последствия.
Разговор

«не-о-чем» – потому, что мне наплевать на ее любовь, чувства, и

вообще, мне наплевать на всех девушек, кроме тебя...

Роза, я безумно люблю тебя! Прошу, не разбивай мне сердце

Своим жестоким, эсесовским поведением. Ты не представляешь,

сколько боли мне приносит каждый день твоей тишины и моего

отсутствия... Я клянусь тебе, что у меня и в мыслях не было того,

чего ты придумала себе... Роза! Я люблю тебя, только тебя... Я

прошу, прости! Давай встретимся? В нашем баре... В семь?

Я буду ждать! Приди, пожалуйста...
Люблю. Жду. Прости!»

Я передал записку через ее хорошую знакомую Савьяж и сразу же после пары побежал в бар, ждать Розу. Стоит ли говорить, что она не пришла...

Третья ночь прошла в полном бреде. Мне снились кошмары, при этом я думал, что не спал, а вроде, как и спал. Я просыпался каждые полчаса, весь мокрый, в поту, шепча «Роза», магическое имя, без которого я просто с ума сходил... в буквальном смысле этого слова. Жаль, что тронулся я не окончательно, а только на несколько ночей.

Вот так вот прошло еще несколько дней: я – в аду, брат – в соседней комнате, обновляет сперматозоидов, Роза – где-то.

С горе пополам я ходил на учебу в течение этих дней. Конечно, ходил я туда, чтобы увидеть Розу. Каждый раз я снова пытался объяснить, но у меня ничего не получалось, точнее Роза указывала мне какую-нибудь веселую дорогу, ведущую прочь от нее. Каждый раз она говорила, очень много кричала, визжала, пищала... Слава богу не била. Тогда я подумал, что же случится, если я совершу какую-нибудь действительно серьезную ошибку? Лучше сразу найти самое высокое здание в городке и с широко открытыми глазами сигануть вниз с воплями о божественном прощении хотя бы перед смертью. Интересно, она простила бы в таком случае? Хоть капля милосердия, сраного человеческого милосердия

в ней была? Я же мучился, даже не скрывал этих жутких мучений... Роза была слишком жестока, непреклонна – одним словом – обижена...

Было утро, тоскливое утро. Моросил дождь, стоял туман. Погода хреново действовала на людей, особенно на меня и мою уже, наверное, недельную депрессию. Но туман меня привлекал. Он словно скрывал всю человеческую убогость, пытаюсь окутать ее пеленой неприступности. Утром я открыл глаза и понял, что моя жизнь просто издевается надо мной: у меня жутко болел зуб...мудрости. Вот уж действительно очаровательная вещь – болит так, что смерть кажется полной чушью, а зуба самого нет! Мне вообще жить расхотелось, поняв окончательно, что со мной творится.

Я встал и с гнусной рожей пошел в ванную. Я долго смотрел на свое отражение – более уродя я еще не видел! Черные синяки под глазами, не расчёсанные волосы, печальная рожа... и вспухшая щека, точнее челюсть. Я залез пальцами в рот, пытаюсь нащупать хоть что-то, но у меня ничего не получалось: там ни хера не было, просто вспухшая десна и адская боль. Как я ни старался рассмотреть, что происходит во рту, у меня ничего не получилось. В итоге я психанул. Жуть какая – я психанул! Все, что стояло на раковине полетело на пол, что-то разбилось, что-то отскочило в разные углы... Мне было больно... А я ведь не очень любил болезненное состояние, оно мне было чуждо!

На шум в ванную вбежал Люцифер с вытаращенными гла-

зами. Он ничего не говорил, только смотрел на меня, на разбросанные вещи по полу, осколки, на мою щеку. Он молчал, а мне было больно из-за зуба, из-за Розы, из-за себя... На моем лице застыла маска отчаяния и безысходности, я просто не знал, что мне делать.

– Ну что, совсем бредешь? – тихо спросил Люцифер и посмотрел на меня с ущербной жалостью.

Я закрыл глаза. Черт, меня прокляни, я плакал, я точно чувствовал, как по щеке катилась теплая слеза... Мне даже не надо было ее пробовать, я знал, что она соленая и полна ничтожной, смешной боли, переполнявшей меня всего. У меня было состояние маниакального безумия, мне было абсолютно наплевать, что подумает обо мне Люцифер, что я сам о себе подумаю. Парни тоже плачут...и мужские слезы стоят дорого. Мне не было стыдно.

– Да ты чего, Гавр? – снова послышался шепот Люцифера.

Хотел я сказать ему «отвали» или «пошел к черту», но вместо этого я только крепко обнял его и просто... чуть с ума не сошел! Я и брат обнимались со слезами на глазах? Чего за херня? Сон? Кошмарный сон? Я жутко хотел проснуться, стереть пот со лба и улыбнуться. Вместо этого я снова услышал голос брата.

– Да ты горишь, чувак! – выдал он.

– В смысле? – спросил я и посмотрел на него.

Моя единственная слеза засохла, я был почти похож на нормального человека, только с опухшей рожей.

– Ты как в огне! Сколько? – спросил Люцифер.

Я смотрел на него: брат выглядел обеспокоено, что, несомненно, навело на меня панику. Люц нервничал! Это апогей!

– Чего сколько? О чем ты говоришь? – я попытался встать с пола, отпихивая от себя брата.

Меня пугала его внезапная нежность и материнство. Может, он чокнулся? Заболел? Или еще с ним чего случилось? Может, это мне нужно было беспокоиться за него? Затем я внезапно почувствовал жар, о котором говорил Люцифер.

– Я говорю о твоей температуре! С таким градусом, как у тебя, просто не живут! Вставай, пошли в кровать! – строгость его голоса почти насмешила меня, но я все-таки встал и поплелся в свою комнату.

Я залез в кровать, накрылся и уставился на брата. Люц стоял около двери, скрестив руки на груди и испепелял меня тяжелым взглядом.

– У меня просто зверски болит зуб... – промямлил я. – У нас есть обезболивающие?

– Придурок! – буркнул он. – У тебя температура, рожа опухшая, ты, по-моему, вообще в горячке. Какие к черту обезболивающие?! Тебе врач нужен... Зубной подойдет!

– Просто достань мне обезболивающие! – я закрыл глаза и представил, что брат исчез.

Через какое-то время я услышал, как дверь в моей комнате скрипнула – Люц ушел. Он принес мне таблетки и стакан воды, сказал, что я – идиот, и ушел.

Таблетки мне не помогли, жар просто убивал, зубная боль казалась мне неким адом, у которого нет конца, сквозь него можно было идти всю жизнь и, наверное, даже после смерти. Пронизывающая боль, как сраная, ненавистная гирлянда с шипами обвивала мое тело. Проклятый зуб мудрости! Ну почему у некоторых они растут совершенно безболезненно, а я опять, как глупое убожество, терпел очередную болячку. На этот раз я был в преисподней по полной программе: боль физическая плюс боль моральная и умножить на боль душевную равно адский ад, в коем я прибывал и меня рвала на части стая собак.

– Можно? – я услышал голос, который был сравним со вторым пришествием.

Это бальзам, который растекся по моему сраному телу и мозгу. Я хотел вскочить, привести себя в порядок, умыться рожу, вырвать гнусный зуб, чтобы щека не была такой пухлой, я хотел заорать, как я люблю ее... Но вместо этого, я только крякнул и еле приподнялся в кровати, пытаюсь прикрыть рожу одеялом.

Роза.

Благоухание ворвалось в комнату и его шлейф окутал меня. Господи, как я был счастлив, что она пришла. Ее лицо было печально, а я уже был не очень счастливым, так как начал думать, какого хера? Она была рядом... Но я не знал, что она хотела сказать, а я видел по ее лицу, что она собиралась что-то сказать. Можно сказать, что я почти обосрался!

Мне хотелось заткнуть ей рот, во избежание появления еще какой-нибудь боли в моем послужном списке.

– Как ты увнала? Сто ты тут делаес? – я жутко шепелявил из-за опухшей щеки.

– Мне позвонил Люцифер, сказал, что ты отвратительно выглядишь, что у тебя температура и ты отказываешься лечиться... – она слегка улыбнулась.

Боже, она была ангелом, настоящим ангелом. Самое реальное божество, сидящее на моей кровати.

– Ну и сто? Посему ты присла? Ты ненавидис меня... – Прошептал я и дотронулся до ее руки.

Она была такая прохладная, мне показалось, что мне полегчало от этого прикосновения. Роза молчала и смотрела пустым взглядом на тумбочку, на стакан с водой.

– Послусай, Роса! Я осень тебя люблю. Я клянусь тебе, сто мезду нами с Мелисей нисего не было, нет и не будет. Это была практисески слусяйная встреся... Я люблю тебя! Я не хосю тебя терять из-за глупой неуместной недоговорки...

– Шшш... – Роза положила своей прохладный палец мне на губы. – Я верю тебе! Все хорошо... Давай вызовем доктора?

– Нет, позалуйста, нет...

Хе-хе, хоть Роза и пришла, сделав мне одолжение, закрывая глаза на мое «отвратительное» поведение, я все равно чувствовал себя мерзко. Ну, покажите мне хоть одного человека, которому нравится медицина? Тем более зубные вра-

чи? Покажите мне хоть одного придурка, бегущего к дантисту с вселенской радостью? Ну почему этим придурком должен был стать именно я?

Роза смотрела на меня, как на существо мужского пола, которое не умеет плакать, не боится боли, не боится ничего! Ну ладно, к боли она почти приучила меня! Но вот к стоматологам... ну сдохнуть проще, правда! Я все время хотел казаться сильнее, чем я есть перед Розой, но как только речь зашла о зубах и их лечении, мне стало насрать, как я выгляжу, лишь бы меня только не подвергали пыткам в кабинете у дядьки в очках и с марлей на роже, с жуткими инструментами в руках. У меня появился превосходный шанс показать ей, что мужской пол тоже умеет чувствовать боль, переживать и плакать; показать ей, что, чтобы провалиться в душевный ад для этого не обязательно быть женщиной, в противном случае библейский ад не принимал бы нас к себе, если бы мы не чувствовали боли. Но девушки свято верят, что именно они являются мученицами на планете Земля только потому, что у них каждый месяц месячные и они раз-два в жизни рожают. Куда нам, парням с ними тягаться со своими отбитыми молотками пальцами, порезанными рожами во время бритья, разбитыми рожами во время драки, переломанными костями из-за аварии, болями организма (ведь живот и голова есть не только у девушек, но и у нас, что значит, у нас они тоже могут болеть). Вот бред-то! Милые дамы придумывают себе небывалые истории о небы-

валой мужской выдержке, об отсутствии нервной системы, а потом сидят около кровати и поражаются не понятно откуда взявшейся плаксивости! Ну что мне было делать: башку отрубить себе или что? Ну, боялся я стоматологов!

В итоге я препирался с ней около двух часов. Она говорила, что все будет хорошо, это не больно (банальная херня – в нее никто не верит, потому что это – больно). Потом она говорила, что у меня буду осложнения, вплоть до того, что мне пол башки отрежут, но я был согласен – по крайней мере, не в тот самый момент. Она говорила, что в какой-то клинике работает знакомый врач ее матери, мол он будет аккуратен.

Неужто она думала, что я соглашусь? Ее мать ненавидела меня, она могла спокойно шепнуть врачу, чтобы он меня случайно на небеса отправил. А что? Человеческий фактор – врачебная ошибка – пофиг! Она говорила, что я буду мучиться, а я говорил, что почти уже привык. А потом она сказала, что будет держать меня за руку и верю ли я ей? Я согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.